

4

2023

ISSN 0132-1625

СОЦИО

Болонский процесс:
оценка опыта

Как мы вершим эпистемное
правосудие

Контурсы миграционного кризиса

Российская фантастика
в фокусе социологов

Что думают китайцы
о США и России?

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

- 3 ГОФМАН А.Б. О господстве идеи господства: «воля к власти» в современной социальной теории (Часть I)
15 ТЕРНЕР С. Эпистемная справедливость к мертвым (перевод Н.В. Романовского)

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- 28 МЯГКОВ А.Ю. Нерандомизированные техники для сенситивных опросов: сравнительный анализ

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

- 39 СМИРНОВ А.В. Российская социология в условиях цифровизации общества: результаты анализа корпуса научных текстов

ДЕМОГРАФИЯ. МИГРАЦИЯ

- 51 ШУСТОВ А.В. Контуры миграционного кризиса 2020–2022 гг. в России
65 ОСАДЧАЯ Г.И. Мигранты из Узбекистана в Московской агломерации: оценка миграционного опыта
75 СИНЕЛЬНИКОВ А.Б. Социальная приемлемость объективных и субъективных причин для развода в современной России

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- 84 КЛЮЧАРЕВ Г.А., ТЮРИНА И.О. Болонский опыт: успехи и сомнения
94 ВАРШАВСКАЯ Е.Я. Практики внутрифирменного обучения выпускников вузов: масштабы и детерминанты

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- 106 АБРАМОВ Р.Н. Российская фантастика в жанре альтернативной истории как отражение массового сознания: социологические подходы
117 ЛАТОВ Ю.В. Парадоксы российской «попаданческой» фантастики
-

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

- 129 ЛИ ЦИНЬ, БАБИЧ Н.С. Отношение к России и США в общественном мнении современного Китая

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- 141 ПОДВОЙСКИЙ Д.Г. Мужчины, женщины, ... племена, народы: как живет человек среди его конструкторов? (Часть 2)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 153 БАЙМУРЗИНА Г.Р., ВАЛИАХМЕТОВ Р.М., БОЧАРОВ В.Ю. Качество занятости наемных работников и самозанятых в России
- 156 АНИКИНА М.Е., ХРУЛЬ В.М. XIV Грушинские чтения в МГУ
- 159 РОСТОВСКАЯ Т.К. Мужчины в современном российском обществе
- 161 ЗБОРОВСКИЙ Г.Е., АМБАРОВА П.А. О чем говорили социологи на XXIII Уральских социологических чтениях

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

- 163 КАТЕРНЫЙ И.В. Реализм и «формальная» социология: новая пересборка социального (о книге И.А. Шмерлиной)

170 КОРОТКО О КНИГАХ

IN MEMORIAM

- 173 Памяти К.И. Исаева

175 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 6. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc и обязательно три печатных экземпляра на адрес редакции. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© Российская академия наук, 2023

© Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2023

© Редколлегия журнала «Социологические исследования» (составитель), 2023

© 2023 г.

А.Б. ГОФМАН

О ГОСПОДСТВЕ ИДЕИ ГОСПОДСТВА: «ВОЛЯ К ВЛАСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ (Часть I)

ГОФМАН Александр Бенционович – доктор социологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (agofman@hse.ru).

Аннотация. В современной социологической и социальной теории на ведущее место выдвинулся концепт власти и главным образом такая его разновидность, как господство. Произошел своего рода захват концептуального пространства теоретической социологии понятиями власти и господства. Эти последние претендуют на роль главного объяснительного принципа социальной жизни. Автор квалифицирует данную теоретическую позицию как своего рода «властный детерминизм» и «властный редукционизм». Это прослеживается и в общей теории, и в отраслевых социологиях. Концептуальная экспансия власти и господства прослеживается и в том, что все большее значение имеют и близкие к ним понятия («сила», «насилие», «угнетение», «принуждение», «гегемония» и т.п.), а также антонимы соответствующих терминов («подчиненность», «повиновение», «субординация», «зависимость», «сопротивление», «несогласие» и т.п.). Подобные категории занимают важное место в социальных теориях современности (П. Бурдьё, Э. Лаклау и Ш. Муфф, Дж. Агамбена, Дж. Батлер и др.). Наиболее развернутую концепцию всеобщего и повсеместного присутствия власти разработал М. Фуко, попытавшийся реализовать призыв Ницше к тому, чтобы превратить социологию в учение о власти. В статье анализируются интеллектуальные истоки и сущность идеи «властного детерминизма» и «властного редукционизма».

Ключевые слова: власть • господство • социальная теория • концептуальная экспансия • М. Вебер • Ф. Ницше • М. Фуко

DOI: 10.31857/S013216250025448-5

«Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве» [Ленин, 1969: 145]. Перефразируя В.И. Ленина, можно сказать: коренной вопрос всякой современной социальной теории есть вопрос о власти везде и всюду. Можно констатировать своего рода одержимость многих социальных теоретиков концептом власти, и прежде всего такой его базовой разновидности, как господство (доминирование). Цель статьи – проанализировать существенные аспекты главенствующей роли и безграничной экспансии идеи «власти-господства» на концептуальное пространство социологической и, шире, социальной теории, а также интеллектуальные и практические истоки и следствия этого явления.

Парадигма власти-господства. В социальной и политической науке господство рассматривается как специфическая форма власти, отличающаяся от других ее форм. Классическая трактовка этих двух категорий М. Вебером хорошо известна. Согласно ему, «власть – это любая вероятность реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, на чем бы эта вероятность ни основывалась»,

а «господство – это вероятность того, что определенные люди повинуются приказу определенного содержания...». Он утверждал: «ситуация господства» предполагает только непосредственное наличие господствующего, но не обязательно – «штаба» или «союза» господства [Вебер, 2016: 109].

Разумеется, Вебер признавал также значение «права сильного», насилия и сопротивления в подобных ситуациях. Но в общетеоретическом плане он делал акцент на двусторонней взаимосвязи господства и повиновения, рассматривая ее как своего рода взаимобмен. Вебер обращал внимание на то, что повиновение может вызываться не только слабостью и беспомощностью повинующихся, но и их рациональной и практической заинтересованностью или оппортунистическими мотивами. Отсюда его повышенный интерес к легитимному господству, основанному на признании повинующимися, к формам этого господства [Вебер, гл. 1, § 3; гл. 3].

В отличие от веберовской интерпретации, в современных трактовках власти как господства часто подчеркивается ее принудительный и ограничительный характер. Выражая такую позицию, С. Льюкс утверждает: «Власть как господство есть способность ограничивать выбор других, используя принуждение или добиваясь согласия с их стороны через создание препятствий жить, как требуют их собственная природа и суждения» [Льюкс, 2010: 126]. Далее он развивает и усиливает это утверждение: «Власть как господство будет присутствовать там и тогда, где и когда она служит интересам власти имущих или не наносит им ущерба, а также негативно отражается на интересах тех, кто ей подчинен» [Льюкс, 2010: 126].

В качестве специфической особенности господства иногда подчеркивают устойчивость и постоянство власти одних групп и индивидов над другими [Кола, 2001: 78; Scott, 2006: 16; Ледяев, 2007: 508–509].

Нередки сугубо негативно-оценочные взгляды на господство. В этом случае оно, по существу, отождествляется с такими явлениями, как тирания, деспотия и авторитаризм, и оценивается как признак социальной патологии. Резюмируя подобные взгляды, авторы исследования политических представлений современных россиян, проведенного исследователями Института социологии ФНИСЦ РАН (руководитель С.В. Патрушев), выделяют следующие характерные признаки господства: 1) несправедливый вид социальных отношений; 2) нормативно-нежелательная форма «власти для»; 3) воспроизводство на структурной основе ингибиторов свободного осознанного выбора; 4) произвол власти: ее субъект по желанию устанавливает контроль над объектом и набором его возможностей; 5) структурно и процедурно обеспеченные возможности субъекта власти ограничивать, искажать возможности выбора ее объекта; 6) навязывание субъектом в своих интересах норм и правил социальных отношений; 7) установление статуса участников взаимодействия без учета интересов объектов власти [Патрушев и др., 2021: 141–143].

Очевидно, в таких трактовках господства оно выступает как явление, которое, будучи «патологическим», во-первых, встречается относительно редко, во-вторых, может, и должно, быть немедленно ликвидировано там, где оно все-таки существует, что, очевидно, вряд ли возможно.

Более широкую трактовку господства мы встречаем у П. Бурдьё, который приписывал ему чрезвычайно важную роль. Специфику социальных классов он видел в том, какое место они занимают в структуре господства, в свою очередь базирующегося на экономическом, культурном, социальном и символическом видах капитала. Особое значение Бурдьё придавал «символической власти», «символическому насилию» и «символическому господству», утверждая, что эти явления основаны на «символическом капитале». Сам процесс производства символов в его интерпретации есть инструмент господства. Символическая власть – это «власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и тем самым воздействие на мир» [Бурдьё, 2007: 95].

Бурдые подчеркивал, что «символическая власть есть превращенная, т.е. неузнаваемая, преобразованная и легитимированная форма власти, подчиненная другим формам власти» [Бурдые, 2007: 95]. Важное значение он придавал такому явлению, как «натурализация господства», т.е. репрезентации господства определенных групп как «естественного» результата легитимации, якобы укорененной в природе вещей и будто бы не истекающей из действий самих господствующих (см., в частности: [Бурдые, 2005]).

В некоторых трактовках господства можно найти сочетание негативно-оценочных и описательных подходов к его изучению. Американский философ политики И. Шапиро характеризует господство пятью отличительными признаками. 1) Оно «представляет угрозу для чьей-то свободы», если люди «попадают во власть других людей». 2) Это «вид несвободы», при которой господствующие могли бы ее уменьшить или устранить, по крайней мере в принципе. 3) Степень господства может быть различной в зависимости от важности для людей определенных ресурсов и возможности доступа к ним – безопасность, питание, здравоохранение, образование и т.д. Чем важнее ресурсы, тем больше нужда в них, тем уязвимее они для потенциального господства. 4) Это «тип несвободы, несущий в себе дыхание беззакония», иными словами, ситуация, в которой власть поддерживающие «каким-либо образом используют свою власть незаконно». 5) Оно – особого рода партикуляризм, скрытый внутри коллективных соглашений [Шапиро, 2019: 52–60].

В нашу задачу не входит рассмотрение разнообразных аспектов проблематики власти и господства; на эту тему существует множество трудов¹. Мы хотим лишь продемонстрировать наблюдаемую в настоящее время тенденцию придания власти, и прежде всего господству как ее разновидности, первостепенного значения в социальной жизни. «Власть-господство» составляет теперь своеобразный концептуальный симбиоз, призванный объяснить если не все, то почти все, что происходит внутри обществ и между ними. Социальные отношения все чаще рассматриваются как главным образом или исключительно отношения власти и господства.

Сегодня власть, включая господство, является далеко не только понятием политической социологии, как, в соответствии с традицией, считают Э. Гидденс и Ф. Саттон [Гидденс, Саттон, 2018: 296–305]. Она занимает важное место в понятийном аппарате таких областей социологического знания, как общая теория, социология семьи, гендера, сексуальности, организаций, знания и многих других.

Тема власти и господства – в центре многих популярных и влиятельных социальных теоретиков последних десятилетий, так или иначе находящихся под влиянием марксизма и постмарксизма, постмодернизма и постпостмодернизма, анархизма и постанархизма, постколониализма и деколонизализма. Часто они работают в университетах, но тесно связаны с социальными движениями, борющимися за справедливость, равенство и освобождение от разнообразных форм угнетения: расового, классового, гендерного и трансгендерного, идентификаторного и т.д. и т.п.

Важный вклад в трактовку «власти-господства» в качестве главного понятия социологии внесли представители Франкфуртской школы, Л. Альтюссер и многие другие неомарксисты. Помимо Фуко, чемпиона по числу цитирований и приверженцев, которого можно считать родоначальником подобного подхода, среди этих теоретиков – Э. Лаклау (Лакло) и Ш. Муфф («дискурсивная» теория гегемонии, опирающаяся на воззрения А. Грамши) [Лакло, Муфф, 2000], Дж. Агамбен (концепции «суверенной власти» и «чрезвычайного положения») [Агамбен, 2011а; Агамбен, 2011b], Дж. Батлер (теория «субъекции») [Батлер, 2002], С. Ньюман (постанархистские интерпретации «несуществования власти» и «восстания») [Ньюман, 2021: 101–122, 166–169] и т.д.

В отличие от ранних этапов развития социологии, не власть рассматривается как социальное явление, а, наоборот, общество, социальные институты трактуются как властные явления. Мы наблюдаем постоянную озабоченность, даже одержимость господством

¹ См., в частности, вышеназванные работы Льюкса, Скотта, а также книгу В.Г. Ледеява [Ледеяев, 2001].

в социальных науках, заставляющую видеть его везде и всюду. Можно с полным основанием утверждать, что произошла своего рода узурпация теоретической власти концептом власти: концепт господства сам стал господствующим. Наряду с собственно «властью-господством», ту же роль играют «соседние» понятия – «сила», «насилие», «угнетение», «авторитарность», «манипуляция», «подавление», «принуждение», «гегемония»² и т.п.

Вместе с тем антонимы терминов, как и симметричные следствия различных проявлений господства, также получили широкое распространение. Речь идет о словах «подчиненность», «повиновение», «субординация», «зависимость», «автономия», «сопротивление», «несогласие», «не-господство», «не-власть» и т.п. Связующим звеном между этими двумя рядами понятий, также обретающих популярность, оказываются категории «борьба», «освобождение», «восстание», «бунт» и т.п.

В отличие от предыдущих периодов истории социального знания, господство и власть все реже рассматриваются как *explanandum*, объясняемое явление, и все чаще – как *explanans*, как то, что в объяснении не нуждается и выступает как объяснительный принцип если не всех, то многих социальных явлений. Господством и властью, с легкой руки М. Фуко и его последователей, стали объяснять идентичность, гендер, сексуальность, тело, душу, субъективность, познание, в том числе научное, медицину, особенно психиатрию, и т.д. и т.п. И не просто объяснять, а редуцировать эти последние к первым, рассматривая их как своего рода эпифеномены господства-власти. «Господство» в такой интерпретации поглощает разнообразные социальные явления и процессы. Значительная их часть, которая, в сочетании с прилагательным «социальный», ранее описывалась в качестве самостоятельных и важных элементов социальной жизни такими терминами, как отношения, связи и взаимосвязи, действия и взаимодействия, влияние, контроль, институты, принадлежность, идентификация и самоидентификация, социализация и т.д., полностью или частично стали рассматриваться как продукты господства или формы его проявления.

Отсюда знаменитый понятийный гибрид Фуко «власть-знание». В принципе, продолжая процесс гибридизации и выражая ход мысли Фуко и его приверженцев, можно говорить и о «власти-гендере», «власти-сексуальности», «власти-субъективности», «власти-медицине», «власти-здоровье» и «власти-болезни»; список этот может быть сколь угодно длинным. «Власть-господство» нередко не просто соседствует и соединяется с другими понятиями, а *поглощает и вытесняет их*. Происходит безудержная экспансия этого концепта на понятийное пространство социальной теории, точнее – завоевание им этой теории. Многочисленные энтузиасты такого подхода, «начиная с Мишеля Фуко, ...впитали идею того, что общество – это не бесконечно сложные системы доверия и традиций, развивавшиеся с течением времени, а что-то, что воспринимается исключительно через призму “власти”» [Мюррей, 2021: 93–94].

Мы сталкиваемся с одной из упрощенных и вульгарных форм детерминизма и редукционизма, при которой вся социальность трактуется как властное явление. При таком подходе не власть и господство рассматриваются как порождение общества (группы и т.п.), а, наоборот, последнее считается продуктом первых. Не власть рассматривается как социальное явление, а общество как властное. Обязательным атрибутом этой позиции является громогласно декларируемая забота о необходимости беспощадного «разоблачения» тех или иных видов «господства», «освобождения» от них и достижения невиданной «социальной справедливости».

Теоретические истоки: объяснение господства и объяснение господством. Разумеется, у отмеченных представлений существуют давние, устойчивые истоки. Их можно

² Распространение термина «гегемония», некогда довольно редкого, в последние десятилетия происходило громадными темпами. Согласно П. Андерсону, после 1961 г. количество англоязычных книг в области политической литературы, научной и полемической, содержащих в заголовках слово «гегемония», увеличилось от не более пяти в 1960-е гг. до 16 – в 1970-е, 34 – в 1980-е и 98 – в 1990-е гг. «За первые пятнадцать лет этого столетия вышла 161 книга с данным термином в заглавии, то есть они появлялись по одной в месяц» [Андерсон, 2018: 7].

обнаружить в донаучной, вненаучной, «фольклорной» социологии, содержащейся в культурных традициях разных обществ. Испокон веков обладателю власти, «господину», будь то вождь, монарх, правитель, рабовладелец, руководитель, хозяин, начальник, лидер, командир, босс, патрон и т.п., приписывалось важнейшее значение в жизни людей, что отражало реальное положение вещей. С подобными представлениями связаны идеи божественного происхождения власти и народного суверенитета, наделяющие власть и тех, кто ее осуществляет, сакральными свойствами и могуществом. Соответственно, упадок, деградация общества в народной традиции связывались с негативными качествами властителя, что нашло выражение в известной поговорке «Рыба гниет с головы» (в первоначальной версии, приписываемой Плутарху, – “*Piscis primum a capite foetat*” – «Рыба начинает пахнуть с головы»).

Что касается собственно социологии, то с самого своего возникновения она в значительной мере исходила из противоположного представления, согласно которому власть, как и государство, – это явления безусловно важные, но *вторичные* по отношению к обществу и его институтам. Она стремилась видеть за властью, а вместе с ней – за государством и государственными институтами, другую реальность, более глубокую и влиятельную, хотя скрытую, а именно реальность социальную: социальные институты, механизмы, традиции, коллективные волевые стремления и т.п. Таким образом с возникновением социологии в XIX в. прежняя причинно-следственная связь оказалась перевернутой, явно и неявно: *не общество таково, какова власть, а власть такова, каково общество!* Именно последнее мы должны познать и усовершенствовать, если хотим сделать более совершенной власть и вместе с ней – самые разные государственные и политические институты.

Огюст Конт, в отличие от Сен-Симона и многих его последователей-утопистов, полагал, что хотя в обществе преобладает солидарность, тем не менее, социальная иерархия, неравенство и власть в нем неуничтожимы. При этом общество в его понимании – реальность главным образом не экономико-политическая, а морально-религиозная. Соответственно, в его доктрине экономико-политическое господство уступает по значению морально-религиозному авторитету.

В отличие от Сен-Симона и Конта, Г. Спенсер, последовательный либерал, не был склонен к утопическим прожектам. Но, как и Конт, он исходил из того, что власть, управление и формы господства вечны и неуничтожимы. С одной стороны, он считал правительство злом, хотя и неизбежным, и там, где можно обходиться без государства, лучше обходиться без него; в противном случае общество окажется во власти всесильного бюрократизма (что впоследствии полностью подтвердилось). С другой стороны, в индустриальных обществах потребность во власти и управлении сохраняется, несмотря на угрозы, связанные с их потенциальной бюрократизацией. Поскольку эти общества более сложны, чем «воинственные» (“*militant*”), постольку власть в них усложняется и дифференцируется как в структурном, так и в функциональном отношении.

В работах Маркса господство рассматривается как социальная функция, основанная прежде всего на экономико-политическом неравенстве. В его интерпретации оно носит главным образом классовый характер, идет рука об руку с классовым неравенством и составляет один из аспектов последнего. Социальное неравенство, согласно Марксу, неотделимо от борьбы и насилия. Господствующий класс осуществляет эксплуатацию и подавление других классов, прежде всего класса-антагониста, в самых разных сферах от экономической до идеологической. В буржуазном обществе Маркс констатировал противоборство между двумя классами-антагонистами: буржуазией и пролетариатом. Господство класса буржуазии над пролетариатом носит наиболее явный характер и постепенно приобретает форму диктатуры. В противовес ей и для ее преодоления пролетариату необходимо установить собственную диктатуру.

Эта диктатура, согласно марксовой утопии, должна привести человечество к коммунизму, обществу без классов и вместе с тем без классового неравенства и всякого господства. Что придет им на смену, Маркс представлял себе довольно смутно, отчасти воспроизводя

сен-симонистские утопические конструкции всеобщего равенства, стирания социально-групповых различий и торжества самоуправления после победы коммунизма. Именно его собственное учение, по Марксу, позволяет раскрыть «тайну» классового господства, которое господствующий класс камуфлирует разного рода идеологическими мифами.

Сказанное не означает, что с возникновением и развитием социологии идея власти-господства как своего рода первопричины, всемогущей и вездесущей силы, исчезла: в какой-то мере она сохраняла свое присутствие. Это относится, в частности, к теориям элит Г. Моски и В. Парето, олигархического правления Р. Михельса, мифа и насилия Ж. Сореля, «культурной гегемонии» А. Грамши и другим. При этом «власть-господство» в подобных теориях все же трактовалась хотя и как важнейший, но все же элемент социального целого, зависящий во многом и от других элементов, и от самого этого целого.

Кроме того, идея власти-господства как первопричины продолжала существовать и в философских теориях; более того, она получила в них новый импульс. В данном отношении особое значение приобрела философия жизни с ее акцентом на жизненной силе и волевом начале. Старое представление о человеке как о существе, одержимом стремлением к господству, желанием господства, той страстью, которую Блаженный Августин называл *libido dominandi* (стремление к господству), так или иначе актуализировалось и выдвигалось на первый план.

Особый резонанс вызвала ницшеанская идея о человеке как существе, так или иначе находящегося во власти «воли к власти», которая безраздельно управляет его поведением. Ницше не просто возродил и актуализировал представление о *libido dominandi*, но превратил его в основополагающее для философской антропологии. Именно в его творчестве – первоисточник нынешнего представления о всеобъемлющем характере, вездесущности и всесии власти-господства в социальной теории. С точки зрения Ницше, «...жизнь и есть воля к власти» [Ницше, 1990: 381]. Сегодня мы во многом наблюдаем осуществление лозунга, который он сформулировал так: «Вместо "социологии" – некоторое учение о структурах господства» [Ницше, 2016: 319].

С Ницше начинается беспредельно широкая трактовка власти и господства, сохраняющаяся по сей день. Помимо явных видов «воли к власти», он обнаруживал и «замаскированные» ее виды. К ним Ницше относил «требование свободы, независимости, а также паритета, мира, сотрудничества», «стремление существовать вообще», «подчинение», «любовь – как окольный путь к сердцу того, чья власть больше, – чтобы властвовать над ним», а также «чувство долга, совесть», «хвала, благодарность» и т.д. [Ницше, 2016: 490–491].

Эта идея безраздельного и беспредельного господства «господства» нашла продолжение главным образом в работах М. Фуко; благодаря ему она реализована и в значительной мере воцарилась в современной социальной теории. На разных этапах своей жизни он испытывал огромное множество разных, в том числе взаимоисключающих, идейных влияний. Впрочем, от многих из этих влияний он легко отказывался. Но ницшеанцем, субъективно и по существу, Фуко, вероятно, оставался всегда. Именно он первым реализовал призыв Ницше превратить социологию как таковую в учение о власти и господстве.

Мишель Фуко: власть повсюду! Фуко – один из самых влиятельных мыслителей современности. Популярность его идей не знает себе равных. В разных странах мира его труды переиздаются, цитируются и исследуются; число продолжателей и поклонников его творчества в философии, социальных и гуманитарных науках, а также в тесно связанных с ними социально-политических движениях, огромно. С 2004 г. издается журнал "Foucault Studies", существует сайт <https://michel-foucault.com>; и тот, и другой посвящены изучению, развитию, пропаганде и применению идей Фуко [Руднев, 2015: 48].

Необычайная популярность идей Фуко отчасти вызвана тем, что они соответствуют некоей фундаментальной социально-политической потребности и в ряде аспектов играют в высшей степени стимулирующую роль. Но было бы наивным, на мой взгляд, полагать, что масштабы его влияния связаны с истинностью или убедительностью его концепций

и выводов: многие из них признаны ошибочными или сомнительными специалистами областей знания, которыми он занимался. Его воззрения отличаются чрезвычайной расплывчатостью, запутанностью и противоречивостью; впрочем, в эпоху постмодернизма и «постижины» это не считается недостатком. Наоборот, во многом именно этими отличительными чертами, а также скандальными особенностями его биографии, эпатажем и политическим активизмом объясняется их популярность. Можно согласиться с мнением, что дискурс Фуко изначально явился в высшей степени «пропагандистским творением», и «хотя формально он мог происходить из методологических сфер философии и литературной критики, его практическая сила заключалась в его чисто политико-инструментальном характере» [Preparata, 2007: 106].

Выдвинув какое-то положение, Фуко на протяжении ряда лет его прояснял, уточнял, дополнял и даже опровергал; таким образом, он, по-видимому, сам пытался понять смысл сформулированного им ранее тезиса. При этом его попытки прояснить свои воззрения нередко делали их еще более расплывчатыми и туманными и, вместе тем, благодаря этому сверхпопулярными.

Интерпретация концепций Фуко давно превратилась в увлекательную игру, в разгадывание своего рода теоретических ребусов. Этой игрой занято множество аналитиков и составителей аналитико-герменевтических исследований, введений, ридеров и словарей, посвященных истолкованиям его творчества и многочисленных неологизмов. Впрочем, эти истолкования зачастую так же многозначны, противоречивы и расплывчаты, как и само его творчество. Есть основания полагать, что необходимость в столь масштабной экзегетике во многом вызвана не научной сложностью его воззрений, а их запутанностью, многозначностью и противоречивостью: *Фуко – автор не столько сложный, сколько темный*. И чем темней, загадочней становился этот теоретик, тем больше обожателей у него появлялось.

Воззрения Фуко чрезвычайно ситуативны, контекстуальны и изменчивы. Многие его высказывания следует понимать в тесной привязке к дате того или иного высказывания. Если он выдвигал некий тезис, скажем, в январе 1974 г., это не значит, что он готов был отстаивать этот же тезис в феврале того же года: велика вероятность, что в его глазах данное суждение к тому времени вполне можно было считать неверным, недействительным и неуместным.

Данная особенность связана у Фуко с «презентизмом» его мировоззрения, доминирующей ориентацией на настоящее, независимо от того, какая историческая эпоха находится в центре внимания познающего или действующего субъекта. «Презентизм» носит у него программный и открыто декларируемый характер; он касается как социальной науки, так и политической деятельности³. «Эпистемологические разрывы», которые он, вслед за Г. Башляром, Ж. Кангийемом и Луи Альтюссером, считал свойственными процессу научного познания как такового, прежде всего характерны для его собственной познавательной деятельности: она представляет собой целый ряд таких «разрывов». Учитывая отмеченные обстоятельства, становится понятно, что для многих аналитиков победоносно распутать противоречивые и туманные воззрения Фуко, представить их в более или менее связном виде оказывается в высшей степени соблазнительной и амбициозной задачей.

Утверждать, что в расшифровке творчества Фуко достигнуты большие успехи, пока нет оснований: существующие его интерпретации часто так же противоречивы и туманны, как оно само. В иных случаях обнаруживается, что его воззрения либо ошибочны, либо, как ни удивительно, банальны, хотя эта банальность скрывается как раз за отмеченной запутанностью, радикализмом, эпатажностью и экстравагантностью суждений: именно последние черты часто принимаются за оригинальность.

На мой взгляд, понять Фуко невозможно, если, как это часто происходит, его чересчур «академизировать» и рассматривать его воззрения в отрыве от его биографии

³ Эту особенность деятельности и творчества Фуко признавал и одобрял, в частности, его ближайший друг и единомышленник П. Вен [Вен, 2013: 156–157].

и политического активизма. Не случайно наиболее адекватные и глубокие исследования его воззрений встречаются именно в тех трудах, которые увязывают его социально-научные взгляды с его жизнью и внеакадемической деятельностью. При этом подобный подход полностью соответствует его собственным взглядам на анализ социально-научного творчества, в том числе своего собственного⁴.

Фуко трактовал власть и господство как явления всеохватывающие и вездесущие⁵. Он любил повторять (перефразируя известное высказывание фон Клаузевица), что «политика – это продолжение войны другими средствами» [Фуко, 2002]. Социальные отношения, в истолковании Фуко, сводятся к властным отношениям, к реализации власти, к ее удержанию, борьбе за нее, к борьбе против нее и т.п. Явно или тайно власть так или иначе действует везде и повсюду. Каждая группа, каждый индивид, в меру своих возможностей, либо осуществляет власть, либо сопротивляется ей, борется с ней, с тем, чтобы ее отнять и присвоить. Он подчеркивал ее дисперсный, рассредоточенный, многообразный характер, ее нетождественность политической или государственной власти. Многообразие власти, в его интерпретации, касается как макро-, так и микроуровня: отсюда значение механизмов так называемой «микрофизики власти» и ее «капиллярных» проявлений⁶.

Учитывая изложенное, Фуко видел свою главную цель в том, чтобы постоянно выявлять и разоблачать тайные структуры и механизмы власти, господства и «дисциплинирования», с тем чтобы «освободить» от них угнетаемое человечество. По-видимому, он не очень задумывался над тем, что вслед за очередным «освобождением» может наступить другое, еще худшее порабощение. «За каждой практикой, институтом и за самим языком стоит власть, а цель Фуко – разоблачить эту власть и тем самым освободить ее жертв», – справедливо отмечает британский философ Р. Скрутон [Скрутон, 2021: 155]. Он же подчеркивает и некоторые другие важнейшие черты мировоззрения Фуко: «То, что его труды обнаруживают мифоманию и даже паранойю, я думаю, очевидно. Но то, что они содержат пропаганду и систематически фальсифицируют описываемые явления, установить гораздо сложнее» [Скрутон, 2021: 168].

В первом томе «Истории сексуальности» (1976) Фуко, рассматривая сексуальность как один из «диспозитивов» власти, излагает некоторые основы своего понимания этой последней. Согласно ему, власть в современных обществах характеризуется пятью признаками. 1) Она есть не то, что приобретается, делится, удерживается или упускается, она осуществляется «из бесчисленных точек и в игре подвижных отношений неравенства». 2) «...Отношения власти не находятся во внешнем положении к другим типам отношений» (экономическим, познавательным, сексуальным и т.д.), «но имманентны им...». 3) Власть исходит снизу; она рассредоточена в различных группах и институтах, в которых постоянно происходит множество локальных столкновений. 4) «...Отношения власти являются одновременно интенциональными и несубъектными»; никакой индивидуальный или коллективный субъект «не управляет всей сетью власти, которая функционирует в обществе (и заставляет его

⁴ «...Я всегда считал, что мои книги в каком-то смысле являются фрагментами автобиографии. Мои книги всегда касались моих личных проблем, относящихся к безумию, тюрьме, сексуальности» [Фуко, 2006: 206].

⁵ «Мишель Фуко мог моментально отыскать господство, притаившееся под каждым кустом», – иронически замечает И. Шапиро [2019: 55].

⁶ Следует заметить, что в этих последних суждениях, в которых фукоисты и фуковеды часто видят необычайно важный и оригинальный вклад Фуко, не было ничего нового: и до него в социальной науке данное представление присутствовало. У того же Вебера мы читаем: «Область влияния господства на социальные отношения и культурные феномены значительно шире, чем кажется на первый взгляд. Примером может служить господство, которое практикуется в школе и выражается в считающихся ортодоксальными правилах письма и речи» [Вебер, 2016: 254]. Подобное широкое понимание власти и господства можно встретить и в работах Р. Дарендорфа, обосновывающего постулат «об универсальности структур господства» [Дарендорф, 2002: 445], и у многих видных социологов второй половины XX в. Но при этом они были далеки от одержимости властью, «властного редукционизма» и «властного детерминизма», отличающих взгляды Фуко и его последователей.

функционировать)...». 5) «...Там, где есть власть, есть и сопротивление...; сопротивление никогда не находится во внешнем положении по отношению к власти; ...сопротивления «являются другим полюсом внутри отношений власти; они вписаны туда как некое неустрашимое визави» [Фуко, 1996: 195–197]. Власть в его истолковании не только принуждает и ограничивает: она выступает и как продуктивная, креативная сила; в частности, именно она творит субъективность. Будучи повсеместной, она, оказывается, далеко не всесильна; Фуко любил подчеркивать нестабильный, зыбкий и эфемерный характер этого явления, в котором субъекты и объекты подчинения могут легко меняться местами.

Наряду с понятиями власть и господство Фуко также использовал ряд других понятий, которые должны были конкретизировать, иллюстрировать и расширить его положение о том, что вся социальная жизнь – это сфера властных отношений, их орудия и механизмы. К ним относятся, в частности, «сила», «насилие», «борьба», «дисциплина», «дисциплинирование», «дисциплинарное общество», «управление», «управленчество» (*"gouvernementalité"*)⁷, «нормализация», «контроль», «капиллярные власти», «микрофизические власти» и т.д.

В качестве наиболее адекватной модели общественного устройства Фуко рассматривал тюрьму, изучению которой посвящен его труд «Надзирать и наказывать. Происхождение тюрьмы» (1975) [Фуко, 2019]. Эта модель, согласно ему, лежит в основе других социальных институтов, такими как школа, армия, промышленное предприятие, университет и клиника; последнему институту он уделил особое внимание.

Фуко подчеркивал важнейшее значение «медикализации», под которой понимал вторжение врачей и медицины в области, на которые в добуржуазную эпоху их власть не распространялась, – в телесные и душевные практики для целей их капиталистической эксплуатации. Внутри «медикализации» он сосредоточил исследовательское и политическое внимание на феномене «психиатрической власти» как одном из главных в его глазах «диспозитивов» современного «дисциплинарного общества» [Фуко, 2007]. Можно утверждать, что, следуя той же логике, он мог бы так же пространно рассуждать не только о психиатрической, но о «кардиологической власти», «гинекологической власти» или «стоматологической власти», если бы на стоматологов у него был такой же зуб, как на психиатров⁸.

Вполне вероятно, что у продолжателей Фуко подобные штудии разновидностей медицинской власти имеются. Более того, может существовать целая область плодотворных исследований властных отношений в отдельных отраслях медицины и здравоохранения, как и в других профессиональных сферах. Не исключено, что такие исследования уже существуют. В таком случае мы имеем дело с парадоксальной, но нередкой ситуацией, когда заведомо банальные, ложные или даже бредовые идеи, в частности, благодаря самому факту своей эпатажности и популярности могут стимулировать развитие серьезных и перспективных научных исследований.

В сущности, у Фуко речь идет о становлении и развитии национальных систем здравоохранения, с одной стороны, и институционализации медицинских профессий – с другой. Последняя, как известно, была составной частью и следствием таких фундаментальных

⁷ *"Gouvernementalité"* – один из неологизмов Фуко, занявший важное место в его концепциях. Среди вариантов его перевода на русский «управленчество» представляется наиболее удачным [Фуко, 2011: 161 и др.]. Попытки увидеть в этом слове связь со словами «ментальность» и «ментальный» (*"mentalité"*, *"mental"*) и, соответственно, переводить его на русский как «управленческая ментальность» и т.п., очевидным образом лишены оснований. Для наглядности ср., например, слово *"gouvernemental"* («правительственный», «управленческий») со словами *"monumental"* («монументальный»), *"ornemental"* («орнаментальный»), в которых подобная связь также явно отсутствует. Об ошибках подобного рода в немецких переводах Фуко и комментариях к ним см.: [Сенелар, 2011: 505, прим. 113].

⁸ Впрочем, в этом последнем случае Фуко во многом прав, учитывая печально известную практику преднамеренного использования психиатрии в карательных целях. Но в его трактовке злоупотребления психиатрией выступают как ее сущность, что, несомненно, было ее искажением и дискредитацией этого профессионального института. Отсюда негативное отношение многих серьезных добросовестных специалистов данной области медицины к его воззрениям.

процессов, как рационализация, индустриализация, и в связи с этим институционализации и дифференциации профессиональной сферы. В результате, естественно, соотносительная социальная роль профессий существенно трансформировалась, что проявилось и в изменении значения присущих им властных функций.

«Медикализация» явилась одним из проявлений названных общих процессов, затронувших не только медицину и здравоохранение, но и множество других сфер и институтов. Оставаясь в рамках логики всевластия властных отношений, господства и «дисциплинирования», Фуко мог бы так же пространно и глубокомысленно теоретизировать по поводу «финансиализации», «инженеризации», «юридификации», «сынтификации», «эдюкализации» и т.п., имея в виду историческое возвышение профессий финансиста, инженера, юриста, ученого или преподавателя-воспитателя в современных индустриальных и постиндустриальных обществах, а вместе с тем и о соответствующем усилении их роли в различных системах власти и власти внутри них. Данные процессы многократно исследовались историками и социологами до, после и независимо от Фуко; это делалось более или менее успешно, хотя и не столь туманно и запутанно, громогласно и эпатажно.

(Продолжение в следующем номере)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011a.
 Агамбен Д. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011b.
 Андерсон П. Перипетии гегемонии. М.: Ин-т Гайдара, 2018.
 Батлер Дж. Психика власти: Теории субъекции. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002.
 Бурдьё П. Мужское господство // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.: ИЭС; СПб.: Алетейя, 2005. С. 286–364.
 Бурдьё П. О символической власти // Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: ИЭС; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96.
 Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. Т. 1. М.: ВШЭ, 2016.
 Вен П. Фуко. Его мысль и личность. СПб.: Владимир Даль, 2013.
 Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М.: ВШЭ, 2018.
 Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. М.: Праксис, 2002.
 Кола Д. Политическая социология. М.: Весь Мир; Инфра-М, 2001.
 Лакло Э., Муфф Ш. К радикальной демократической политике: предисловие ко второму изданию «Гегемонии и социалистической стратегии». 2004. URL: <https://web.archive.org/web/20071212070553/http://www.politizdat.ru/outgoung/15> (дата обращения: 25.02.2023).
 Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001.
 Ледяев В.Г. Господство // Большая российская энциклопедия. Т. 7. М.: БРЭ, 2007. С. 508–509.
 Ленин В.И. О двоевластии // Ленин В.И. ПСС. Т. 31. М.: Изд. полит. лит-ры, 1969. С. 145–148.
 Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. М.: ГУ ВШЭ, 2010.
 Мюррей Д. Безумие толпы. М.: РИПОЛ классик, 2021.
 Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. Черновики и наброски из наследия Фридриха Ницше 1883–1888 годов в редакции Э. Фёрстер-Ницше и П. Гаста. М.: Культурная революция, 2016.
 Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 238–406.
 Ньуман С. Постанархизм. М.: РИПОЛ классик, 2021.
 Патрушев С.В. и др. Трансформация политического, социального и гражданского в условиях господства: российский случай // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 19. М.: Новый Хронограф, 2021. С. 133–174.
 Руднев Ю.В. Два тела Фуко (Очерк современного состояния Foucault Studies) // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2015. № 4 (79). С. 48–68.
 Сенеллар М. Контекст курса // Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977/78 учебном году. СПб.: Наука, 2011. С. 475–511.
 Скрутон Р. Дураки, мошенники и поджигатели. Мыслители новых левых. М.: ВШЭ, 2021.
 Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977/78 учебном году. СПб.: Наука, 2011.

- Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Магистериум; Касталь, 1996. С. 97–268.
- Фуко М. Интеллектуал и власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 3. Статьи и интервью 1970–1984. М.: Праксис, 2006. С. 205–212.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Происхождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2019.
- Фуко М. Политика – это продолжение войны другими средствами // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. Статьи и интервью. 1970–1984. М.: Праксис, 2002 (Сер. «Новая наука политики»). С. 148–151.
- Фуко М. Психиатрическая власть. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
- Шапиро И. Политика против господства. М.: Праксис, 2019.
- Preparata G.G. The Ideology of Tyranny. Bataille, Foucault, and the Postmodern Corruption of Political Dissent. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007.
- Scott J. Power. Cambridge: Polity Press, 2006. (Key Concepts).

Статья поступила: 27.02.23. Принята к публикации: 15.03.23.

DOMINATION OF DOMINATION IDEA: “THE WILL TO POWER” IN CONTEMPORARY SOCIAL THEORY. Part I.

GOFMAN A.B.

National Research University Higher School of Economics, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Alexander B. GOFMAN, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., National Research University Higher School of Economics; Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (agofman@hse.ru).

Abstract. The core idea of this article is that in contemporary sociological and, more generally, social theories the concept of power, and especially in such its variety as domination, plays a key role. Moreover, there is a kind of seizure of the conceptual space in theoretical sociology by power and domination concepts. These latter concepts today claim to be the main explanatory principle of all social life. The author qualifies this theoretical position as a kind of “power determinism” and “power reductionism”. This trend can be traced in general theory, as well as in different particular fields of sociology. Conceptual expansion of power and domination may also be seen in the fact that concepts close to them (“force”, “violence”, “oppression”, “coercion”, “hegemony”, etc.), as well as their antonyms (such as “subordination”, “obedience”, “subordination”, “dependence”, “resistance”, “disagreement”, etc.) are becoming increasingly important. These categories occupy an important place in a number of the most popular social theories of our time (P. Bourdieu, E. Laclau, S. Mouffe, J. Agamben, J. Butler and many others). But it was Foucault who played the main role in substantiating omnipotent and ubiquitous presence of power in social life. He tried to implement Nietzsche’s call to turn sociology into a doctrine of power. The author analyzes the nature and intellectual origins of these ideas.

Key words. Power, domination, social theory, conceptual expansion, M. Weber, F. Nietzsche, M. Foucault.

REFERENCES

- Agamben G. (2011a) *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Agamben G. (2011b) *Homo Sacer: State of Exception*. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Anderson P. (2018) *The H-Word. The Peripeteia of Hegemony*. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2005) Masculine Domination. In: Bourdieu P. *Social Space: Fields and Practices*. Moscow: IES; St. Petersburg: Aletheia: 286–364. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2007) On Symbolic Power. In: *Sociology of Social Space*. Moscow: IES; St. Petersburg: Aletheia: 87–96. (In Russ.)
- Butler J. (2002) *The Psychic Life of Power: Theories in Subjection*. Kharkov: KhCGI; St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Colas D. (2001) *Political Sociology*. Moscow: Ves Mir; Infra-M. (In Russ.)
- Dahrendorf R. (2002) *Rails from Utopia. Essays on the Theory and History of Sociology*. Moscow: Praxis. (In Russ.)

- Foucault M. (1996) *The Will to Knowledge*. In: Foucault M. *The Will to Truth. Beyond the Knowledge, Power and Sexuality*. Works of Different Years. Moscow: Magisterium; Kastal: 97–268. (In Russ.)
- Foucault M. (2002) Politics is the continuation of war by other means. In: Foucault M. *Intellectuals and Power*. P. 1. Articles and Interviews 1970–1984. Moscow: Praxis: 148–151. (In Russ.)
- Foucault M. (2006) The Intellectual and the Powers. In: Foucault M. *Intellectuals and Power*. P. 3. Articles and Interviews 1970–1984. Moscow: Praxis: 205–212. (In Russ.)
- Foucault M. (2007) *Psychiatric Power. A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1973/74 Academic Year*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Foucault M. (2011) *Security, territory, population: a course of lectures delivered at the Collège de France in the 1977/78 academic year*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Foucault M. (2019) *Discipline and Punish: The Birth of the Prison* (2019) Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Giddens A., Sutton P. (2018) *Essential Concepts in Sociology*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
- Laclau E. and Mouffe C. (2004) *Towards a Radical Democratic Politics: Preface to the Second Edition of "Hegemony and Socialist Strategy"*. URL: <https://web.archive.org/web/20071212070553/http://www.politizdat.ru/outgoung/15> (accessed 25.02.2023). (In Russ.)
- Lediaev V. (2007) Domination. In: *The Great Russian Encyclopedia*. Vol. 7. Moscow: BRE: 508–509. (In Russ.)
- Lediaev V.G. (2001) *Power: Conceptual Analysis*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Lenin V.I. (1969) On dual power. In: Lenin V.I. *Complete works*. Vol. 31. Moscow: Izdat. polit. lit-ry: 145–148. (In Russ.)
- Lukes S. (2010) *Power: A Radical View*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Murray D. (2021) *The Madness of Crowds*. Moscow: RIPOL Classic. (In Russ.)
- Newman S. (2021) *Postanarchism*. Moscow: RIPOL Classic. (In Russ.)
- Nietzsche F. (1990) Beyond Good and Evil. Prelude to the Philosophy of the Future. In: Nietzsche F. *Essays in two volumes*. Vol. 2. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Nietzsche F. (2016) *The will to Power. The Experience of Revaluation of All Values. Drafts and Sketches from the Legacy of Friedrich Nietzsche 1883–1888*, edited by E. Förster-Nietzsche and P. Gast. Moscow: Kulturnaya revoliutsia. (In Russ.)
- Patrushev S.V. et al. (2021) Transformation of Political, Social and Civil in the Conditions of Domination: the Russian Case. In: *Reforming Russia. Yearbook*. Iss. 19. Moscow: Novy Khronograf: 133–174. (In Russ.)
- Preparata G.G. (2007) *The Ideology of Tyranny. Bataille, Foucault, and the Postmodern Corruption of Political Dissent*. New York: Palgrave Macmillan
- Rudnev Yu.V. (2015) Two Bodies of Foucault (An outline of the Current State of Foucault Studies). *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz* [Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast]. No. 4 (79): 48–68. (In Russ.)
- Scott J. (2006) *Power*. Cambridge: Polity Press.
- Scruton R. (2021) *Fools, Frauds and Firebrands. Thinkers of the New Left*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Senellart M. (2011) The Course Context. In: Foucault M. *Security, Territory, Population: a course of lectures delivered at the Collège de France in the 1977/78 academic year*. St. Petersburg: Nauka: 475–511. (In Russ.)
- Shapiro I. (2019) *Politics Against Domination*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Veyne P. (2013) *Foucault: His Thought, His Character*. St. Petersburg: Vladimir Dal. (In Russ.)
- Weber M. (2016) *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Vol.1. Moscow: VSHE. (In Russ.)

Received: 27.02.23. Accepted: 15.03.23.

ЭПИСТЕМНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ К МЕРТВЫМ

ТЕРНЕР Стефен – заслуженный профессор департамента философии Университета Южной Флориды, США (turner@usf.edu).

Аннотация. Станный статус у классиков социальной теории: их нынешний список – продукт научных стратегий прошлого; список этот меняется. Идет процесс замены авторами, соответствующими нынешним заботам. Удаляют тех, чьи взгляды неверны, кто принадлежит классу угнетателей, чтобы обеспечить эпистемную справедливость не заслужившим статуса классика, выдвигают несправедливо забытых. С инструментально-карьерной точки зрения адаптация к переменам разумна. Как научная оценка – нет. Замены сужают горизонт нашей ориентации и возможность судить о настоящем. Наш долг – признание не только преходящей, движимой модой оценки, но более серьезная способность выносить суждения независимо от инструментализации науки.

Ключевые слова: культура отмены • системная справедливость • Мертон • публичная социология • классики социологии

DOI: 10.31857/S013216250025449-6

“Историю, как старый пергамент, выскабливали начисто и писали заново – столько раз, сколько нужно”. (Orwell, 1949: 42)

“Термин ‘культура отмены’ произошел от жалованного титула – как будто жалуемое лицо имеет право на большую, покорную аудиторию; ты жертва, если народ решил её отменить. Наверное, тебя фактически не отменяют, но за- помнят, обвинят, накажут”. (Респ. А. Оказио-Кортес, Twitter, July 9, 2020. URL: <https://twitter.com/AOC/status/1281392795748569089>)

Чем мы обязаны ушедшим? И почему? Обязаны ли мы уважать и ценить У. Дюбуа за несправедливое забвение? Если всерьез отнестись к словам Морриса (2015, а мы должны), Дюбуа – жертва расизма и злоупотребления властью в науке. Надо признать его статус как одного из создателей социологии. Фрикер ввела (2007) понятие эпистемной несправедливости для таких случаев – случаев эксклюзии и замалчивания по причинам, не относящимся к научной валидности исключенного лица. Для нее это вопрос профессиональной этики: несправедливое исключение людей, лишение их слова, лишение их доступа к знанию морально вредны. Лекарство – дать слово молчавшим, включить исключенных.

Но в понятии справедливости есть признание справедливого исключения и лишения слова. И оно подчеркивает, что мы, ученые, не только продукт и потребители знания, но и судьи. Реально наша жизнь полна суждений, оценок с мирскими последствиями в форме рекомендательных писем, рецензий, выбора книг, включаемых в список литературы по курсу для чтения и обсуждения. Каждая рецензия – суждение, влияющее – пусть незаметно, но властно – с непредсказуемыми последствиями.

Наши обязанности здесь загадочны. Возьмем простой пример морального вреда игнорирования кого-то из-за расы или гендера и спроецируем его на научные суждения. Должны ли мы прислушаться или нет? Или мы ничего не должны – наши обязанности чисто инструментальны и рыночны? Мы предлагаем миру в нашем «исследовании» нечто,

что, мы надеемся, полезно; другие сочтут его полезным или нет, хорошим или нет. И все? И мы лишь перед собой обязаны делать верные выводы о том, что читать и что нет с точки зрения нашей продуктивности? Или это слишком плохая картина наших обязанностей как ученых и исследователей? Обязаны ли мы искать истину, независимо от ее политической ценности или пользы для карьеры, даже если это ведет к твоей «отмене»? Есть ли некий научный эквивалент понятия гражданское мужество?

Суждение и производство

Очевидна напряженность между инструментальной ценностью и чем-то неуловимым, но более высоким, чем просто польза для карьеры. Неуловимое – это вариант понятия эпистемной несправедливости. Ключевую форму несправедливости оценивают неверно. Оценка – нечто особое. Обязанность судить корректно не вытекает из инструментальной ценности. Если слышать только полезное для производства текстов, упустить что-то. Что? Какие обязанности не выполнены? Если есть обязанность делать верные оценки, из чего вытекает эта обязанность, что она означает?

Часть научной подготовки инструментальна: заметная цель многих учебных программ – обучить тому, что позволит студенту написать статью в хороший журнал. Такое образование – это обучение выживанию в науке. Легко понять, что оно вытеснит бесполезное обучение. Но наша роль как судей требует большего. Наши суждения часто сравнительны: ценен ли проект, ценен ли кандидат, ценен ли его труд своей сущностью, есть ли в нем смысл, верен ли он? Для таких суждений нужны сравнения. И нужно знать что-то о том, чем сами мы не пользуемся, – соперничающие подходы, спорные мнения, чуждые нам позиции, может быть, сложившиеся в группах с иными прошлым и статусом.

Категории, о которых нам нужна информация, включают труды покойных. А чем мы обязаны мертвым? Как судьи трудов современных, или готовя программу обучения не просто производителей статей, а будущих судей, подобных нам, мы вершим эпистемное правосудие. И мы ставим вопрос: «это труд новый, он лучше, глубже»? Мы хвалим работы, критикуем их. И мертвые – часть, часть большая, совокупности сравнений. Мы обязаны с уважением их выслушать, как и людей, о которых мы судим. Но решаем, кого уважать, мы. И это создает свои дилеммы.

Мне преподавал философию ученый, доведивший до крайности одинаковый подход. Он преподавал философию социальной науки по книге Джибсона *The Logic of Social Enquiry* (1960). Много позже я жаловался ему на эту скучную книгу. Он ответил: «Я сам с трудом сдерживал себя на занятиях». Для него долг судить корректно состоял вот в чем: равноценно представить студенту каждую точку зрения, предоставив ему выбор. Но он, конечно, представлял и альтернативы выбора; это и был его акт суждения. Это лучше, чем диктаторски навязать «верное» мнение. Но еще один путь – дать в своем курсе модель верных суждений, поясняя свои мнения, признавая и разъясняя альтернативы.

Но за пределами таких простых примеров применение идеи эпистемной справедливости полно ловушек. Сама справедливость – спорный концепт, один из самых спорных нормативных концептов. Как эпистемолог, Фрикер работает с истиной и пониманием. Но истина и понимание чаще всего и оспариваются в трудах ученых. Оспариваются не только словами. Во всей научной жизни есть рычаги: не только рычаги подавления мнений, но и средства их продвижения, «несправедливые» по-разному. И это – оружие движений и за исключение, и за продвижение репутаций и мнений, отброшенных или несправедливо навязанных.

Вспомним проблему справедливости в организации научного дискурса оценок экономики Т. Вебленом: в условиях идеальной конкуренции никто не получит прибыли; то есть путь к прибыли – разрушать конкуренцию, например, картелями, нечестной рекламой и т.д. По мере возобладания этих приемов в отношениях участников рынка выигрывают не «лучшие», а лишь самые успешные в применении этих приемов. В мире «рынка идей» есть аналогия: если исключить иных, монополизировать или аккумулировать ресурсы, очернять по ненаучным основаниям, продвигать своих сторонников и т.д., можно

«выиграть» гонку за уважение и власть в науке; твоя точка зрения будет выглядеть верной потому, что она победила.

С чисто инструментальной точки зрения видимое реально. Если Бурдье, Хабермас или Дюбуа «свои», карьерист сочтет их позиции верными. И не спрашивайте, как они стали «своими». Наши суждения о ценности не только неотделимы от механизмов власти, – есть выраженная предвзятость, иллюзия, что они измеряют одно и то же – качество. Студенты – естественные жертвы этой иллюзии. Мы, учась на судей, усваиваем знаки системы престижа и ценностей других. Мы не свободные агенты, как намекает метафора рынка. Инструментальная ценность идей – путь, на котором они важны для наших карьер, – часть системы престижа, результат множества рычагов, используемых участниками для продвижения/подавления соперников. Неудивительно, что отдельные функции судей и пользователей перемешаны. Использование в нейтральном инструментальном смысле интеллектуальной ценности путают с их использованием как инструмента получения карьерных преимуществ, а эти преимущества путают с самим качеством.

Не только путают. Р. Мертон и его ученики выполнили много эмпирических исследований цитирования и заслуг, валидизируя всю эту путаницу как эмпирически истинную: показать, что качество – это свойство, близкое сконструированной валидности. А систему оценок по цитированию, под которой мы все работаем, Ориджи назвал системой добровольного эпистемного оброка [Origgi, 2015: 216–240]. Она соединила эти разные вещи, количественно определяя качество в терминах инструментальной карьерной важности. Мертон [1968] сам идентифицирует источник эпистемной несправедливости: эффект Матфея, привлечение внимания к трудам престижным. Но его метод раскрытия этих расхождений опирался на инструментальный критерий цитирования, который слеп к подлинной эпистемной справедливости.

Справедливость и эмансипация

Но при чем тут классики? Наивный ответ – они благополучатели от тех десятилетий, когда оценщики считали их достойными изучения и опоры на них. Такая эпистемная справедливость создала своих классиков, и они такой статус заслужили. Его как раз сегодня оспаривают. Новый подход, огрубляя, таков: эти классики жульнически получили свой статус, жульничая особым способом: получая выгоды от господства белых, европоцентризма, расизма и мизогинии, выступая их глашатаями. Социальная теория должна быть эмансипативной. Теории прошлого стали оковами.

Можно заметить: так интерпретировать классиков значит их так же ретроспективно инструментализировать, как критики инструментализируют свои теории, делая их средством эмансипации. Они обходятся с теориями как с оружием политики, идеологий и выражением специфической точки зрения некой «позиции», понятой как «позициональность» говорящего. Это может служить экспликации, контекстуализации таких мыслителей и тем самым их пониманию. Именно так К. Мангейм понимал термин «локация», который – по иронии судьбы – «позициональность» заменила в ходе процесса непризнаваемого концептуального захвата. Когда такие доводы используются для оценок, не просто для содействия пониманию и диалогу, на что надеялся Мангейм, такой аргумент есть переход на личности, расширенный до групп. А это путь к призывам «отменять».

В принципе можно утверждать, что нет свободных от ценности теорий, суждений, что ни одно заявление неотделимо от позиционности говорящего. Но так же верно, что такой аргумент – еще одна теория – теория, коренящаяся в самой осуждаемой и игнорируемой традиции, что есть много способов, которыми изучавшие эти проблемы уточняли, отвергали, критиковали такие аргументы. Можно, конечно, сказать, что эти разные «способы» (кроме собственных) – сами часть идеологии белых или патриархата. Но тогда и ответ будет тем же – идея позиционности сама и нелогична, и инструментальна. А это тупик.

Не надо думать, что это все на уровне аргументов, никому не важных. Заметим, что такого рода проблема не нова. Мертон [1972], жесткий критик Мангейма, очертил долгую историю того, что достоин/недостойн говорить по конкретной теме автор эссе, идущий

против течения. Мыслители прошлого, многих традиций, ставили вопрос, является ли их традиция лишь локальным феноменом, можно ли ее в некой мере встроить в нечто универсальное, вездесущ ли конфликт между локальной истиной и истиной как таковой. Такой вид мышления сейчас отодвинут в сторону. Его нельзя редуцировать до «белых» или патриархата. Его можно опорочить по Фрейду, как в кинофильме «Catch-22»: возражение против редукции само есть доказательство позиции «белых» (патриархата).

Какова ставка сегодня?

Только пещерный житель не знает о борьбе за власть по этим вопросам в университетах. Ставка – контроль рычагов академической власти. Чувство своей правоты – основа соперничества: стратегия выявления, осуждения, удаления и отвержения сторонников белых и мизогинии, как и искренняя попытка получить привилегии путем поиска источников и лиц, в прошлом несправедливо исключенных. Критическая расовая теория – крайняя форма утверждения такой доктрины – обеспечивает оправдание данной стратегии. Цель – клеймить как расистские любые стандарты, идеи, данные, ставящие в невыгодное положение расово угнетенные группы, а шире – вообще идентифицировать «справедливость» как преодоление любого нанесенного ущерба этим группам; ущерб при этом жестко определяется как любая разница в результирующей выгоде. Эта атака доходит до идей об объективности, рациональности, незаинтересованности, подаваемых в школьных учебных программах как примеры разрушающей душу «белости», преодолеваемой путем эмансипации. То, что черные, женщины придерживались иных представлений об объективности, значения не имеет: это лишь доказательство того, что их мозг заражен идеями «белых» и патриархата.

Так же работает постколониальный вариант этой линии мысли. Интеллектуальный контент его – инверсия базовой истории о «Западе и остальных», где сила Запада лишь в эксплуатации и подчинении народов, искоренении их культуры, порабощении, капиталистическом ограблении, подавлении интеллектуального сопротивления колониальному господству во имя «цивилизации» и «модернизации». Результаты колонизации глубоки и устойчивы – вплоть до «эпистемологии», означая средства достижения той степени веры, когда подорваны остатки туземных интеллектуальных ресурсов, ресурсов обеспечения интеллектуального сопротивления. Все это сочетается с критикой глобального капитализма – источника и вдохновителя процесса эксплуатации и расовых основ угнетения, мотивируемых и оплаченных капиталом.

Такие мощные политические идеи хорошо сочетаются с мыслью, что социология – дисциплина эмансипации. Сейчас это общее место, постоянная тема в Американской социологической ассоциации. Потенциал эмансипации – не только ценность, но высшая интеллектуальная ценность. С такой точки зрения все классики социологии ошибались: они белые, расисты, европейцы или американцы, поэтому по определению расисты и империалисты. Решение – зачистка поля такого наследия, замена его новым наследием цветных, женщин, жертв колониализма, угнетенных, а если их нет, предоставление слова молчащим низам, говоря вместо них то, что они бы сказали, если бы могли.

Говорить могли бы немногие мыслители эмансипации: Дюбуа, Ф. Фанон, С.Л.Р. Джеймс и, наверное, еще кое-кто. За женщин – ряд ранних феминисток, например Шарлотта Перкинс Джилман. Эти новые классики закреплены в списках изучаемой литературы. Но призыв к эпистемной свободе – не просто дело заслуживших её. Лодка невелика. Призывы к инклюзии это и требования эксклюзии. Некоторые требования превращены в форму замалчивания и эксклюзии на основе – по иронии – критериев, служивших эксклюзии: раса, гендер, политические взгляды. Это, говорят новые победители, плохо, но справедливо: эпистемная справедливость требует, чтобы заслужившие говорили и их слушали, а прежде великие – угнетатели – заняли их место.

Здесь можно завершить историю «справедливости». В прошлом были победители; их время прошло. Справедливо, чтобы новые классики заняли их место. Но это создает тяжелую ношу для понимания справедливости и мыслей о том, что справедливость, эмансипация – ясное и очевидное добро, что нам и следует признать. Логика проста:

социология не может и не должна быть свободна от ценностей. Свобода от ценностей, объективность, свободная дискуссия и все остальное – это доктрины, выражающие позицию только «белых» и во всяком случае наносящие ущерб угнетенным в мире, где все рычаги научной жизни исторически были в руках угнетателей. Ценностью можно признать лишь эмансипацию. Быть против неё – значит быть за угнетение, быть расистом и жено-ненавистником, так как угнетение – дело рук белых мужчин, даже просто в виде привилегии. Но и это еще не всё.

Рычаги и каноны

Есть одна неприятная история. С точки зрения эпистемной несправедливости история мысли – едва ли место для слабонервных. Культура отмены, и не просто в виде вызова или неприятия, всегда была с нами в какой-то форме, ответственность часто далеко не просто ограничивалась интеллектуальными заслугами. У католической церкви был *Index Librorum Prohibitorum* – длинные списки протестантских историй, которые церковь не любила и запрещала католикам читать. Спинозу предала анафеме своя еврейская община. На живой памяти интеллектуалов Восточной Европы увольнения, тюрьма и т.д. за взгляды. «Расизм» был мощным аргументом оправдания репрессий, и у него есть своя родословная. Крупный психолог А.Р. Лурия был обвинен сталинскими прислужниками в 1930-е гг. в расизме за объективное изучение рассуждений неграмотных крестьян Узбекистана и Киргизии [Homskaia, 2001: 111–112]. Его труды замалчивали, ему пришлось уйти с работы. Обвинения Гоббса и Макиавелли стали на столетия настоящей отраслью науки – но, надо сказать, их репутации, как ни странно, не пострадали от такого «эффекта Стрейзанд». За попытками исключать и осуждать мыслителей всегда были люди с чувством правоты и институционными рычагами для его выражения.

С учетом этих рычагов и большого числа праведных людей в истории загадкой стала сама интеллектуальная жизнь. Что говорить, в большинстве стран она подавлялась. Мысли нужна свобода, нужно свободное время, а оно требует извлечения прибавочной стоимости для своей поддержки и готовности к такой поддержке. В истории немало случаев поддержки богатыми общностями интеллектуальной жизни, достаточных для производства порой великого мыслителя. Но эти случаи редки. То, что мы считаем классической мыслью, все еще вызывающей наш интерес после исчезновения этих общностей, как правило, требовало компромиссов и создания рычагов.

Университеты и школы – это скорее неоднозначные загадки. Лицей Аристотеля, академия Платона, школа Зенона продержались сотни лет перед тем, как их закрыли, но они были школой того, что делать школе: учить. Школы исламского мира цвели какое-то время, внося инновации, но традиция слияния политической власти с властью доктрин и вмешательство ортодоксов сделало их местом, малоприспособленным для интеллектуальных новаций. Все они были, так сказать, рычагами. То, что на Западе университеты продержались почти тысячу лет, – загадка. Случилось же это потому, что они восполняли нужду в обучении, а не потому, что были великим источником интеллектуальной инновации. Реально, большую часть своей истории университеты фактически подавляли интеллектуальную жизнь, как и продвигали ее. Подготовка к труду и защита ортодоксии были их традиционными целями. Лишь в ретроспективе мы их прославляем. И мы, как правило, славим идеальную модель германского университета конца XIX в. Там было место новациям и интеллектуальному соперничеству. Желание конкурировать с такими университетами трансформировало жизнь университетов в англосфере, во Франции, в других странах. Но старые императивы проповедей ортодоксии не исчезли – как и средства ее насаждения.

Социология началась вне университетов. Они ее не приветствовали – особенно Оксфорд и Кембридж. Наверное, это парадоксальный случай, когда социология стала университетской дисциплиной благодаря требованиям признать ее. Требования шли от людей, заинтересованных в социальной реформе. Другой пример. Сет Лоу – реформатор, мэр Бруклина, богач – «подкупил» Колумбийский университет, чтобы социологию впустили в него, пожертвовав свою библиотеку. Много лет социология выживала, готовя

благотворительных (социальных) работников. Ч. Эльвуд, один из первых в чикагской социологии получивший кафедру по этой дисциплине, обнаружил, что вторая половина его рабочего времени уходит на работу не только по руководству Обществом благотворительных организаций, но и на зарабатывание там своей зарплаты. Его следующая должность оплачивалась, но работа была той же и частично была результатом многих лет агитации одной леди из фракции социальных реформ штата, ее тюремным комиссаром. Даже в Германии первая кафедра социологии досталась врачу, социальному реформатору. Так социология вползала в университет, и в основном через двери профессионализации и политики. Исходной профессией в англосфере было просвещенное социальное администрирование политики реформ, прогрессизма, фабианства и их многих местных вариаций. Сам диапазон этих течений удивляет, как и использование ими публичных ресурсов, – что видно сразу же в таких книгах, как *Encyclopedia of Social Reform* Блисса [1897], подробно перечисляющая библиографические источники каждого течения. Можно уверенно сказать, что академическая социология родилась в компромиссе. И хотя условия компромисса и его игроки со временем менялись, факт компромисса не менялся.

Проблема «классиков» и канонов началась с этого компромисса. Школьная социология не напоминала «социологию», развивавшуюся вне науки, сфокусированной на Конте во франкофонном мире, в среде приверженцев религии человечества и Спенсера в других странах. Она породила живую международную дискуссию о совместимости дарвинизма и социализма под влиянием людей типа Р. Вормса и Л. Гумпловича. Интеллектуальный компонент широкого движения за реформы был исключительно важен профессорам: они хотели быть учеными, совмещающими свои исследования с практикой преподавания. Им нужно было стать таковыми, чтобы попасть на поле науки. Но то, что возникло из этого как научная социология, было странным гибридом. Вовсе не таким, каким его мыслили реформаторы, продвигавшие социологию.

Чтобы преподавать, профессорам было нужно содержание преподавания; ранние социологи его нашли в огромной литературе вне науки, или на полях повседневной жизни. Таким было начало формирования «канона». Процесс был запутанным, варьировал от страны к стране, от кафедры к кафедре. То, что включал Колумбийский университет, часто исключали в Чикаго, и наоборот. Был некий корпус людей вне этого корабля: Симона Паттена знали все американские первопроходцы, но равного статуса у него не было. Дюркгеймианцы очень жестко обходились с бывшими друзьями, связанными с Р. Вормсом, выступали против его Международного института социологии. Социология становилась частью национальных систем, складывались национальные социологии. Социологи, становясь учеными, уходили от публичных дискуссий – но не полностью.

Вопреки такому крайне пестрому процессу канонизации, или, может быть, из-за него, социология межвоенного времени все еще была очень открытой, занимаясь больше своей инклюзивностью, чем дискуссиями о демаркациях, определяя свой предмет. В контекстах «теории» она всемерно стремилась показать, что социальная мысль была везде, коренясь в повседневном социальном опыте людей. Трехтомный труд Барнса и Беккера *Social Thought from Lore to Science* (1938) утверждал, что социальная мысль часто бывала имплицитной, содержалась в пословицах и мемах. Сотни страниц отводились древним истокам социального мышления Китая, Индии и Ближнего Востока. Такими же были другие тексты того времени, – например, книга Богардуса *The Development of Social Thought* ([1940], [1960]), начинающаяся главами о Японии и Китае. Прежний взгляд на теорию и ее канон был, таким образом, очень объемным: целью – частично – было показать, что люди всегда думали об обществе, и то, что они думали, все еще интересно и ценно. Было и эхо таких взглядов в 1950-е – книга Шамблисса *Social Thought: From Hammurabi to Comte* [1954]. Но в США и по своим причинам в Европе двери перед социологией стали закрываться.

«Наши» классики

«Классики» социологии, как мы сегодня считаем, – Вебер, Дюркгейм, Маркс и, наверное, Зиммель, среди других сами стали классиками в результате некой реканонизации под

влиянием иного набора воображаемых императивов в начале послевоенного периода. Это была крайне избирательная реканонизация. Она отражала новые императивы, отвечавшие идее поведенческой науки и подготовки людей для социальных исследований, а не для изобретения новых теорий. Избирательна она также по содержанию: в ходу оказались цитаты, но не всё совокупное наследие мыслителя именно как мыслителя. Так, например, Мертон обучал поколения студентов Колумбийского университета на кратких выдержках, буквально вырванных из текстов. Его идея заключалась в пользе классиков как источников проверяемых гипотез. Изучить мыслителя целиком, в контексте – это забыли. Как и мыслителей Барнса и Беккера, один из которых подвергся уничтожающей критике Мертоном [1941], попутно хвалившим «дедуктивную» теорию Парсонса и позже цитировавшим Уайтхеда: науку, колеблющуюся забыть своих основателей ([1957] 1968: 38), можно забыть. Он не цитировал свой приговор – вся история философии состоит из примечаний к Платону.

Был в середине этой перемены интересный разрыв между тем, что писалось для публики, и для людей, обучаемых производству социологии: *History of Social Philosophy* Эльвуда [1938], аналогичная *History of Political Theory* Себайна [1937] и *Истории философии* Тилли и Вудса ([1914] 1957). Обе работы – научный стандарт межвоенных лет, а в отношении Себайна и 1960-х годов. *History of Social Philosophy* Эльвуда была названа лучшей в своем жанре и переиздавалась минимум восемь раз. В ней обсуждался Маркс – негативно, но широко, как теоретик одного фактора. Завершалась книга Уордом и Самнером, интервенционистской и антиинтервенционистской альтернативами социальной теории, что отражало и альтернативы политики 1930-х гг. Напротив, парсоновская *Структура социального действия* [1937] первые десять лет жизни боролась за выживание. Эльвуда, Барнса и Беккера удалили при ре-канонизации, как и большинство мыслителей, обсуждавшихся ими, да и большую часть занимавших их проблем.

Памятником процессу переучреждения канона стал двухтомник *Theories of Society*. В нем много Вебера, Дюркгейма и Фрейда, составлен он из коротких выдержек из крупных работ [Parsons et al., 1961]; продуманный подзаголовок – «Основания современной социологической теории». Маркса почти нет. Как и большинства тех примерно тридцати крупных фигур, включенных Барнсом в 1948 г. в его *An Introduction to the History of Sociology*. Нет большинства американских социологов, кратко сказано о Кули и Миде. Большинство французских и немецких авторов, включенных в книгу Барнса, также нет.

Эпический акт удаления продолжился, устраняя стиль историзации, практиковавшийся авторами, которые уважали цели описываемых ими ученых, чувствовали историческую ситуацию, критиковали ограниченности. Это позволяло ценить ученого и понять реакцию на него тех, кто шел за ним. Взамен студентам и всей социологии как предмету науки был представлен небольшой набор мыслителей, скроенный так, чтобы соответствовать модели социологии как (прежде всего) статистической науки среднего уровня с обязательной арочной концептуальной схемой. Того требовала новая идентичность поведенческой науки. И она перекроила канон, его классиков и объект изучения в терминах списка канонических фигур, того, что у них важно, и того, что считать социологией.

Ибн Халдуна часто изображают образцом эксклюзии европоцентризма. Барнс и Беккер [1938] его подробно обсуждали – не раз, а дважды; его самого [р. 266–279, 706–709] и при изложении его понимания крупным немецким интерпретатором – Гумпловичем [Barnes, Becker, 1938: 267, 267n23, n24]. Парсонс, сторонник концепции интеграции, его игнорировал; Мертон, страстный сторонник удаления имен, действует точно так же в своей «Социальной теории и социальной структуре». Он не попал в *Theories of Society* [Parsons et al., 1961]. Попавшие в нее классики тоже переоценены. Более того, переоценка стала нормой. Яркий пример – «*Max Weber: An Intellectual Portrait*» Бендикса [1960], превратившего Вебера в невинную фигуру, опустив его ключевые методологические труды и политические работы. Бендикс работал за сценой эффективно, так, чтобы обсуждение этих вопросов в Германии не просочилось в социологию США.

Когда последствия войны пошли на убыль и в Европе ожила социология, новый список частично был подтвержден: Р. Кёниг и Р. Арон стремились к единству европейской социологии, Вебер и Дюркгейм обеспечивали мост между Францией и Германией. Оба вынужденно реагировали на марксизм, крупный реальный и политический факт, вызов времени. К 1960-м гг. перечень остановился на Марксе, Дюркгейме и Вебере. В этом была своя логика: они позволяли осуществить редукцию: к материальному, коллективному, к пониманию индивида и понимающего агента. Иногда добавляли символизм, открывая путь Дж.Г. Миду, как поступил Хабермас. Классики стали классиками.

Власть, публичная сфера и экспертиза

Социальная теория остановилась где-то между «публичным» неакадемическим дискурсом и чистой наукой. Парсонса и Мертона публика не покупала; студентам покупать приходилось. Рычаги проверки и профессиональной подготовки сделали их знаменитыми в своем поле. Но публичная дискуссия продолжилась. В 1960-е гг. в США Э. Фромма продавали в любом хорошем книжном магазине, как Ч.Р. Миллса и «Черную буржуазию» Фрезера [1957] – в дешевом бумажном переплете. Э. Беккер получил Пулицеровскую премию, его книги тоже были доступны в дешевых форматах, пусть в 500 страниц – включая книгу с высокой оценкой «утраченной науки о человеке» Л. Уорда, которого полностью удалил новый канон [Becker, 1971]. Можно было встретить рецензию на Леви-Стросса в обычной американской газете, как и я открыл его в свои 13 лет. Трудно использовать рычаги власти, чтобы убрать книгу с полок книжных магазинов. Звезды науки того времени не выносили Миллса. Но было продано более ста тысяч экземпляров одной из его книг. Безразличные к Фромму и Фрезеру, они делали вид, что Беккера не существует, но не заставили публику, студентов не читать их труды. Рост университетов и их влияние на интеллектуальную жизнь, – покупка и в итоге смерть журнала «The Partisan Review», например, – также в итоге умертвили неакадемическую часть социальной теории, или сдвинули ее на периферию поля. Игра изменилась.

Новой игрой была власть в науке с целью получения кусочка власти. В США «Изучение черных» и «Женские исследования» прошли путь от публичных дискуссий до оплота науки, сделав то, что делали ранние социологи: создавая канон из существующей литературы и кого-то выбрасывая за борт. Фрезер – резкий критик и правдолюб – изучающим черных не подошел, как и вездливый Ч. Джонсон. Упрочилась мысль, что дело черного ученого – говорить за свой народ и резко отвечать на любую его критику. В женских исследованиях забыты многие важные женщины в пользу вновь тиражируемых богинь, история движения была переделана под новые требования. В ходе этого процесса в обеих областях появились новые классики. Избирательно реабилитированы ранее игнорировавшиеся труды Дюбуа. Роберта Парка «удалили». Рождаются новые классики, рождаются в сфере научной власти.

Публичная сфера свободна для всех – но не совсем свободна. Положение разное в разных странах: во Франции публичное признание важнее профессионального; были бы средства его получить, хотя и с большими препятствиями и при верной политической линии. В США эти две сферы разделены; чуть менее жестко в Англии. Журналу The Partisan Review была нужна поддержка богатых, как и большинству рупоров «публичной» социальной теории. «Encounter» получал деньги ЦРУ, как и немецкий «Der Monat». Издатели шли за бестселлерами – включая Дюбуа в межвоенные годы и в 1960-е – Миллса, Фромма; кратко, но ярко промелькнувших Э. Беккера и Маркузе. Но удаляли других, особенно когда пыл 1960-х остыл.

Университеты – более надежные рынки, особенно когда закупка книг библиотеками субсидирует книгопродажу. Но они действуют в рамках своих форм социального контроля. Сфера науки – это власть и подчинение. Для карьеры нужно пройти экзамены, выучить, что тебе скажут, следовать диктату тех, у кого власть, подчиняться предпочтениям редакторов журналов, рецензентов, научного рынка, распределяющего «хорошие места», где есть время писать, не торча беспрерывно в аудитории, и т.д. Переход из

публичного рынка в научный – обмен одной формы власти на другую – совсем не уход в Башню из слоновой кости. Можно сказать, рассеивание власти в каждой из этих систем обнуляет эффект угнетения. Они похожи на рынок, где всегда есть, куда уйти. Но это опровергают реалии иерархий научной жизни, доносящиеся звуки неравной борьбы.

Иерархии и культы

Есть много эпистемной несправедливости – кратко- и долгосрочной, влияющей на репутации и оценки. Снобизм переплетен с жизнью науки и с оценками друг друга. То, что эти связи превращены в маленькие клубы, неудивительно <...>. Как и факт, что аутсайдеров в них не пускают: инструментально рационально следовать лидерам при определении, что важно и что ценно. Идти иным путем, значит дуть против ветра и исключать себя из претендентов на призы.

Иерархия – факт, с которым сталкивается всякий ученый. Независимо от свободы мыслить и действовать, некоторые темы, мнения и труды ценности не имеют и существуют лишь для укрепления иерархической власти. С этим нужно считаться из-за позиций людей, власть производящих. Многое из этого связано с тем, что Шилз (1975) описал как центр и периферию. Как бы мы ни хотели игнорировать влияние институтов и интеллектуальных течений центра, мы и то, что мы говорим, определяются слушателями в терминах отношения к центру. Не было бы призывов пересмотреть каноны, если бы это было не так: требование допуска в канон – акт глубокого уважения идей центра и того, что быть на периферии плохо, унижительно: тебя не слышат и не понимают, ты даже не можешь высказаться. Возможности писать и публиковаться привязаны к иерархии, а различия между верхушкой и серединой, не говоря о дне, научной жизни, поразительны. И не стоит удивляться, что борьба за вершину, центр – главная тема требований быть услышанными. Можно, конечно, отстраниться от этой борьбы и игнорировать «сообщество профессионалов». Но когда нет иного публичного места, это означает самоэксклюзию и профессиональную смерть.

Конечно, и другие мощные силы формируют жизнь науки. Общей чертой является создание культов. Мы существа социальные – из окружающего нас мира мы слышим намеки на то, что следует воспринимать серьезно, и многое другое. Наши рецензенты поощряют вхождение в одну группу и поощряют эксклюзию других, а также дают нам письменный и неписанный интеллектуальный контент, ориентирующий нас. Когда такие культы совпадают с внешними политическими предпочтениями, профессиональными влияниями, контролем над публикациями, снобизмом, делением на центр и периферию, с тонкими нюансами членства в клубах – ходить в нужную школу, что подметил Хаак, или как С. Тулмин говорил мне по поводу оксфордской философии – с правильным акцентом, культы преуспевают десятилетия. Когда их сознательно направляют стратеги науки – вспомним тщательную презентацию Парсонсом выпускников Гарварда как своих последователей, или неимоверное число рекомендательных писем Мертон, – такие действия трудно остановить.

Трудно было остановить и общности-клубы Парсонса и Мертона какое-то время, но они не пережили своих создателей. Эти мощные фигуры американской социологии 1970-х гг. сошли со сцены. На последнем издыхании был выпущен спонсируемый Американской социологической ассоциацией том «*Approaches to the Study of Social Structure*» [Blau, 1975], фактически посвященный Мертону. Все его авторы занимали ведущие позиции в иерархии университетов США, имея доступ к их богатствам. Парсонс и Мертон создали мощные системы самовоспроизводства научных кадров, расставили своих учеников на лучшие посты. Все это прекратилось. Второе поколение не произвело ученых-теоретиков, не смогло найти способных к теории людей. Они старались, чтобы их не заменили бунтари 1968 г. И это удалось, кроме случая со сторонником бунтарей Дж. Александером. Это в основном результат снобизма: быть теоретиком – не из нашей касты. Центра уже не было – или, скорее, социальная теория потеряла прежний центр, на первый план вышли Париж, особенно Франкфуртская школа, а также Луман в Билефельде.

Общности важны для производства крупных интеллектуалов. Но тут есть и иная сторона: тенденция к некоему культу, групповое мышление и использование рычагов научной власти для производства конформизма – все ограничивает творчество. И что важнее, утрачивается сила суждения. Примкнуть к культу – значит принять его стандарты ценностей как свои. В структурной системе нынешнего мира науки такой вид приверженности инструментален. Он совпадает с системой журналов и всего института рецензирования и экспертизы: всегда можно надеяться на рецензентов и экспертов единомышленников. И неудивительно, что кластеры такого рода вновь и вновь возникают в науке, в социальной теории. Франкфуртская школа с ее независимым финансированием имела силы поддержать такой кластер. Французский Национальный центр научных исследований создан с той же целью. В США созданные для поддержки элит схемы делают то же самое. С учетом компромиссной природы социологической науки не удивляет, что культы, связанные с политикой или «политическими» программами, особо успешны. Но они враждебны как раз развитию силы суждения, в отличие от способности распознавать членов «своих» групп.

Классики – источник сопротивления

Классики, понятые широко как мыслители прошлого, в их нефильТРованной, не корректированной, не урезанной форме, включая не только Дюркгейма, Вебера и Маркса, но и сторонников того, что Э. Беккер назвал «потерянной наукой о человеке», а также часть науки о социальной жизни, которую пытались уловить (и в большей части уловили) Барнс и Беккер, – вот наш ресурс, позволяющий сопротивляться «отмене», культам, снобизму и другим патологиям научной власти. Так их и использовал Беккер в «*Structure of Evil*» [1968], реагируя на возобладавшие в науке того времени силы. И хотя для него этот труд был средством заработка, он стал тем же, чем он стал для меня – студента. Мы все можем следовать его примеру использования классиков как модели. Отмена – род смерти; но это и признание значения того, что отменяющий вынужден признать отменяемого. И этого признания достаточно, чтобы позволить нам использовать нормальные инструменты науки, несмотря на обесценивание, возвратить их из состояния смерти, бросая сегодня вызов ортодоксии.

Классики – это как призрак минувшего Рождества, напоминание нам о том, что «преуспевшие» центральные позиции академической власти не увидели, упустили, спрятали, затемнили. Они напоминают нам и о провалившихся в прошлом обещаниях интеллектуальной и политической эмансипации. Они позволяют нам сказать, что их предложения не единственные. И не самые убедительные. Они заставляют нас смотреть за пределы сегодняшних реальностей академической власти. Нынешний конвенциональный список «классиков» – продукт конкретной истории. И не окончательный: их соперники, предшественники и мыслители разных видов также могут послужить как классики.

Знаменитая фраза Парсонса [1937] из К. Бринтона «Кто сейчас читает Спенсера?» в самом начале «*Структуры социального действия*» (с. 3) имеет иной смысл сегодня. Это ошибка в оценке. Парсонс оседлал фрейдизм, сегодня непопулярный, построил свой труд по модели потоков и трансформаций ресурсов в социальных системах. Напротив, сегодня Спенсер – герой когнитивной науки: его критика компьютера как модели мозга сейчас выглядит пророческой и релевантной для социальной теории. Он эксплицитно заявил об ограничениях аналогии организмов и общества. Эволюционная психология вернулась. «Стандартная социальная модель науки», продвигавшаяся бихевиоризмом, под угрозой. Сегодня игнорировать эти вызовы – значит создавать себе интеллектуальное гетто. Но и просто забраться на новейший рекламный поезд – акт *само-геттоизации*. Классики в широком смысле, в неурезанной и нецензурируемой формах, позволяют нам избежать таких гетто. Они – источник ресурсов суждения – альтернативные стандарты и иные вопросы. А эти ресурсы всегда доступны тем, кто их ищет.

Инструментализация науки по политическим причинам или просто для использования идей в производстве новых исследований – сама по себе более важная проблема. Овладение теорией и применение ее – навык. Но это не навык, требующий справедливой

оценки или облегчающий её и открытое обсуждение суждений¹. Держаться одной идеи, не понимая альтернатив и вынося суждения без их учета, – это утрата силы ученого судить, тем самым становясь менее чем настоящим ученым. Важную роль суждений недооценивают. Одна хорошая оценка или критика плохой идеи могут предотвратить сотню их применений. Но отменить альтернативы до их тщательной оценки или по причинам личным – значит отменить саму науку. Научная жизнь отличается даваемыми ею рычагами: рычаги сопротивления, но и подавления. Снобизм – профессиональный риск. Суждения – главная форма действий ученых: рецензии, оценки и проверка, написание и чтение отзывов, оценка заявок на гранты, их написание с оценкой в уме, предоставление возможностей или отказ в них, заслушивание или нет, составление списков для чтения, отмена или нет. Это достаточные возможности для эпистемной несправедливости – и для создания научных гетто, глупостей и замещения открытых, серьезных информированных суждений криками толпы, сектанством, приверженностями, снобизмом.

Классиков как участников среди нас нет. Но они образцы – порой негативные – и стандарт, позволяющий нам, если мы им это позволяем, расширить наши способности судить. И хотя их можно отменить, их нельзя устранить. Мы обязаны мертвым нашим самым лучшим суждением, зная, что оно спорно и неустойчиво, подвержено влияниям нашего интеллектуального окружения. Только так мы можем добиться улучшения наших суждений. Надо принять требование Мертона забыть основателей, поставить его на голову: лишь не забыв основателей, мы можем противиться эрозии нашей способности судить. Нам нужно не «оправдывать классиков» во имя политической инструментализации прошлого – отбирая лиц, прогрессивных в сегодняшнем смысле. Делать так – значит капитулировать в игре политического инструментализма сегодня. Напротив, мы можем оправдать их как средство повышения нашей способности справедливо судить, что является сутью, основой этой способности.

Новая культура отмены и выдвижения «новых» классиков использует ставшие доступными рычаги. Порой это выражает справедливость: рычаги – единственный способ вернуть нам заслужившего это мыслителя. Причина отмены возникает, прежде всего, потому, что академической властью пользуются, когда не работает убеждение. Процесс отмены и возвращения в одном смысле нормален: это нормальная патология академической жизни. Но отменять во имя одной верной теории, теории угнетения и сопровождающих ее ценностей, значит забывать об ответственности подвергать теорию суждению, получать знание, позволяющее нам быть справедливыми и защищать суждения людей. Классики в широком смысле такое знание дают. У них есть свои пределы. Но они уж точно не говорят одно и то же.

Малая доля истины в понятии позиционности, идея, что всякий вид мышления управляется отношением к власти, такова: мы все когнитивно ограничены, и то, что мы знаем, зависит от того, что нам довелось изучить, от способности понять, что пережитое нами и ограничено, и управляемо, но не полностью лежит вне нашего контроля. И это верно для ушедших – они тоже были подвержены ограничениям времени, пространства, культуры, способностей, которые мы критически оцениваем. Можно, подобно продюсеру, принять свои ограничения и свой личный взгляд, сосредоточившись на том, что в этих рамках раскрывается: какой ты специалист. Но для судьи это лишь увеличивает возможность ошибки, односторонности суждения. Прочтение без учета границ позициональности – путь к преодолению этих ограничений, некий суррогат диалога. А мертвые – огромный

¹ Коллинз [2004] предложил различать дополняющую и интеракционную экспертизу – как иную точку зрения: дополняющая экспертиза, способность написать статью, является базовой, а интеракционная экспертиза, способность понимать ее и ее комментировать, подразумевает, что лицо, обладающее дополняющей экспертизой, имеет способности интеракционного эксперта и не только. Сильвертсен [Sivertsen, 2019] недавно показал, что когнитивная наука позволяет думать, что способность судить и способности, характерные для специалиста, не только различаются, но конфликтуют. Дж. Брайантом Кананом в трудах о науке отмечена тенденция ученых влюбляться в свои идеи.

депозитарий потенциальных партнеров по диалогу, чей набор суждений – вызов суждениям нашим.

Как для судей, признание нами реальности когнитивных ограничений жизненно важно. Мы – компромисс и часть системы компромиссов: академическая наука управляется компромиссами университета и самой дисциплины, а также коррумпированного рынка научных идей. Мы далее – компромисс личных биографических ограничений и рычагов, прилагаемых к нам. Но и наша рука тоже лежит на рычагах – мы рецензенты, эксперты, редакторы, потребители. Скромность нужна. Мы не можем судить подобно богам, или бесстрастным наблюдателям. Но мы должны понимать, что замещаем их. Наш долг мертвым: признать их и признать суждения, когда-то сделанные в их адрес; пусть они фигурируют в наших суждениях. И, как у судей, это наш долг нам самим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Barnes H.E. (ed.) (1948) *An Introduction to the History of Sociology*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- Barnes H.E., Becker H. (1938) *Social Thought from Lore to Science*. New York, NY: Heath & Company.
- Becker E. (1968) *The Structure of Evil*. New York, NY: Free Press.
- Becker E. (1971) *The Lost Science of Man*. New York, NY: George Braziller.
- Bendix R. (1960) *Max Weber: An Intellectual Portrait*. Garden City, NY: Doubleday.
- Blau P.M. (ed.) (1975) *Approaches to the Study of Social Structure*. New York, NY: Free Press.
- Bliss W.D.P. (ed.) (1897) *The Encyclopedia of Social Reform*. New York, NY: Funk & Wagnalls Co. URL: <https://archive.org/details/encyclopediaofsoc00blisrich> (accessed 05.01.2021).
- Bogardus E.S. ([1940] 1960) *The Development of Social Thought*. New York, NY: David McKay & Company.
- Chambliss R. (1954) *Social Thought: From Hammurabi to Comte*. New York, NY: The Dryden Press.
- Collins H. (2004) Interactional expertise as a third kind of knowledge. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. No. 3: 125–143.
- Ellwood C. (1938) *A History of Social Philosophy*. New York, NY: Prentice-Hall, Inc.
- Frazier E.F. (1957) *Black Bourgeoisie*. New York, NY: Free Press.
- Fricke M. (2007) *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford: Oxford University Press.
- Gibson Q. (1960) *The Logic of Social Enquiry*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Haack S. (2020) *Not one of the boys: Memoir of an academic misfit*. *Cosmos + Taxis* 86: 92–106.
- Homskaya E. (2001) *Alexander Romanovich Luria: A Scientific Biography*. New York, NY: Kluwer Academic/Plenum Publishers.
- Merton R. ([1957] 1968) *Social Theory and Social Structure*. New York, NY: The Free Press, pp. 1–38.
- Merton R. (1941) Review of Contemporary Social Theory by Harry Elmer Barnes, Howard Becker, and Frances Bennett Becker. *American Sociological Review*. No. 6(2): 282–286.
- Merton R. (1968) The Matthew effect in science: The reward and communication systems of science are considered. *Science*. No. 159 (3810): 56–63.
- Merton R. (1972) Insiders and outsiders: A chapter in the sociology of knowledge. *American Journal of Sociology*. No. 77(July): 9–47.
- Mills C.W. (ed.) (1960) *Images of Man: The Classical Tradition in Sociological Thinking*. New York, NY: George Braziller.
- Morris A. (2015) *The Scholar Denied: W. E.B. Du Bois and the Birth of Modern Sociology*. Oakland, CA: University of California Press.
- Origg G. (2015) *Reputation: What It is and Why It Matters* (trans. Holmes S and Arikha N). Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Orwell G. (1949) *Nineteen Eighty-Four: A Novel*. London: Secker & Warburg.
- Parsons T. (1937) *Structure of Social Action*. New York, NY: McGraw Hill.
- Parsons T., Shils E., Naegle K.D. et al. (eds) (1961) *Theories of Society: Foundations of Modern Sociological Theory*. New York, NY: The Free Press of Glencoe, Inc.
- Sabine G.H. (1937) *A History of Political Theory*. New York, NY: Henry Holt and Company.
- Shils E. (1975) *Center and Periphery: Essays in Macrosociology*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- Sivertsen S.S. (2019) On the practical impossibility of being both well-informed and impartial. *Erasmus Journal for Philosophy and Economics*. No. 12(1): 52–72.
- Thilly F., Wood L. ([1914] 1957) *A History of Philosophy*, 3rd edn. New York, NY: Holt, Rinehart and Winston.

Перевод с англ. Н.В. ПОМАНОВСКОГО

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (socis@isras.ru).

EPISTEMIC JUSTICE FOR THE DEAD

TURNER S.

University of South Florida, USA

TURNER Stephen, Distinguished University Professor, Department of Philosophy, University of South Florida, USA (turner@usf.edu).

Abstract. The classics of social theory have a peculiar status: our current list is the product of past academic strategizing, and the list of favored classics has changed. Currently there is a process of replacing them with older writers who better fit current concerns, and to cancel those who hold the wrong views, or are of the oppressor class, in order to provide epistemic justice for those who don't deserve their status and uplift those who were wrongly neglected. From an instrumental, careerist point of view, adapting to these changes makes sense. From the point of view of judgement, which differs from the capacity to produce, it does not. Exclusions narrow our range of reference and our capacity to assess in the present. We owe ourselves, and them, not only temporary, fashion driven justice but a larger capacity of judgement detached from the instrumentalization of scholarship.

Keywords: cancellation culture, systemic justice, Merton, public sociology, classics of sociology.

Transl. by N.V. ROMANOVSKY

Nikolay V. ROMANOVSKY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Prof. of Russian State University for Humanities, Moscow, Russia (socis@isras.ru).

Методология и методы социологических исследований

© 2023 г.

А.Ю. МЯГКОВ

НЕРАНДОМИЗИРОВАННЫЕ ТЕХНИКИ ДЛЯ СЕНСИТИВНЫХ ОПРОСОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

МЯГКОВ Александр Юрьевич – доктор социологических наук, профессор кафедры «История, философия и право» Ивановского государственного энергетического университета им. В.И. Ленина, Иваново, Россия (myagkov@rambler.ru).

Аннотация. Дано описание и анализ «перекрестной» и «триангулярной» моделей – двух наиболее известных в западной социологии техник, относящихся к классу нерандомизированных опросных процедур (NRRT), специально предназначенных для стимулирования самораскрытия респондентов в сенситивных опросах, посвященных «деликатным» темам. Главная цель статьи – опираясь на результаты зарубежных исследований, оценить возможности этих моделей для получения искренних ответов опрашиваемых. Дается описание особенностей дизайна, принципов работы, вопрос-ответной логики и статистических оснований обеих исследуемых моделей. Представлены способы расчета оценочной доли лиц, обладающих сенситивной (скрываемой) характеристикой. Приводятся результаты эмпирических тестов, позволяющих судить о валидности двух техник. Показаны преимущества перекрестной и триангулярной моделей по сравнению с уорнеровской техникой RRT и прямыми методами, основанными на самоотчетах респондентов, а также их недостатки и ограничения, связанные с несоблюдением респондентами предписанных в анкете инструкций. Раскрыт механизм появления фальшиво-позитивных оценок, негативно влияющих на валидность итоговых данных. Предложены возможные решения этой проблемы. В результате сравнительного анализа двух изучаемых моделей сделан вывод о предпочтительности использования перекрестной модели над триангулярной за счет симметричности ее дизайна и более эффективного контроля социальной желательности.

Ключевые слова: сенситивные исследования • косвенные опросные техники • модели нерандомизированного ответа • перекрестная модель • триангулярная модель • искренность ответов респондента • социальная желательность • валидность данных

DOI: 10.31857/S013216250023697-9

Постановка проблемы. Любое опросное исследование, в котором с респондентами обсуждаются деликатные темы, сталкивается с множеством различных вызовов, связанных с неискренним поведением опрашиваемых. Отвечая на прямые задаваемые вопросы, касающиеся потаенных сторон их личной жизни или биографии, респонденты часто используют защитные поведенческие стратегии, замалчивая или отрицая свою причастность к девиантным намерениям и социально неодобряемым видам поведения. Для контроля социальной желательности и профилактики смещений структуры ответов в методологии социологических исследований с 1960-х гг. разработан целый ряд специальных методов, наибольшую известность среди которых получили различные модели

рандомизированного ответа (RRT – randomized response technique), процедура bogus pipeline (BPL) и техника «непарных чисел» (UCT – unmatched count technique).

Несмотря на глубокие технические и процедурные различия, у этих методов есть общая основа, позволяющая нейтрализовать психологическую защиту респондентов за счет специальных механизмов обеспечения объективной и субъективной анонимности опрашиваемых. В модели RRT, общая идея которой была в 1965 г. предложена С. Уорнером [Warner, 1965], в качестве таковых выступают вероятностные процедуры рандомизации, определяющие выбор вопросов (или ответов) в зависимости от выпавшего жребия, а также принцип «управляемой случайности», согласно которому вероятности выпадения сенситивного и нейтрального вопросов определяются свойствами рандомизатора¹ и заранее известны исследователю [Мягков, 2012: 209–245; Мягков, 2018: 60–128]. В технике «непарных чисел» (UCT), разработанной в 1984 г. Дж. Миллер в ее докторской диссертации [Miller, 1984], целям обеспечения конфиденциальности опроса служит принцип «расщепления выборки» и процедура предъявления респондентам из контрольной и экспериментальной групп двух разных вопросных списков, один из которых («короткий») состоит только из нейтральных суждений, а второй («длинный») дополнен целевым сенситивным вопросом. При этом от респондентов не требуется сообщать, как они ответили на конкретные вопросы, а лишь сказать, со сколькими из них они согласны [Мягков, 2016].

Процедура bogus pipeline (BPL)², предложенная в 1971 г. Э. Джоунсом и Г. Сигалом [Jones, Sigall, 1971], основана на совершенно иных принципах. Она не акцентирует внимание на гарантиях конфиденциальности опроса, не конструирует новые, более эффективные способы защиты анонимности опрашиваемых. Для преодоления защитных стратегий респондентов и стимулирования их самораскрытия эта процедура задействует известные психологические механизмы поведения личности, согласно которым люди отвечают более правдиво на смущающие вопросы, когда они опасаются быть пойманными на лжи. Перспектива быть уличенными воспринимается людьми хуже, чем любое потенциальное смущение. Современные версии BPL предполагают либо использование особых технических устройств в качестве псевдодетектора лжи, либо опираются на вопросные техники, основанные на допущении, что одного лишь ожидания предстоящей проверки самоотчетов достаточно, чтобы респонденты отвечали честно (см. об этом подробнее: [Мягков, 2020]).

Между тем, как показала исследовательская практика, предложенные методы – вовсе не панацея от указанных проблем, поскольку все они имеют свои недостатки и ограничения. Уорнеровские модели RRT, на которые в свое время возлагались большие надежды, в целом не оправдали первоначальных ожиданий. Высокая когнитивная нагрузка на респондентов, связанная с использованием рандомизатора, сложные и подчас запутанные задания нередко ведут к росту недоверия, несоблюдению предписанных инструкций и снижению валидности моделей. В результате, как отмечают исследователи, «RRT только иногда сокращает социальную желательность», а потому «не ясно, при каких обстоятельствах этот подход действительно работает» [Walzenbach, Hinz, 2019]. Процедура bogus pipeline крайне трудно адаптируема к массовым опросам и этически уязвима. UCT, несмотря на огромную популярность и в целом позитивный опыт полевого применения, также отнюдь не идеальна: высокая дисперсия оценок и необходимость больших выборок – две самые серьезные проблемы, существенно снижающие эффективность данного метода.

¹ В качестве «генератора» случайных выборов могут быть использованы разные средства: волчок, раскручиваемый в центре круга, разделенного на два неравных сектора, карточки разных цветов, разноцветные пластиковые шарики, игральные кости, обычная книга, листовая которую, испытываемый случайным образом выбирает номер страницы, денежная купюра, телефонный номер респондента или его друга и др. В последних случаях рандомизирующей переменной для выбора вопроса будут выступать конечные цифры номеров телефонов, серий банкнот и т.д.

² Bogus pipeline («поддельный полиграф») – фразеологизм, которым обозначают метод (технику) фиктивной проверки или фиктивного тестирования.

Преодолению этих проблем, присущих классическим моделям RRT, могут способствовать так называемые нерандомизированные опросные техники (NRRT)³, к числу которых относятся, прежде всего, «перекрестная» и «триангулярная» модели⁴. Они также были созданы, чтобы контролировать влияние социально желательных ответов на результаты сенситивного исследования⁵, однако, в отличие от традиционных методов RRT, напрямую интегрируют рандомизационную процедуру в ответные опции. Поэтому у них более простые инструкции для респондентов, они проще в управлении и понятнее. Кроме того, в большинстве случаев, по оценкам зарубежных исследователей, они более эффективны [Hoffman et al., 2020].

В нашей стране эти модели практически неизвестны широким кругам социальных исследователей. Их описания (а тем более экспериментальные апробации) в отечественной научной литературе до сих пор отсутствуют. Эмпирические исследования по оценке их эффективности в России, насколько нам известно, пока не проводились. Поэтому описание и анализ нерандомизированных опросных техник, знакомство с опытом их практического применения очень полезны российским социологам, работающим с сенситивной проблематикой.

«Перекрестная модель» (CWM). В 2008 г. трое ученых-статистиков из Гонконга Ж. Ю, Г.-Л. Тянь и М. Тан предложили новую косвенную технику, специально предназначенную для улучшения традиционных методов RRT и получившую название «перекрестной модели» («crosswise model» – CWM)⁶ [Yu et al., 2008]. С тех пор эта техника обрела очень широкую популярность в разных областях науки и в разных странах мира. Только за период 2016–2021 гг. вышло около 60 исследований с описанием результатов практической апробации и полевого применения «перекрестной» модели в различных научных дисциплинах [Atsusaka, Stevenson, 2021: 1]. В частности, в Германии проведено 16 валидационных тестов, в Иране – 12, в США – четыре, в Швейцарии – три, в Австрии и Коста-Рике – по два, в Великобритании, Турции и Сербии – по одному [Sagoe et al., 2021: 4].

По своему генезису и изначальному предназначению эта модель является альтернативой технике рандомизированного ответа, однако многие современные авторы считают ее одним из вариантов «уорнеровской RRT» [Jensen, 2020: 2; Heck, 2019: 1895; Höglinger, Diekmann, 2017: 132; Erdmann, 2019: 144]. Несмотря на внешнее сходство с RRT-моделями, у «перекрестной техники» есть два ключевых отличительных признака: она не нуждается в использовании рандомизаторов, а рандомизационный механизм не очевиден, поскольку «спрятан» в опции предлагаемых ответов на анкетные вопросы.

Данная модель имеет простой дизайн, требующий от респондентов дать лишь один ответ по принципу «да»/«нет» на серию из двух разных по содержанию вопросов, задаваемых в вопросительной форме или в форме суждений, при этом не нагружая опрашиваемых никакими сложными инструкциями или действиями. Первый вопрос – несенситивный с точно известной вероятностью утвердительного ответа (p), используемый для рандомизации

³ Аббревиатура NRRT образована от «nonrandomized response technique» («техника нерандомизированного ответа»).

⁴ Помимо двух базовых моделей («перекрестной» и «триангулярной»), к числу нерандомизированных опросных техник Г.-Л. Тянь и М.-Л. Тан относят также «мультикатегориальную триангулярную модель», «модель со скрытой сенситивностью», «параллельную модель», «мультикатегориальную параллельную модель» и др. [Tan, Tang, 2019]. Дж. Серри и его коллеги добавляют к этому списку еще три техники: «расширенную перекрестную модель», «технику двойного нерандомизированного ответа» и «технику чередующихся нерандомизированных ответов» [Cerry, 2021: 21–22; см. также: Wu, Tang, 2016].

⁵ Хотя российским социологам термины «сенситивный опрос», «сенситивное исследование» могут показаться искусственными, однако в зарубежной социологии они давно уже стали общепринятыми (см., напр.: [Dickson-Swift, James, Liampittong, 2008; Krumpal, 2013; Wu, Tang, 2016]). В англоязычной научной литературе сегодня можно встретить даже еще более непривычные словосочетания, например, «сенситивное интервьюирование» [Dempsey, Dowling, Larkin et al., 2016], «сенситивные переменные» [Gröenitz, 2014a] или «сенситивное распределение» [Gröenitz, 2014b].

⁶ Учитывая процедуру ее реализации, данная модель может иметь и иное название – «техника совместного ответа».

(скажем, «День рождения вашей мамы приходится на январь, февраль или март?»)⁷; второй вопрос – целевой, касающийся изучаемого чувствительного (девиантного или трансгрессивно-го) поведения (например, «Вы употребляете наркотики?»). Главная идея этой модели состоит в том, что респонденты должны ответить не на каждый из этих вопросов в отдельности, как это принято в традиционных опросных форматах, а на оба вопроса одновременно. Иначе говоря, требуется дать всего лишь *один*, совместный, ответ на оба вопроса/суждения сразу: ответить «да», если оба ответа верны или неверны (то есть *одинаковы*), и сказать «нет», если верен любой один из предложенных вопросов и, соответственно, неверен другой (т.е. ответы *различны*) [Walzenbach S., Hinz T., 2019]. Благодаря комбинации двух ответов «да» и двух ответов «нет», объединенных в одной категории ($\lambda = 1$), ответ индивида на вопросы не может быть напрямую увязан с чувствительным поведением. Так же как и в случае с традиционными RRT, респонденты могут честно выбрать любой из ответов, при этом их истинный статус в связи с чувствительной характеристикой останется неизвестным интервьюеру и исследователю. Однако, несмотря на полную конфиденциальность ответов, можно вычислить оценку распространенности чувствительной характеристики (π_s) на уровне выборки в целом. Зная, что первый вариант ответа ($\lambda = 1$) будет выбран, если на оба вопроса будет получен ответ «да» ($p\pi$) или на оба вопроса респонденты ответят «нет» $(1 - p)(1 - \pi)$, тогда оценочная доля лиц с чувствительным поведением может быть вычислена по формуле (1) [Yu J.-W. et al., 2008; Johann D., Thomas K., 2017]:

$$\lambda = p\pi + (1 - p)(1 - \pi),$$

$$\hat{\pi}_s = \frac{\lambda + p - 1}{2p - 1}, p \neq 0,5, \quad (1)$$

где λ – наблюдаемая доля респондентов, выбравших первый вариант ответа (оба ответа «да» или оба ответа «нет»); p – ожидаемая доля ответов «да» на первый вопрос (скажем, о месяце рождения, в нашем примере она составляет 0,25).

Главное преимущество «перекрестной» модели, в отличие от RRT и многих других косвенных методов, состоит в ее симметричности. Симметрия данной модели заключается в том, что она не предлагает респондентам так называемого «спасительного» ответа, который мог бы восприниматься ими как доказательство непричастности к девиантному поведению. Принятие любой из двух предложенных ответных альтернатив не может служить для опрашиваемых основанием ни для оправдательного, ни для обвинительного заключения. Оба варианта ответа здесь нейтральны как в содержательном, так и в эмоциональном отношении, поэтому анонимность и конфиденциальность гарантированы [Hoffman et al., 2020: 1769]. Симметрия ответов уменьшает стимулы к нечестным ответам и способствует повышению уровня искренности респондентов.

Валидационные тесты CWM. Эффективность данной модели многократно тестировалась в экспериментальных исследованиях на обширном тематическом материале. Мета-анализ 45 «слабых» валидационных тестов⁸, проведенный недавно Д. Сагое и его соавторами, показал, что «перекрестная техника» использовалась для оценки масштабов

⁷ Д. Сагое и его соавторы в мета-анализе 2021 г. показали, что в качестве нейтрального вопроса с известной вероятностью утвердительного ответа, помимо месяца рождения, могут быть использованы номера мобильных телефонов респондентов, номера домов, пин-коды АТМ карт, случайные номера или буквы алфавита, даты значимых событий и др. [Sagoe et al., 2021].

⁸ «Слабыми» валидационными тестами в специальной научной литературе принято называть экспериментальные исследования, использующие аналитическую стратегию, исходящую из принципа «чем больше, тем лучше». Значимые превышения наблюдаемых значений измеряемой экспериментальной переменной над соответствующими показателями контрольной переменной в «слабых» тестах считаются предикторами валидности тестируемой техники (см., напр.: [Krumpal, 2013: 2033; Jerke et al., 2019: 322; Hoffman et al., 2020: 1769]). «Сильными» тестами называют такие, в которых валидация основана на сравнении опросных данных с объективным эталоном. Например, ответы подростков по поводу употребления наркотиков, полученные в интервью, сравнивают с результатами объективных биохимических тестов (с данными пробы волос или урина-анализа) (см., напр.: [Hoffmann et al., 2015]).

распространения многих видов девиантного и трангрессивного поведения: наркомании, коррупции, неуплаты налогов, воровства, рискованного сексуального поведения, супружеской неверности, ксенофобии, плагиата, предрассудков по поводу женского лидерства, использования анаболиков среди бодибилдеров, намерения голосовать за правую партию «Альтернатива для Германии» и др. [Sagoe et al., 2021; Hoffman et al., 2020: 1770].

«Слабые» тесты на валидность, основанные на принципе «чем больше, тем лучше», показали превосходство оценок девиантности, полученных с помощью «перекрестной» модели, над показателями самоотчетов, собранных посредством индивидуального очного анкетирования. Например, по сообщению М. Корндорфера и его коллег, лишь 16,7% из тех, кто были опрошены посредством традиционных («прямых») методик, признались, что за последние годы им приходилось уклоняться от уплаты налогов, в то время как при использовании «перекрестной» модели число честных признаний возросло до 27,8%, разница в показателях оказалась статистически значимой [Korndörfer et al., 2014]. Кроме того, первое «сильное» валидационное исследование этой модели продемонстрировало очень высокую точность данных по сравнению с известной эталонной переменной, служившей внешним валидационным критерием, в то время как самоотчеты оказались сильно заниженными. Результаты этого исследования подтвердили также ранее сделанный вывод, что «перекрестная» техника более понятна респондентам, чем другие косвенные процедуры, и вызывает у них большее доверие по сравнению с традиционными методами опроса [Hoffman et al., 2020: 1770].

Недостатки и ограничения модели CWM. В то же время некоторые критические исследования показывают, что данная модель не всегда оказывается способной контролировать влияние социальной желательности. Она, как считают А. Хофман и его коллеги, весьма уязвима перед двумя серьезными вызовами, связанными с появлением значительной доли «фальшиво-позитивных» («false-positives») и «фальшиво-негативных» («false-negatives») оценок, которые ни в коем случае «нельзя игнорировать» [Hoffman et al., 2021: 2].

Первый из двух указанных эффектов возникает, когда не-носители сенситивной характеристики ошибочно квалифицируются как носители, что может приводить к завышению истинных значений распространенности изучаемого поведения и, как следствие, к курьезным результатам. Так, например, М. Максфилд с соавторами, изучавшие проблемы заключенных, сообщают, что 21% опрошенных в их исследовании ответили, что они отбывали тюремное заключение, но при этом никогда не были арестованы [Maxfield et al., 2000].

Эффекты «фальшиво-позитивных» оценок наблюдали также М. Хёглингер и А. Дикман. В их исследовании с «перекрестной» моделью результаты измерений двух сенситивных переменных с известной распространенностью, близкой к нулю, были завышены на 5 и 8% соответственно [Höglinger, Diekmann, 2017: 134].

Второй эффект («фальшиво-негативных» оценок) возникает в противоположных случаях, если люди, причастные к девиантному поведению (носители сенситивной характеристики), квалифицируются как благочестивые граждане. В результате опросные значения изучаемой переменной оказываются заниженными относительно их истинных параметров, что ведет к так называемым «преуменьшениям».

Оба указанных эффекта, как считают исследователи, обычно возникают потому, что часть респондентов не понимают предлагаемых им инструкций и игнорируют их при выборе ответа. Такое поведение ведет к искажению оценок и становится особенно проблематичным, когда изучаемая социально нежелательная характеристика имеет очень низкую или близкую к нулю степень распространенности в обществе.

Иногда при наложении инфляционных и дефляционных эффектов они начинают взаимопогашаться, и в результате данная модель практически перестает эффективно работать, а получаемые оценки при этом становятся мало отличимыми от тех, что исследователи получают из самоотчетов респондентов [Hoffman A. et al., 2021: 2].

Многие исследования подтверждают валидность «перекрестной» модели. Однако валидность в данном случае основана на допущении, что все респонденты строго следуют

инструкциям по выбору ответа. Между тем это допущение нередко нарушается: некоторые респонденты выбирают ответ случайным образом, не обращая внимания на инструкцию к анкете. Исследователи оценивают долю таких «невнимательных» респондентов от 12% [Höglinger, Diekmann, 2017] до 30% [Walzenbach, Hinz, 2019]. По сообщению Ю. Ацусаки и Р. Стевенсона, «перекрестная» модель за последние несколько лет использовалась в восьми странах мира и практически во всех случаях исследователи сталкивались с проблемой «невнимательных» респондентов [Atsusaka, Stevenson, 2021: 6].

Исследователи выделяют несколько причин, почему респонденты иногда не следуют предписанным инструкциям. Во-первых, они могут не понимать или не доверять процедуре, в которой им предлагается участвовать, и тогда они выбирают ответ чисто случайным путем. Но есть и другая (неочевидная) причина, выявленная в специальных исследованиях: некоторые респонденты, как оказывается, имеют устойчивые предпочтения по отношению к определенным ответным альтернативам (например, к варианту «я согласен с обоими ответами или ни с одним из них»). Такие предпочтения возникают потому, что участники опроса субъективно воспринимают тот или иной ответ как менее инкриминирующий, чем противоположный [Heck et al., 2018: 1899].

В принципе есть два возможных решения проблемы «фальшиво-позитивных» ответов и нарушений в следовании инструкциям. Первое связано с использованием детально разработанных инструкций с подробным разъяснением респондентам правил выбора ответа на предлагаемые вопросы, а также специальных проверочных тестов, позволяющих убедиться, что все инструкции правильно поняты респондентами. Второе решение предполагает применение «расширенной перекрестной» модели, позволяющей выявлять «невнимательных респондентов» и отслеживать систематические смещения в ответах [Meisters et al., 2020: 3].

Итак, специальные исследования свидетельствуют о явном превосходстве «перекрестной» модели над техникой прямых вопросов при изучении различных видов девиантного и трангрессивного поведения. Это превосходство тем выше, чем сенситивнее изучаемые переменные. Она отличается надежностью, гибкостью и простотой, обеспечивает хорошую защиту респондентам с точки зрения анонимности и конфиденциальности опроса, легко адаптируется к условиям персональных интервью и обычного раздаточного анкетирования. Основываясь на имеющихся эмпирических данных, можно заключить, что, несмотря на некоторые ограничения, данная модель является ценным и многообещающим инструментом для проведения массовых опросов населения.

Вместе с тем остаются открытыми вопросы о том, как «перекрестная» техника работает при изучении широко распространенных видов поведения и на больших (социально гетерогенных и репрезентативных) выборках [Johann, Thomas, 2017]. Дело в том, что в большинстве известных валидационных исследований эта техника тестировалась на редких видах поведения и с участием представителей образованных категорий населения (в частности, студентов и профессионалов), у которых в принципе не было проблем с пониманием инструкций, процедуры проведения опроса и степени защищенности их ответов. Вопрос о том, как ведет себя данная модель при использовании общепопуляционных выборок, состоящих из представителей массовых слоев населения, пока глубоко не изучался. Кроме того, практически во всех прежних исследованиях валидность этой техники проверялась на ограниченных по объему и неслучайных выборках. Будущие исследования должны выяснить, можно ли считать «перекрестную» технику универсальной во всех отношениях или ее возможности ограничены более узкими рамками и определенными условиями.

«Триангулярная модель» (TRM). Данная модель очень похожа на перекрестную: она тоже обходится без специальных рандомизирующих устройств и использует скрытые механизмы рандомизации, встроенные в дизайн предлагаемых респондентам ответов на анкетные вопросы. Однако она существенно отличается принципами работы и вариантами ответов [Yu et al., 2008].

Респондентам при TRM также предлагают нейтральный вопрос с известным значением вероятности ответа p («День рождения вашей мамы приходится на ноябрь или

декабрь?») и чувствительный вопрос с неизвестным значением вероятности ответа π («Вы употребляете наркотики?»), на которые опрашиваемые должны дать совместный ответ. Однако, в отличие от перекрестной модели, ответные варианты здесь формулируются иначе: «Нет» на оба вопроса и «По меньшей мере на один вопрос Да» (неважно, на который из них). Дизайн «треугольной» модели организован таким образом, что вопросы и ответы в своем взаимодействии образуют систему взаимосвязей, выстраивающихся в треугольную фигуру, что в полной мере отражает ее название («triangular» в переводе с английского означает «треугольный»).

Вероятностная оценка распространенности чувствительного поведения (в нашем примере – употребления наркотиков) может быть вычислена по формуле (2) [Yu et al., 2008]:

$$\hat{\pi}_s = 1 - \frac{\lambda}{1 - p}, \quad (2)$$

где λ – наблюдаемая доля респондентов, выбравших первый вариант ответа («ни одно из этих суждений не верно»); p – ожидаемая доля ответов «да» на первый вопрос (о месяце рождения).

Так же, как и в «перекрестной» модели, носители и не-носители чувствительной характеристики могут выбрать второй вариант ответа, не раскрывая своего истинного статуса. Однако, в отличие от нее, треугольная модель является *асимметричной*, так как первый вариант ответа («Ни одно из суждений не является верным») выступает в качестве защитной («спасительной») альтернативы, эксплицитно исключающей причастность отвечавшего к социально неприемлемому поведению. Респонденты, которые хотят дистанцироваться от чувствительной характеристики, могут принять этот спасительный ответ, даже если по инструкции к анкете они должны ответить иначе. Опрашиваемые считают, что первая ответная опция связана с нулевой вероятностью быть идентифицированными в качестве носителей чувствительной характеристики. Выбор этого «спасительного» ответа привлекает тех респондентов, которые хотят создать о себе положительное впечатление и избежать негативного имиджа. Такая поведенческая стратегия, скорее всего, приведет к тому, что масштабы измеряемого чувствительного поведения будут занижены из-за неискренних ответов. Таким образом, главный недостаток TRM состоит в том, что она плохо валирует утвердительный ответ на чувствительный вопрос и тем самым подвержена риску преуменьшений [Erdman, 2019: 145].

Еще одна проблема треугольной модели связана с тем, что мы не знаем, следуют ли респонденты предлагаемым инструкциям. Косвенные техники особенно уязвимы перед сознательным обманом из-за недоверия к методу. Как пишут К. Ву и М. Тан, респонденты, «которым есть, что терять», то есть обладающие чувствительным признаком, склонны отвечать неискренне потому, что не доверяют технике. Треугольная модель имеет явно выраженный «защитный» ответ («оба нет»), что чревато ложью, которая результируется в преуменьшениях и снижении эффективности модели [Wu, Tang, 2016: 2828].

Исследования по оценке валидности треугольной модели достаточно редки. Два таких экспериментальных теста сравнивали данную технику и технику прямых вопросов. В одном из них оценки распространенности плагиата в студенческих работах, полученные посредством треугольной модели, были описательно выше, чем полученные с помощью самоотчетов. Однако наблюдавшиеся различия оказались статистически незначимыми [Jerke, Krumpal, 2013]. Во втором исследовании оценки по трем разным чувствительным вопросам, касавшимся употребления наркотиков, оказались сопоставимыми с самоотчетами, но при этом значимо от них не отличались [Erdmann, 2019: 162]. Самозащитное поведение, вызванное асимметричной природой TRM, объясняет эти результаты.

Вместе с тем треугольная модель проста в применении, она превосходит RRT и прямые техники в плане эффективности⁹.

⁹ В данном контексте эффективность методов (моделей и т.д.) понимается в статистическом смысле – как способность метода получить более высокий процент признаний респондентов

«Перекрестная» и «триангулярная» модели: сравнительный анализ. С теоретической точки зрения потенциальное преимущество перекрестной модели состоит в том, что она предполагает ответную симметрию. Отвечая на вопросы, респонденты здесь имеют меньшее искушение ответить уклончиво. Кроме того, они не смогут найти «спасительный» ответ, что приводит к более высокой валидности оценок. С другой стороны, триангулярная процедура обычно более эффективна, чем перекрестная техника. Поэтому при одинаковой валидности скорее всего она будет более предпочтительной моделью. Между тем валидность важнее эффективности.

В исследовании Дж. Джерке и И. Крампала оценки, полученные посредством перекрестной модели, были дескриптивно выше, чем в триангулярной [Jerke, Krumpal, 2013]. Это доказывает, что симметричная CWM превосходит асимметричную TRM в получении валидных ответов.

В экспериментальном исследовании по проблеме ксенофобии и отношению к беженцам в Германии, предпринятом А. Хоффманом и его соавторами, оценки распространенности ксенофобских настроений оказались значимо выше при использовании перекрестной модели (32,65%) по сравнению с триангулярной техникой (20,05%) и прямыми самоотчетами (15,45%). Результаты, полученные двумя последними из названных методов, дескриптивно различались в пользу TRM, хотя различия были не значимыми. Это говорит о том, что масштабы ксенофобии были недооценены как триангулярной техникой, так и методом прямых вопросов, в то время как перекрестная модель продемонстрировала успешный контроль над социально желательными ответами. Негативное отношение к приему беженцев (вторая сенситивная переменная) было выявлено у 43,56% респондентов, опрошенных в режиме перекрестной модели, у 37,43% – при опросе посредством триангулярной техники и у 36,73% – при использовании методики самоотчетов. Однако обе пары различий оказались за пределами статистической значимости [Hoffman et al., 2020: 1775–1776].

Учитывая эти результаты, можно заключить, что для контроля социальной желательности и получения валидных данных о степени распространенности девиантного поведения в сенситивных опросах более предпочтительно использовать перекрестную модель. Будучи симметричной, она превосходит асимметричную триангулярную модель с точки зрения валидности. Отсутствие объективно «спасительной» альтернативы усиливает конфиденциальность индивидуальных ответов и способствует соблюдению инструкций респондентами. Она удерживает опрашиваемых от искажения ответов, поскольку они понимают, что их приватность надежно защищена, или просто потому, что они не могут идентифицировать «защитный» ответ. Напротив, асимметричная триангулярная модель предлагает «спасительную» ответную опцию, а потому более подвержена сознательным искажениям, чем перекрестная техника.

Вместе с тем, как отмечают авторы этих двух моделей, им присущи несколько общих характеристик, являющихся их преимуществами по сравнению с другими известными косвенными техниками. В-первых, они не требуют использования рандомизатора, являющегося источником статистического шума, дополнительной дисперсии и, как следствие, смещений в ответах респондентов. Во-вторых, они легко исполнимы как опрашиваемыми, так и интервьюерами. В-третьих, респонденты в них не контактируют напрямую с сенситивными вопросами. И, наконец, в-четвертых, у них практически нет ограничений с точки зрения метода сбора данных. Обе модели могут использоваться как в режиме персонального интервью, индивидуального очного анкетирования, так и в режиме почтовых и интернет-опросов [Yu et al., 2008: 262].

Вместе с тем обе описанные техники – «небесспорное решение проблемы преуменьшений в сенситивных опросах» [Erdman, 2019: 263]. Эффекты «фальшиво-позитивных»

в причастности к тем или иным девиантным (социально неодобряемым) мыслям, намерениям или видам поведения по сравнению с другой методикой (или, наоборот, больше снизить число преувеличений в случае с социально одобряемыми видами поведения).

(равно как и «фальшиво-негативных») оценок опасны и должны находиться под постоянным контролем и воздействием со стороны исследователей. Однако, несмотря на это, косвенные нерандомизированные модели являются сильными и высокоэффективными инструментами для снижения социальной желательности и стимулирования самораскрытия респондентов благодаря своему защитному потенциалу, гибкости, относительной простоте и методической универсальности. В нынешних условиях, когда обсуждаемые с респондентами вопросы и темы становятся все более острыми и деликатными, эти методы могут стать весьма полезными для решения задач, связанных с повышением достоверности и качества данных в социологических исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Мягков А.Ю. Искренность респондентов в чувствительных опросах: методы диагностики и стимулирования. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Вариант, 2012. [Myagkov A.Yu. (2012) *Sincerity of the Respondents in Sensitive Surveys: Diagnostic and Stimulation Methods*. 2nd ed., fix and add. Moscow: Variant. (In Russ.)]
- Мягков А.Ю. Стимулирование искренних ответов респондентов в опросных исследованиях: Вопросы методологии и методов / ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический университет». Иваново, 2018. [Myagkov A.Yu. (2018) *Stimulating the Sincere Answers of Respondents in Survey Research: Methodology and Methods Questions*. Ivanovo. (In Russ.)]
- Мягков А.Ю. Техника «непарных чисел»: опыт экспериментального тестирования // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 37–48. [Myagkov A.Yu. (2016) *Unmatched Count Technique: The Trial of Experimental Testing*. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 37–48. (In Russ.)]
- Мягков А.Ю. Bogus pipeline: валидная процедура или «призрачная мечта»? (К дискуссиям в зарубежных социальных науках) // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 121–130. [Myagkov A.Yu. (2020) *Bogus pipeline: valid procedure or «ghostly dream»? (To discussions in foreign social sciences)*. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 121–130. (In Russ.)]
- Atsutsaka Y., Stevenson R.T. (2021) A Bias-Corrected Estimator for the Crosswise Model With Inattentive Respondents. March 31, 2021: 1–49. URL: <https://arxiv.org/pdf/2010.16129.pdf> (accessed 13.12.2022).
- Cerry J., Davis E.O., Verissimo D. et al. (2021) Specialized Questioning Techniques and their Use in Conservation: A Review of Available Tools, With a Focus on Methodological Advances. *Biological Conservation*. Vol. 257. No. 109089: 1–39.
- Dempsey L., Dowling M., Larkin P. et al. (2016) Sensitive Interviewing in Qualitative Research. *Research in Nursing & Health*. Vol. 39. No. 4: 480–490.
- Dickson-Swift V., James E.L., Liamputtong P. (2008) *Undertaking Sensitive Research in the Health and Social Sciences: Managing Boundaries, Emotions and Risks*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Erdmann A. (2019) Non-Randomised Response Models: An Experimental Application of the Triangular Model as an Indirect Questioning Method for Sensitive Topic. *Methods, Data, Analyses*. Vol. 13. No. 1: 139–167.
- Gröenitz H. (a) (2014) A new privacy-protecting survey design for multihotomous sensitive variables. *Metrika*. Vol. 77. No. 2: 211–224.
- Gröenitz H. (b) (2014) Applying the nonrandomized diagonal model to estimate a sensitive distribution in complex sample surveys. *Journal of Statistical Theory and Practice*. Vol. 8. No. 2: 319–342.
- Heck D.W., Hoffmann A., Moshagen M. (2018) Detecting Nonadherence Without Loss in Efficiency: A Simple Extension of the Crosswise Model. *Behavioral Research Methods*. Vol. 50: 1895–1905.
- Hoffman A., Meisters J., Musch J. (2020) On the Validity of Nonrandomized Response techniques: An Experimental Comparison of the Crosswise Model and the Triangular Model. *Behavior Research Methods*. Vol. 52. No. 4: 1768–1782.
- Hoffman A., Meisters J., Musch J. (2021) Nothing But the Truth? Effects of Faking on the Validity of the Crosswise Model. *PLoS ONE*. Vol. 16. No. 10. e0258603: 1–20. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258603> (accessed 15.11.2022).
- Hoffmann A., Diedenhofen B., Verschuere B. et al. (2015) A Strong Validation of the Crosswise Model Using Experimentally-Induced Cheating Behavior. *Experimental Psychology*. Vol. 62. No. 6: 403–414.
- Höglinger M., Diekmann A. (2017) Uncovering a Blind Spot in Sensitive Question Research: False Positives Undermine the Crosswise-Model RRT. *Political Analyses*. Vol. 25. No. 1: 131–137.
- Jensen U.T. (2020) Is Self-Reported Social Distancing Susceptible to Social Desirability Bias? Using the Crosswise Model to Elicit Sensitive Behaviors. *Journal of Behavioral Public Administration*. Vol. 3. No. 2: 1–11.

- Jerke J., Johann D., Rauhut H., Thomas K. (2019) Too Sophisticated Even for Highly Educated Survey Respondents? A Qualitative Assessment of Indirect Question Formats for Sensitive Questions. *Survey Research Methods*. Vol. 13. No. 3: 319–351.
- Jerke J., Krumpal I. (2013) Plagiarism in Student Papers: An Empirical Study Using Triangular Model. *Methods, Data, Analyses*. Vol. 7. No. 3: 347–368.
- Johann D., Thomas K. (2017) Testing the Validity of the Crosswise Model: A Study on Attitudes Towards Muslims. *Survey Methods: Insights from the Field*. URL: <https://survey-insights.org/?p=8887> (accessed 06.11.2022).
- Jones E.E., Sigall H. (1971) The Bogus Pipeline: A New Paradigm for Measuring Affect and Attitude. *Psychological Bulletin*. Vol. 76. No. 2: 349–364.
- Korndörfer M., Krumpal I., Schmukle S.C. (2014) Measuring and Explaining Tax Evasion: Improving Self-Reports Using the Crosswise Model. *Journal of Economic Psychology*. Vol. 45. No. 1: 18–32.
- Krumpal I. (2013) Determinants of Social Desirability Bias in Sensitive Surveys: A Literature Review. *Quality & Quantity*. Vol. 47. No. 4: 2025–2047.
- Maxfield M.G., Weiler B.L., Widom C.S. (2000) Comparing Self-Reports and Official Records of Arrests. *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 16. No. 1: 87–110.
- Meisters J., Hoffmann A., Musch J. (2020) Controlling Social Desirability Bias: An Experimental Investigation of the Extended Crosswise Model. *PLoS ONE*. Vol. 15. No. 12: e0243384. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0243384> (accessed 06.11.2022).
- Miller J.D. (1984) A New Survey Technique for Studying Deviant Behavior. Ph.D. thesis. Washington, D.C.: The George Washington University.
- Sagoe D., Cruyff M., Spendiff M. et al. (2021) Functionality of the Crosswise Model for Assessing Sensitive or Transgressive Behavior: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. No. 655592: 1–19.
- Schnell R., Thomas K. (2021) A Meta-Analyses of Studies on the Performance of the Crosswise Model. *Sociological Methods and Research*. 1–26. URL: https://www.researchgate.net/publication/351438964_A_Metaanalysis_of_Studies_on_the_Performance_of_the_CrosswiseModel/link/-60a2f719458515952dd23c26/download (accessed 06.11.2022).
- Tian G.-L., Tang M.-L. (2019) *Incomplete Categorical Data Design. Nonrandomized Response Techniques for Sensitive Questions in Surveys*. Boca Raton, FL: CRC Press, Taylor & Francis Group.
- Walzenbach S., Hinz T. (2019) Pouring Water into Wine: Revisiting the Advantages of the Crosswise Model for Asking Sensitive Questions. *Survey Methods: Insights from the Field*. URL: <https://survey-insights.org/?p=10323> (accessed 09.11.2022).
- Warner S.L. (1965) Randomized response: A Survey Technique for Eliminating Evasive Answer Bias. *Journal of the American Statistical Association*. Vol. 60. No. 309: 63–69.
- Wu Q., Tang M.-L. (2016) Non-Randomized Response Model for Sensitive Survey with Noncompliance. *Statistical Methods in Medical Research*. Vol. 25. No. 6: 2827–2839.
- Yu J.-W., Tian G.-L., Tang M.-L. (2008) Two New Models for Survey Sampling with Sensitive Characteristic: Design and Analyses. *Metrika*. Vol. 67: 251–263.

Статья поступила: 15.12.22. Финальная версия: 28.12.22. Принята к публикации: 10.01.23.

NONRANDOMIZED TECHNIQUES FOR SENSITIVE SURVEYS: COMPARATIVE ANALYSES

MYAGKOV A.Yu.

Ivanovo State Power Engineering University, Russia

Alexander Yu. MYAGKOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Ivanovo State Power Engineering University, Ivanovo, Russia (myagkov@rambler.ru).

Abstract. The article is devoted to the description and analysis of the "crosswise" and "triangular" models, pioneered in 2008 by Hong Kong statisticians Yu, Tian and Tang and belonging to the class of non-randomized survey techniques (NRRT), specifically designed to control the effects of social desirability and stimulate self-disclosure of respondents in sensitive surveys. Based on the results of foreign studies, the author made an attempt to evaluate the possibilities of these models for obtaining sincere answers from the respondents. The paper describes the design features, question-answer logic and statistical foundations of both models under study. Methods for calculating a probabilistic estimate of the prevalence of the studied sensitive behavior are presented. The results of empirical tests are presented, which make it possible to judge the validity of the two techniques. The advantages of the crosswise and triangular models compared to the Warner RRT technique and the self-report method are shown, consisting in high validity, good performance by both respondents and interviewers, as well as methodological versatility. The most important shortcomings and limitations of survey techniques related to the respondents' non-compliance with the prescribed instructions and the subjective preferences of the interviewees in relation to certain response options are analyzed. The mechanism of the appearance of false-positive assessments that negatively affect the validity of the final data is revealed. Possible solutions to this problem are proposed. As a result of a comparative analysis of the two studied models, the author comes to the conclusion that the advantage in choosing between these two indirect techniques in terms of practical application remains with the crosswise model due to the symmetry of its question-answer design and more effective control of social desirability effects.

Keywords: sensitive research, indirect questioning techniques, nonrandomized response models, crosswise model, triangular model, sincerity of answers, social desirability, validity of data.

Received: 15.12.22. Final version: 28.12.22. Accepted: 10.01.23.

© 2023 г.

А.В. СМЕРНОВ

РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА КОРПУСА НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ

СМЕРНОВ Андрей Владимирович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия (av.smirnov.ru@gmail.com).

Аннотация. На массиве публикаций из восьми ведущих социологических журналов за период с 2000 по 2021 г. методами анализа текстов изучаются особенности влияния цифровизации общества на социологию. Частотный анализ 13,8 тыс. научных текстов позволил отследить введение в научный оборот концептов, связанных с цифровизацией. Выявлялись различия между журналами. Изучался опыт использования цифровых социальных платформ в качестве источника данных и объекта осмысления для социологии. Исследование показало, что социологи к ним обращаются все чаще: если с 2010 по 2012 г. они упоминались только в 2,7% публикаций, то с 2019 по 2021 г. – почти в каждой пятой. Исследование подтвердило, что благодаря внедрению новых цифровых технологий возрастает частота использования и сложность применяемого социологами программного инструментария. Было установлено, что с 2015 г. растет число исследований, авторы которых разрабатывают собственный программный инструментарий сбора и анализа данных. Обозначены перспективы исследования закономерностей развития социологической науки методами корпусной лингвистики.

Ключевые слова: цифровизация • инструментарий • цифровые платформы • источники данных • российская социология • корпусная лингвистика

DOI: 10.31857/S013216250022128-3

Введение. Цифровые технологии влияют на социологию в разных аспектах: возникают новые объекты изучения и концепты, появляются цифровые источники данных, эволюционирует исследовательский инструментарий, родилось понятие «цифровая социология» [Lupton, 2014], с 2018 г. выходит посвященный ей специализированный журнал¹. Д. Булье выделяет в развитии социологии три этапа. На первом источником данных были статистические методы и переписи, на втором – опросы общественного мнения, а на третьем такими источниками становятся цифровые следы – отпечатки активности человека в цифровом пространстве [Boullier, 2017; Дудина, 2021: 4–5]. В статье предпринята попытка изучения изменений в российской социологии с использованием методов анализа корпуса научных текстов – публикаций в ведущих социологических журналах России

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 21-78-00081.

¹ Журнал *Цифровая социология* издается Государственным университетом управления (Москва) в печатном и электронном форматах. Его периодичность четыре номера в год. URL: <https://digitalsociology.guu.ru/jour> (дата обращения: 04.03.2023).

за 2000–2021 гг. Методы корпусной лингвистики [Ignatow, 2015; Бызов, 2019; Zinn, 2020] применимы не только для изучения социальных явлений, но и закономерностей развития науки, поскольку частотный и контент-анализ обширного корпуса текстов позволяет выявить изменения в тематическом репертуаре статей, источниках данных и инструментарию исследований.

Социология в условиях цифровизации. Рассмотрим наиболее существенные аспекты влияния цифровизации на социологию.

1. Цифровая среда как объект осмысления социологии. Ранние социологические исследования цифровых технологий концентрировались в основном на осмыслении цифрового неравенства в доступе к технологиям, на навыках и мотивации людей [Dimaggio, Hargittai, 2001]. Сегодня предметом осмысления стал широкий набор тематик, среди которых влияние интернета на социальную жизнь, соотношение «реального» и «виртуального», действия людей в цифровой среде и многие другие [Колозариди, Макушева, 2018]. Разрабатываются теоретические концепты и модели цифрового общества [Katzenbach, Bächle, 2019], а количество публикаций в социальных науках, посвященных «цифровой» тематике, за последние годы увеличилось многократно [Смирнов, 2021: 132].

Анализ сети цитирований ведущих англоязычных социологических журналов показал, что наиболее влиятельными в контексте цитирований в последние годы были статьи, связанные с цифровыми технологиями и большими данными [Булычев, Мальцева: 129]. Это обзор Д. Лэйзера и Дж. Рэдфорда «Data ex Machina», посвященный применению больших данных в изучении социальной жизни [Lazer, Radford, 2017], статья С. Брейна о внедрении больших данных в полицейском управлении Лос-Анджелеса [Brayne, 2017] и статья А. Кристин о количественной оценке веб-журналистики в США и Франции [Christin, 2018]. В российской социологии тоже следует ожидать освещения цифровой тематики. Поэтому первая гипотеза исследования состоит в том, что концепты, связанные с цифровизацией общества, все чаще используются в российских социологических исследованиях.

На содержание журналов помимо самой логики развития науки оказывает влияние редакционная политика. Научные издания могут придерживаться меритократической линии, то есть принимать в печать публикации независимо от тематики, статуса и места работы авторов, либо ставить своей целью репрезентировать всю дисциплину, публикуя материалы по определенному набору тематик и обеспечивая представительство авторов из разных регионов [Губа, 2019: 20]. Поэтому анализ необходимо проводить в разрезе редакционной стратегии научных журналов, выявляя различия между ними.

2. Цифровая среда как источник данных. Ключевой характеристикой современной науки является нацеленность на анализ огромных объемов данных [Kitchin, 2014]. Применительно к социальным наукам их важнейшим источником является интернет-среда. Сегодня практически любой аспект повседневной жизни находит цифровое отражение [Дудина, 2016: 21]. Данные, получаемые в цифровой среде, являются одновременно огромными и микроскопическими – «огромными в том смысле, что число изучаемых людей может исчисляться миллионами, а данные измеряться терабайтами, и микроскопическими в том смысле, что регистрируются отдельные микровзаимодействия» [Golder, Macy, 2014: 131].

Источники цифровых данных обладают большим разнообразием: социальные сети, поисковые системы, логи звонков, показания датчиков GPS, оцифрованные тексты, масштабные административные данные [Богданов, Смирнов, 2021: 306]. Наибольший интерес для социологов представляют социальные интернет-платформы, где содержание генерируется самими пользователями. Они дают практически безграничный простор для сбора и анализа данных. «Развитый капитализм двадцать первого столетия постепенно выстроился вокруг задачи извлечения и использования особого типа сырья – данных... Подобно нефти, данные есть сырье, которое извлекают, очищают и используют самым различным образом. Чем больше у кого-то данных, тем больше различных возможностей их использования» [Срничек, 2020: 37].

Цифровые данные обладают как преимуществами, так и недостатками. «Одним из главных ограничений классических массовых опросов является их реактивность – респонденты и испытуемые практически всегда знают, что участвуют в исследовании, а это, в свою очередь, может оказать эффект на результаты исследования» [Богданов, Смирнов, 2021: 307]. Цифровые источники данных обычно лишены этого недостатка, в связи с чем получил распространение термин «незапрошенное общественное мнение», отделяющий данные, которые стихийно формируются и «извлекаются» из сети как цифровой след от общественного мнения, конструируемого в результате массового опроса [Дудина, Юдина, 2017: 65]. Разумеется, данные цифровых платформ имеют и свои недостатки. Масштаб и кажущаяся полнота данных часто скрывают важные проблемы, связанные с репрезентативностью и обобщаемостью. Интернет-сообщества отличаются по демографической структуре от сообществ реального мира. Более того, в интернете не все записи созданы людьми. Они могут создаваться чат-ботами, которые используются организациями для рассылок, приема платежей и т.д., а также злоумышленниками в мошеннических целях [Golder, Macy, 2014; Lazer, Radford, 2017]. Поэтому цифровые данные по возможности необходимо дополнять традиционными, а также сопоставлять и верифицировать полученные по ним результаты.

И все же исследователи отмечают, что «возрастающий объем цифровых данных и изменение структуры их использования начинают играть более значимую роль в современном научном познании» [Журавлева, 2012: 121]. Чтобы проверить, насколько это справедливо для российской социологии, сформулируем *вторую гипотезу* нашего исследования. Она состоит в том, что социальные интернет-платформы становятся важным объектом изучения и источником данных российской социологической науки. Для ее подтверждения будет проведен контент-анализ публикаций, в которых упоминаются названия наиболее популярных платформ, что позволит определить, какие интернет-платформы используют социологами чаще других и в каких исследовательских целях.

3. Изменение инструментария социологов под влиянием цифровизации. Задачи извлечения из цифровых источников и обработки больших объемов данных требуют от ученых овладения такими компетенциями, как программирование и анализ данных [Смирнов, 2015]. Навыки написания алгоритмов для выгрузки данных (парсинг) и взаимодействия с программными интерфейсами интернет-платформ (API) позволяют исследователям получать сгенерированные в цифровой среде данные. Новые инструменты могут применяться социологами как самостоятельно, так и в рамках междисциплинарного взаимодействия с представителями точных наук. Основные технологии, полезные социологу, развиваются в настоящее время в рамках четырех подходов: интеллектуальный анализ данных (data mining), большие данные (big data), цифровые гуманитарные науки (digital humanity) и наука о данных (data science) [Толстова, 2015: 4]. Эти подходы не имеют четких границ и взаимно пересекаются. Новые технологии позволяют получать нетривиальные выводы и генерировать знания из массивов данных несоциологического характера.

Логично выдвинуть *третью гипотезу* исследования, согласно которой со временем должна возрасть как частота применения новых инструментов, так и их сложность. Если раньше социологи применяли преимущественно офисное программное обеспечение (ПО) общего назначения и статистические пакеты типа SPSS (Statistical Package for the Social Science), то со временем должно применяться все более специализированное ПО, в том числе собственной разработки. Очень широк перечень конкретных методов, технологий, языков программирования и программных средств, которые могут использоваться в социологических исследованиях. Правила оформления статей в ведущих журналах требуют от авторов подробного изложения методики исследований. Поэтому в научных текстах могут фигурировать названия программных продуктов и технологий, которыми пользовались социологи.

Опубликован ряд работ, в которых на основе анализа сотен журнальных текстов, авторы делали выводы о развитии методов социологических исследований. А.В. Кинчарова и М.М. Соколов проанализировали 322 статьи в журнале «Социологические

исследования» за три года – 1981, 1996 и 2011. Они пришли к выводу, что за 30 лет «предпочитаемые методы сбора данных практически не изменились (исключение – распространение качественных методов), а использование статистических методов осталось на низком уровне». Причину этого они видят в невозможности долгосрочного планирования в кризисной ситуации, в которой оказалась российская наука. Затраты на изучение сложных методов и инструментов ученым казались не рационально высокими [Кинчарова, Соколов, 2015]. Г.Г. Татарова и А.В. Кученкова рассмотрели 178 публикаций в журнале «Социологические исследования» по методологическим направлениям за 2000–2018 гг., а также 362 статьи в журнале «Социология: 4М» за 1991–2018 гг. Они показали, что «методная» проблематика, в особенности вопросы математического моделирования, «полевых» проблем социолога и некоторых других направлений представлены в ведущих российских журналах довольно скупо [Татарова, Кученкова, 2020].

В приведенных работах анализируются только отдельные элементы публикаций: тематическая направленность, описание выборки, методологические особенности. Другой подход с анализом текстов целиком методами корпусной лингвистики представлен Ф. Биллари и Э. Загени, которые для выделения самых востребованных инструментов анализа демографических проблем в разные периоды времени использовали сервис Google Books Ngram Viewer. С его помощью были построены графики частотности таких терминов, как «life table» (таблица смертности) и «proportional hazards» (пропорциональные риски), на основе всех англоязычных текстов в Google Books с 1800 года [Billari, Zagheni, 2017]. Похожий анализ мы применим к российским социологическим текстам.

Методы и данные. Для анализа эволюции отечественных социологических публикаций в течение XXI в. требовалось отобрать ведущие научные журналы, соответствующие двум критериям. Во-первых, их тексты за последние 20 лет должны быть размещены в открытом доступе. Во-вторых, они должны быть востребованы научным сообществом. Поскольку разные наукометрические показатели дают совершенно разные перечни журналов², было решено использовать показатель, полученный экспертным путем – результат общественной экспертизы РИНЦ, в которой принимали участие высокоцитируемые ученые. Всего восемь социологических журналов выходят на протяжении как минимум двух десятилетий и получили в ходе общественной экспертизы оценку более 3 баллов по 5-балльной шкале (табл. 1). Все они индексируются в международных научных базах данных. Представлены журналы, выпускаемые как академическими институтами, так и ведущими вузами. Один из журналов издается государственной организацией ВЦИОМ.

Все научные статьи, обзоры, рецензии и другие материалы, опубликованные в журналах за 2000–2021 гг., загружались с официальных сайтов журналов и преобразовывались в текстовый формат. Общее количество текстов корпуса составило 13 772 (60,1 млн слов). Из них 46% приходится на «Социологические исследования», который оценивается многими российскими социологами как наиболее читаемый в РФ [Губа, 2019: 21] и как лучшее социологическое издание [Соколов, 2021: 53]. Высокий удельный вес этого журнала (33% от общего числа слов в корпусе из 8 ведущих отечественных социологических журналов) вызван его ежемесячной периодичностью. Во времени тексты распределены довольно равномерно: от 536 до 697 текстов в год. Средний объем статьи вплоть до 2013 г. менялся незначительно и составлял около 4000 слов. С 2014 г. он начал расти, достигнув 5814 слов к 2020 г. Это вызвано главным образом переориентацией журналов на международные требования – добавились список литературы и аннотация на английском языке.

Все тексты прошли предварительную обработку, в ходе которой из них были исключены знаки препинания, цифры, заглавные буквы и другие элементы, затрудняющие анализ (токенизация). Для удобства сравнения все слова на русском языке были приведены

² Рассматривались такие показатели, как Science Index, двух- и пятилетние импакт-факторы журналов по РИНЦ и ядру РИНЦ с учетом и без учета самоцитирования. Во всех случаях перечни журналов различались, а у ряда журналов значения показателей отсутствовали.

Таблица 1

Состав корпуса текстов ведущих российских журналов по социологии

Название журнала	Учредитель	Входит в базы данных	Показатели за 2020 г.			Номеров в год	Число текстов ***	Слов, млн ***
			Science Index	* С	** ИФ			
Социологические исследования	РАН, ФНИСЦ РАН	WoS, Scopus, RSCI	3,531	3,690	0,526	12	6 297	19,4
Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены	ВЦИОМ	Scopus, RSCI	2,688	3,079	0,461	4–6	1 794	8,7
Журнал социологии и социальной антропологии	СПбГУ	RSCI	0,924	3,195	0,274	4–6	1 466	7,6
Экономическая социология	НИУ ВШЭ	WoS, Scopus, RSCI	1,544	3,052	0,561	5	1 266	6,6
Мир России. Социология. Этнология	НИУ ВШЭ	WoS, Scopus, RSCI	3,470	3,050	0,805	4	677	5,8
Социологическое обозрение	НИУ ВШЭ	WoS, Scopus, RSCI	0,804	3,073	0,370	1–4	811	5,4
Социологический журнал	ФНИСЦ РАН	Scopus, RSCI	1,157	3,357	0,421	2–4	1 138	5,0
Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М)	ФНИСЦ РАН	RSCI	0,107	3,200	0,235	1–2	323	1,6

Примечания. *Результаты общественной экспертизы РИНЦ высокоцитируемыми учеными по 5-балльной шкале; **импакт-фактор по ЯДРУ РИНЦ за 5 лет без самоцитирования; *** всего за 2000–2021 гг.

в нормальную/начальную форму (лемматизация) с помощью морфологического анализатора *rumorphy2* на языке Python [Korobov, 2015]. Анализ текстов производился методами корпусной лингвистики. Была составлена матрица терм-документ, позволяющая получить список текстов, в которых встречается любое слово (словосочетание). Использовалась модель, определяющая частоту встречаемости слов в корпусе текстов в разрезе временных периодов и журналов. Алгоритмы расчетов реализованы автором с использованием языка программирования Julia и пакетов обработки текстовых и табличных данных: *StringAnalysis.jl*, *Languages.jl*, *PDFIO.jl* и *DataFrames.jl*.

Результаты и их обсуждение. Частота встречаемости основных концептов цифрового общества многократно увеличилась (рис. 1). Если слово «интернет» в 2021 г. стало встречаться всего втрое чаще, чем в 2000 г., то «онлайн» – в 22 раза, «платформа» – в 24 раза, «цифровой» и «цифровизация» – в 80 раз. Применительно к последним особо быстрый прирост фиксируется после 2017 г. – в 4,9 раза всего за 4 года. Эти значения свидетельствуют о том, что социология обратила пристальное внимание на проблематику, связанную с процессами цифровизации общественной жизни.

При рассмотрении частоты появления слов «цифровой» и «цифровизация» в текстах журналов (табл. 2) выявлена следующая закономерность: частота их употребления многократно возросла во всех журналах. Раньше остальных цифровая проблематика

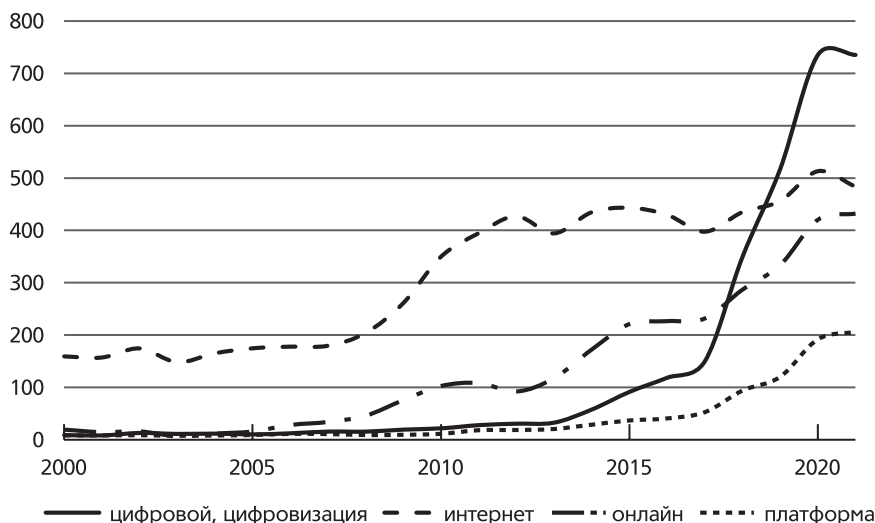

Рис. 1. Частота встречаемости терминов, связанных с цифровизацией, скользящее среднее за 3 года, 2000–2021 гг., ед. на 1 млн слов

стала широко освещаться в журнале «Социология: 4М» (2013–2015 гг.), что было связано с его методологической направленностью. Однако в последние годы самую высокую частоту упоминаемости вышеназванных терминов демонстрирует журнал «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены». Это вызвано редакционной политикой данного издания. Цифровым исследованиям посвящены многие его специальные тематические выпуски: «Интернет как проблемное поле социальных наук» (№ 1, 2018), «Цифровизация экономики, политики, гражданского общества» (№ 5, 2019), «Искусственный интеллект и искусственная социальность» (№ 1, 2021), «Трансформация гражданского активизма под влиянием новых ИКТ» (№ 6, 2021). При их подготовке

Таблица 2

Частота встречаемости слов «цифровой» и «цифровизация» в корпусе текстов по периодам, 2001–2021 гг., ед. на 1 млн слов

Журнал	2001–2003	2004–2006	2007–2009	2010–2012	2013–2015	2016–2018	2019–2021
Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены	2	6	19	48	47	289	1268
Журнал социологии и социальной антропологии	21	17	7	42	55	78	748
Социологические исследования	18	11	17	32	89	188	712
Социологический журнал	12	9	14	34	18	68	464
Экономическая социология	5	10	7	18	64	108	462
Социологическое обозрение	3	34	23	6	15	100	405
Социология: 4М	11	9	77	17	299	227	341
Мир России	14	3	6	3	2	14	161

редакцией целенаправленно отбирались материалы соответствующей проблематики с помощью объявлений на сайте и других сетевых механизмов. Частотный анализ текстов подтверждает первую гипотезу исследования. Однако необходимо учитывать, что скорость распространения в научных публикациях тематики, связанной с цифровизацией общества, неодинакова по журналам и зависит от их редакционной политики.

Названия цифровых социальных платформ упоминаются в 783 публикациях (5,7% от общего числа текстов в корпусе), из которых 387 приходятся на 2019–2021 гг. (19,5% от общего числа текстов за эти годы). То есть в последние годы названия платформ упоминаются в каждой пятой статье, что подтверждает вторую гипотезу исследования. Для поиска использовались названия пятнадцати наиболее популярных в России на 2020 г. цифровых социальных платформ³, а также различные варианты их транслитераций: YouTube, ВКонтакте, WhatsApp, Instagram, Одноклассники, Viber, Facebook⁴, TikTok, Telegram, Skype, Twitter, Pinterest, Snapchat, Twitch, Likee (табл. 3). Чаще других в статьях упоминаются Facebook (386 текстов), ВКонтакте (321), YouTube (233) и Twitter (203). Все тексты, в которых упоминаются цифровые платформы, были классифицированы по месту и характеру упоминания (табл. 3).

В 33 публикациях названия платформ вынесены в названия. Чаще всего это социальная сеть ВКонтакте (19 публикаций) и видеохостинг YouTube (5). Из 33 статей 25 были опубликованы в 2018–2021 гг. В основном тексте публикаций названия социальных платформ встречаются в 665 публикациях, а в списке литературы, гиперссылках и сносках на источники – в 328. В 101 публикации название цифровой платформы упоминается как средство для поиска и рекрутинга респондентов (в основном используются социальные сети ВКонтакте, Одноклассники и Facebook) или проведения интервью (чаще всего Skype).

Таблица 3

Число статей, в которых упоминаются наиболее популярные в России социальные цифровые платформы по периодам и категориям, 2000–2021 гг., ед.

Категория текстов	2000–2009	2010–2012	2013–2015	2016–2018	2019–2021	Всего
Всего текстов в корпусе	5835	1924	1966	2062	1985	13772
Текстов с упоминанием цифровых платформ	4	53	126	213	387	783
В них:						
1. Упоминания в названии публикации	0	3	3	12	15	33
2. Упоминания в основном тексте	4	49	104	181	327	665
3. Упоминания в списке литературы или гиперссылках	1	17	47	87	176	328
4. Цифровая платформа использовалась для рекрутинга респондентов или проведения интервью	0	4	17	26	54	101
5. Цифровая платформа является источником эмпирических данных	1	9	18	37	82	147
6. Цифровая платформа является объектом исследования	2	17	17	33	74	143

³ Leading social media platforms in Russia as of 3rd quarter of 2020, by penetration rate. URL: <https://www.statista.com/statistics/867549/top-active-social-media-platforms-in-russia/>

⁴ Социальные сети Facebook и Instagram принадлежат компании Meta, деятельность которой в 2022 г. признана в России экстремистской и запрещена.

В 147 научных статьях цифровые платформы используются как источники эмпирических данных для исследования. Это может быть анализ сообщений, учетных записей и сообществ в социальных медиа, изучение сетей взаимодействия людей, контент-анализ или анализ статистики популярности материалов. В 143 публикациях сам объект изучения является цифровой платформой или тесно связанным с ней явлением: сетевые коммуникации и дискурсы, стратегии использования соцсетей и интернет-практики, онлайн-цензура, цифровой активизм, распространение мнений и фейков, мемы, цифровые следы и извлечение веб-данных, социальные боты и искусственные профили, виртуальная самопрезентация, интернет-знаменитости. Эта группа публикаций сильно пересекается с предыдущей.

Для проверки третьей гипотезы разделим социологический программный инструментарий на три группы и выберем в каждой несколько популярных представителей. В первую группу входят статистические пакеты общего назначения (SPSS, Stata, Statistica), которые могут применяться не только в социологии, но и в других науках, включая точные и естественные. Во вторую группу входят инструменты анализа качественных данных (ATLAS.ti, NVivo, MAXQDA), которые решают более узкий класс задач, связанных с разметкой и изучением текстов, изображений, аудио- и видеозаписей. В третью группу (Python, API, GitHub) вошли технологии, упоминание которых может свидетельствовать о том, что авторы самостоятельно разрабатывают или адаптируют программное обеспечение под свою исследовательскую задачу. Python – один из наиболее популярных языков программирования, API (Application Programming Interface) – инструменты для загрузки данных приложений или цифровых платформ, GitHub – самый популярный сервис для размещения IT-проектов в интернете.

Число текстов, в которых упоминаются статистические пакеты, было высоким на протяжении всего периода и выросло в 2,5 раза (рис. 2). Упоминания пакетов для анализа качественных данных начали увеличиваться в 2013 г. и за весь изучаемый период выросли в 13,3 раза. Это может быть связано как с увеличением популярности качественных методов, так и с повышением доступности специализированного программного обеспечения для научных организаций и ученых. Третья группа слов почти не упоминалась вплоть до

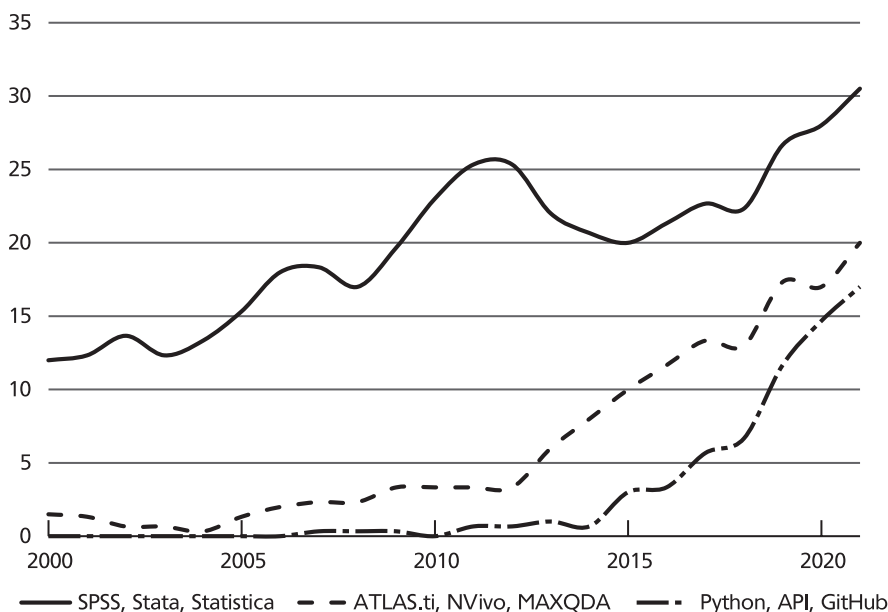

Рис. 2. Число публикаций с упоминанием разных видов программного обеспечения и технологий, скользящее среднее за 3 года, 2000–2021 гг., ед.

2015 г., но затем их употребление стало резко увеличиваться. К 2021 г. количество статей, в которых они были упомянуты, почти сравнялось со второй группой. Рассмотрим эти статьи и особенности применения авторами каждой технологии в отдельности.

Из 29 статей, в которых упоминается язык программирования Python, в 20 случаях их авторы реализовывали на нем алгоритмы для своих исследований. Хотя первая такая статья появилась в 2012 г., 13 из 20 статей приходится на 2020–2021 гг. Слово «GitHub» впервые встречается в корпусе в 2016 г. Из 21 статьи, в которых упоминается GitHub, в 8 даются ссылки на используемые алгоритмы и методы чужой разработки, а еще в 8 – на собственные данные, методы и результаты. Чаще всего авторы размещают код на языках Python и R. Аббревиатура «API» встречается в 29 публикациях, наиболее ранняя из которых датирована 2014 г. Однако широкое распространение API-социология в России получила в 2018 г., когда статьи стали появляться регулярно. Из 20 статей, в которых описан опыт применения авторами API, в 15 случаях использовался API социальной сети ВКонтакте. Похожие закономерности демонстрируют и другие маркеры. Так, слово «парсер» начинает использоваться в статьях из ведущих социологических журналов в 2015 г. Словосочетание «большие данные» не встречалось в корпусе текстов ранее 2013 г., а относительно высокой частоты употребления оно достигло в 2015 г. Таким образом, в последние годы наблюдается активизация разработки собственных алгоритмов, но она еще не носит массовый характер, число статей исчисляется десятками.

Хотя выявленные закономерности и могут свидетельствовать о справедливости третьей гипотезы исследования, необходимо учитывать, что далеко не во всех статьях указывается используемый программный инструментарий. Вероятно также, что авторы более склонны явно указывать на использование экзотического программного обеспечения, а не простых табличных редакторов и статистических пакетов. Поэтому для проверки этой гипотезы требуется проведение опроса ученых-социологов об используемых ими средствах и инструментах обработки данных.

Заключение. Контент-анализ публикаций подтвердил, что цифровые социальные платформы становятся важным объектом изучения и источником данных российской социологии. За пределами нашего анализа остались многие другие цифровые сервисы, используемые учеными, такие как анализаторы поисковых запросов, геоинформационные системы, тематические сайты.

Анализ корпуса научных текстов продемонстрировал многочисленные изменения в публикациях российских социологов, ставшие результатом цифровизации и появления новых информационных технологий. Есть основания полагать, что выявленные тенденции сохранятся в будущем, так как все рассмотренные показатели демонстрируют устойчивый рост во времени. Генеральная совокупность была сознательно ограничена текстами из восьми ведущих журналов и двумя первыми десятилетиями XXI в., чтобы их удалось охватить целиком. Однако в дальнейших исследованиях корпус текстов может быть расширен как во времени, так и по охвату изданий, включать журналы по смежным наукам. С помощью анализа текстов могут изучаться и другие вопросы развития социологической мысли, совершенствования методов социологических исследований. Помимо выявления частотных характеристик методы анализа текстов могут использоваться для их классификации, анализа стилистических особенностей, создания тематических подборок литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов М.Б., Смирнов И.Б. Возможности и ограничения цифровых следов и методов машинного обучения в социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 304–328. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1760.
- Булычева Е.Е., Мальцева Д.В. Выделение актуальных тематик в социологии: взгляд сквозь призму анализа сети цитирований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 113–140. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.971.

- Бызов А.А. Интеллектуальный анализ текстов в социальных науках // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2019. № 49. С. 131–160.
- Губа К.С. Быть главным журналом в российской социологии: когда миссия имеет значение // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 4. С. 14–38. DOI: 10.17323/1726-3247-2019-4-14-38.
- Дудина В.И. «Пересборка социологии»: цифровой поворот и поиски новой теоретической оптики // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 3–11. DOI: 10.31857/S013216250016829-4.
- Дудина В.И. Цифровые данные – потенциал развития социологического знания // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 21–30.
- Дудина В.И., Юдина Д.И. Извлекая мнения из сети Интернет: могут ли методы анализа текстов заменить опросы общественного мнения? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 63–78. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.05.
- Журавлёва Е.Ю. Эпистемический статус цифровых данных в современных научных исследованиях // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 113–123.
- Кинчарова А.В., Соколов М.М. Исследовательские практики российских социологов // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 58–68.
- Колозариди П.В., Макушева М.О. Интернет как проблемное поле социальных наук // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 1–11. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.01.
- Смирнов А.В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 129–153. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1790.
- Смирнов В.А. Новые компетенции социолога в эпоху больших данных // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2. С. 44–54. DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.04.
- Соколов М.М. Академические репутации в российской социологии: опыт измерения // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 44–56. DOI: 10.31857/S013216250013728-3.
- Срничек Н. Капитализм платформ. 2-е изд. М.: ВШЭ, 2020.
- Татарова Г.Г., Кученкова А.В. «Методная» проблематика на страницах журнала «Социологические исследования» (2000–2018) // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 47–56. DOI: 10.31857/S013216250009486-7.
- Толстова Ю.Н. Социология и компьютерные технологии // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 3–13.
- Billari F., Zagheni E. Big Data and population processes: A revolution? // SIS 2017. Statistics and data science: new challenges, new generations. Florence: Firenze University Press, 2017. P. 167–178. DOI: 10.36253/978-88-6453-521-0.
- Boullier D. Big data challenges for the social sciences: from society and opinion to replications // ISA e-Symposium for Sociology. 2017. Vol. 7 (2). URL: <https://www.boullier.bzh/wp-content/uploads/EBul-Boullier-Jul2017.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).
- Brayne S. Big data surveillance: The case of policing // American Sociological Review. 2017. Vol. 82 (5). P. 977–1008. DOI: 10.1177/0003122417725865.
- Christin A. Counting Clicks: Quantification and Variation in Web Journalism in the United States and France // American Journal of Sociology. 2018. Vol. 123 (5). P. 1382–1415. DOI: 10.1086/696137.
- Dimaggio P., Hargittai E. From the 'digital divide' to 'digital inequality': Studying Internet use as penetration increases. Working Paper #15. Princeton University: Center for Arts and Cultural Policy Studies, 2001.
- Golder S.A., Macy M.W. Digital footprints: opportunities and challenges for online social research // Annual Review of Sociology. 2014. Vol. 40 (1). P. 129–152. DOI: 10.1146/annurev-soc-071913-043145.
- Ignatow G. Theoretical foundations for digital text analysis // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2015. Vol. 46 (1). P. 104–120. DOI: 10.1111/jtsb.12086.
- Katzenbach C., Bächle T.C. Defining concepts of the digital society // Internet Policy Review. 2019. Vol. 8 (4). DOI: 10.14763/2019.4.1430.
- Kitchin R. Big data, new epistemologies and paradigm shifts // Big Data & Society. 2014. Vol. 1 (1). P. 1–12. DOI: 10.1177/2053951714528481.
- Korobov M. Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages // International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts. Cham: Springer, 2015. P. 320–332.
- Lazer D., Radford J. Data ex machina: Introduction to big data // Annual Review of Sociology. 2017. Vol. 43 (1). P. 19–39. DOI: 10.1146/annurev-soc-060116-053457.
- Lupton D. Digital sociology. London, New York: Routledge, 2015.
- Zinn J.O. The UK at risk. A corpus approach to social change 1785–2009. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. DOI: 10.1007/978-3-030-20238-5.

RUSSIAN SOCIOLOGY IN THE CONTEXT OF SOCIETY DIGITALIZATION: RESULTS OF A CORPUS ANALYSIS OF SCIENTIFIC TEXTS

SMIRNOV A.V.

Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre of the UB RAS, Russia

Andrey V. SMIRNOV, Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Fellow, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre of the UB RAS, Syktyvkar, Russia (av.smirnov.ru@gmail.com).

Acknowledgements. The paper has been prepared with the support of the RSF, the project No. 21-78-00081.

Abstract. Using the analysis of a corpus of texts from eight leading Russian sociological journals, the article examines the impact of the digitalization of society on sociology in 2000–2021. Frequency analysis of 13.8 thousand scientific texts tracked the introduction of concepts related to digitalization into academic circulation. The article reveals the differences between the journals, due to their editorial policy in the selection of articles. Through content analysis of texts, the author studied the experience of using digital social platforms as a source of data and an object of reflection. The text shows that they are being used more and more over time, and since 2019, one in five publications mentions digital platforms. The study confirmed that due to the introduction of new digital technologies, the frequency and complexity of the software tools used by sociologists is increasing. Since 2015, there has been an increase in the number of studies whose authors develop their own algorithms for data collection and analysis. The identified trends are likely to continue in the future, as all the indicators considered show a steady increase over time. In the conclusions of the article, the author formulates the prospects for studying the patterns of development of sociological science using the methods of corpus linguistics.

Keywords: digitalization, tools, digital platforms, data sources, Russian sociology, corpus linguistics.

REFERENCES

- Billari F., Zagheni E. (2017) Big Data and population processes: A revolution? *SIS 2017. Statistics and data science: new challenges, new generations*. Florence: Firenze University Press: 167–178. DOI: 10.36253/978-88-6453-521-0.
- Bogdanov M.B., Smirnov I.B. (2021) Opportunities and limitations of digital footprints and machine learning methods in sociology. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1: 304–328. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1760. (In Russ.)
- Boullier D. (2017) Big data challenges for the social sciences: from society and opinion to replications. *ISA eSymposium for Sociology*. Vol. 7 (2). URL: <https://www.boullier.bzh/wp-content/uploads/EBul-Boullier-Jul2017.pdf> (accessed 01.06.2022).
- Brayne S. (2017) Big data surveillance: The case of policing. *American Sociological Review*. Vol. 82 (5): 977–1008. DOI: 10.1177/0003122417725865.
- Bulycheva E.E., Maltseva D.V. (2020) Highlighting key topics in sociology: A glance through the prism of citation network analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6: 113–140. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.971. (In Russ.)
- Byzov A. (2019) Text mining in social sciences. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling]. No. 49: 131–160. (In Russ.)
- Christin A. (2018) Counting Clicks: Quantification and Variation in Web Journalism in the United States and France. *American Journal of Sociology*. Vol. 123 (5): 1382–1415. DOI: 10.1086/696137.
- Dimaggio P., Hargittai E. (2021) *From the 'digital divide' to 'digital inequality': Studying Internet use as penetration increases*. Working Paper #15. Princeton University: Center for Arts and Cultural Policy Studies, 2001.
- Dudina V.I. (2016) Digital data potentialities for development of sociological knowledge. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 21–30. (In Russ.)
- Dudina V.I. (2021) Reassembling sociology: Digital turn and searching for new theoretical optics. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 3–11. DOI: 10.31857/S013216250016829-4. (In Russ.)

- Dudina V.I., Iudina D.I. (2017) Mining opinions on the Internet: can the text analysis methods replace public opinion polls? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 5: 63–78. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.05.
- Golder S.A., Macy M.W. (2014) Digital footprints: opportunities and challenges for online social research. *Annual Review of Sociology*. Vol. 40 (1): 129–152. DOI: 10.1146/annurev-soc-071913-043145.
- Guba K.S. (2019) To be the flagship journal of Russian sociology: When the mission matters. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 20 (4): 14–38. DOI: 10.17323/1726-3247-2019-4-14-38. (In Russ.)
- Ignatow G. (2015) Theoretical foundations for digital text analysis. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 46 (1): 104–120. DOI: 10.1111/jtsb.12086.
- Katzenbach C., Bächle T.C. (2019) Defining concepts of the digital society. *Internet Policy Review*. Vol. 8 (4). DOI: 10.14763/2019.4.1430.
- Kintcharova A.V., Sokolov M.M. (2015) Research practices of Russian sociologists. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 58–68. (In Russ.)
- Kitchin R. (2014) Big data, new epistemologies and paradigm shifts. *Big Data & Society*. Vol. 1 (1): 1–12. DOI: 10.1177/2053951714528481.
- Kolozaridi P.V., Makusheva M.O. (2018) The Internet as a problematic field of study in social sciences. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1: 1–11. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.01. (In Russ.)
- Korobov M. (2015) Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages. *International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts*. Cham: Springer: 320–332.
- Lazer D., Radford J. (2017) Data ex machina: Introduction to big data. *Annual Review of Sociology*. Vol. 43 (1): 19–39. DOI: 10.1146/annurev-soc-060116-053457.
- Lupton D. (2015) *Digital sociology*. London, New York: Routledge.
- Smirnov A.V. (2021) Digital society: Theoretical model and Russian reality. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1: 129–153. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1790. (In Russ.)
- Smirnov V.A. (2015) Sociologist's new competences in the times of “big data”. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2: 44–54. DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.04. (In Russ.)
- Sokolov M.M. (2021) Academic recognition in Russian sociology: a study using reputation surveys. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 44–56. (In Russ.)
- Srnicek N. (2020) *Platform capitalism*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. Methodological issues on the pages of the journal “Sociological studies” (2000–2018). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 47–56. (In Russ.)
- Tolstova Yu.N. (2015) Sociology and computer technologies. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 3–13. (In Russ.)
- Zhuravleva E.Yu. (2012) Epistemic status of digital data in modern scientific research. *Voprosy Filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 2: 113–123. (In Russ.)
- Zinn J.O. (2020) *The UK at risk. A corpus approach to social change 1785–2009*. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-20238-5.

Received: 25.07.22. Accepted: 14.03.23.

© 2023 г.

А.В. ШУСТОВ

КОНТУРЫ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА 2020–2022 гг. В РОССИИ

ШУСТОВ Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия (a.v.shustov@yandex.ru).

Аннотация. Миграционная ситуация в России в период пандемии COVID-19 имеет целый ряд признаков кризиса. Этот процесс, как правило, связан с притоком больших масс мигрантов на ограниченную территорию в течение непродолжительного периода времени. В России кризисные явления в миграционной сфере на протяжении 2020 – начала 2022 г. были вызваны закрытием границ и сложным социально-экономическим положением, в котором оказались трудовые мигранты из азиатских стран СНГ. Однако предпосылки этого формировались на протяжении как минимум второй половины 2010-х гг. Во многом они были связаны с заметным увеличением объема и изменением этнической структуры миграционных потоков в пользу выходцев из стран Средней Азии. Одновременно происходило снижение численности трудовых мигрантов из Украины и Молдавии. Черты миграционного кризиса носили преимущественно локальный характер и рельефнее всего проявлялись в наиболее привлекательных для мигрантов регионах – Москве, Санкт-Петербурге и прилегающих к ним областях. Его проявлениями стали массовые акции протеста, беспорядки и конфликты с участием мигрантов, а также заметное обострение их отношений с работодателями, властями и местным населением.

Ключевые слова: миграция • иммиграция • мигранты • Средняя Азия • СНГ • пандемия COVID-19 • миграционный кризис • кризис беженцев • эмиграционный кризис

DOI: 10.31857/S013216250023213-7

Понятие миграционного кризиса закрепились в научном дискурсе после событий середины 2010-х гг. в странах ЕС, связанных с массовым притоком выходцев из стран Ближнего Востока и Африки. Объем и скорость этого иммиграционного потока показали неготовность стран ЕС к приему значительного числа инокультурных мигрантов, вызвавшего целый ряд социальных и политических проблем. География и масштаб кризиса, затронувшего все страны ЕС, способствовали тому, что именно он стал эмпирической базой для разработки концепции миграционных кризисов.

В западной научной литературе по миграционному кризису в ЕС заметен сильный акцент на вопросах безопасности и его политических последствий. Так, Н. Банулеску-Богдан и С. Фратцке из Вашингтонского Института миграционной политики подчеркивают беспрецедентный приток мигрантов и их массовую гибель по пути в Европу, отмечая неспособность Евросоюза справиться с этим потоком [Banulescu-Bogdan, Fratzke, 2015]. Профессор Университета штата Нью-Йорк в Буффало Л. Буонанно рассматривает миграционный кризис как главное звено в цепи событий, вызвавших кризис ЕС во второй половине 2010-х гг. [Buonanno, 2017]. Португальский исследователь Ж. Эстевенс отмечает,

что рекордный поток мигрантов привел к усилению пограничного контроля, возникновению проблем с управлением миграционными потоками и росту противоречий между странами ЕС. С 2015 г. миграционный кризис стал центральным как на европейском, так и национальном уровне, а вопросы безопасности приобрели особое значение [Estevens, 2018]. Ф. Ниренштейн из Иерусалимского центра по связям с общественностью обращает внимание на неспособность многих стран Евросоюза интегрировать прибывающих мигрантов из-за их культуры, которая так сильно отличается от западной, что может даже противоречить европейским принципам [Nirenstein, 2019].

В России европейский миграционный кризис середины 2010-х гг. вызвал интерес. Однако миграционная ситуация внутри РФ сквозь призму концепции миграционного кризиса до сих пор не рассматривалась. Объектом исследований в России, как правило, выступает трудовая миграция, положение мигрантов, отношение к ним местного населения. Вопросы национальной безопасности, этносоциальных противоречий и конфликтов, непосредственно связанных с притоком мигрантов, внимания исследователей почти не привлекали. В отдельных работах, затрагивавших кризисные аспекты миграционных процессов в России, рассматривались влияние на трудовую миграцию экономического кризиса 2008–2009 гг. [Куликова, 2010]; угрозы, создаваемые миграциями для пограничных регионов [Гончарова и др., 2013; Омельченко и др., 2018]; риски «кризисной» иммиграции в РФ из стран Средней Азии [Новожилова, 2016; Аршин, 2021]. Очевидно стремление исследователей спроецировать последствия европейского кризиса середины 2010-х гг. на РФ и спрогнозировать развитие ситуации в случае масштабного притока населения из Средней Азии.

Исследования среднеазиатской трудовой иммиграции в России были сфокусированы на положении самих мигрантов и их проблем [Мукомель, 2022], отношении к ним местного населения и существующих стереотипах [Космарская, 2018; Авдашкин, 2022]. Схожие проблемы оказались в фокусе социологических исследований периода пандемии COVID-19 [Варшавер и др., 2020; Денисенко, Мукомель, 2020а; 2020б] с той разницей, что социально-экономическое положение оставшихся в стране трудовых мигрантов осложнилось.

«Архетипом» миграционного кризиса остаются события середины 2010-х гг. в ЕС. С.В. Рязанцев предложил рассматривать миграционный кризис как «масштабный приток мигрантов за относительно короткий период времени на достаточно ограниченную территорию», который провоцируется экстраординарными событиями (войнами, этническими конфликтами и т.п.) и приводит к росту нагрузки на социальную инфраструктуру, рынок труда и экологию [Рязанцев, 2021: 7–8, 14]. Причинами, по которым эта концепция не проецируется на Россию, является то, что приток инокультурных мигрантов оказался растянутым во времени и не был связан с экстраординарными событиями наподобие войн и крупных этнических конфликтов. Кроме того, понимание миграционного кризиса изначально предполагает приоритетное внимание к самим мигрантам, а отнюдь не к принимающему их обществу.

Предметом настоящего исследования являются черты миграционного кризиса, возникшего в России под влиянием эпидемии COVID-19 и принятых после ее начала ограничительных мер. К его задачам относится анализ предпосылок кризисных процессов в сфере миграции, особенностей отношения в РФ к выходцам из основных регионов ближнего зарубежья, влияния на развитие кризиса закрытия границ, ухудшения социально-экономического положения мигрантов, а также их последствий.

Под миграционным кризисом понимается значительное увеличение притока на определенную территорию иммигрантов, деформирующее исторически сложившееся демографическое соотношение проживающих на ней этносов, этнических и этноконфессиональных групп, а также вызванные им негативные социальные процессы, включая нарастание конфликтности (массовые акции протеста, беспорядки, столкновения с участием мигрантов), рост напряженности в их отношениях с местным населением, властными структурами, работодателями, ухудшение криминогенной ситуации.

Основными методами исследования стали анализ миграционной статистики, периодической печати, а также вторичный анализ данных опросов, проведенных различными социологическими центрами.

Миграционная ситуация в 2011–2021 гг. в России характеризовалась рядом разнонаправленных тенденций, обусловленных экономическими, внешне- и внутривнутриполитическими процессами в странах СНГ, а с 2020 г. – и пандемией COVID-19. Ключевое воздействие на нее оказывало изменение объема и структуры миграционных потоков, связывавших РФ со странами бывшего СССР.

Долгосрочная миграция. Динамика «постоянной» международной миграции населения России в 2011–2021 гг.¹ явных кризисных тенденций не демонстрирует. Вплоть до 2018 г. наблюдалось постепенное снижение объемов нетто-миграции. В середине 2010-х гг. наметился резкий рост притока населения из европейских стран СНГ, вызванный началом военного конфликта на Украине, а также спад иммиграции из Средней Азии (рис. 1). В 2014–2015 гг. чистая иммиграция с Украины по сравнению с 2013 г. выросла в 3–4 раза, но уже с 2016 г. началось ее сокращение. Во второй половине 2010-х гг. сокращался и приток населения из европейских стран СНГ в целом. Исключением стал скачок 2019 г., вызванный недоучетом прибывших в 2018 г. и их последующим переучетом [Мкртчян, Флоринская, 2021: 50].

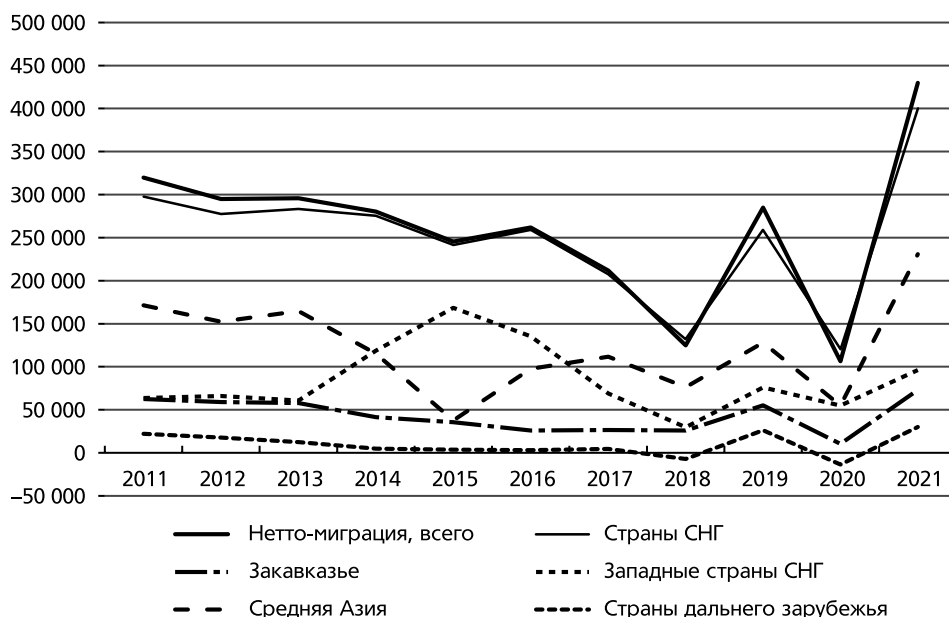

Рис. 1. Нетто-миграция населения России, 2011–2021

Примечание. Здесь и далее: Средняя Азия – Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан; Закавказье – Азербайджан, Армения, Грузия, Абхазия и Южная Осетия, европейские страны СНГ – Белоруссия, Молдавия, Украина.

Источники: Международная миграция [1997–2020] // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году (Статистический бюллетень). М., 2022 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium> (дата обращения: 22.07.2022).

¹ С 2011 г. Росстатом была введена новая методика миграционного учета, в соответствии с которой в число «постоянных» мигрантов стали включаться зарегистрированные по месту пребывания на девять месяцев и более.

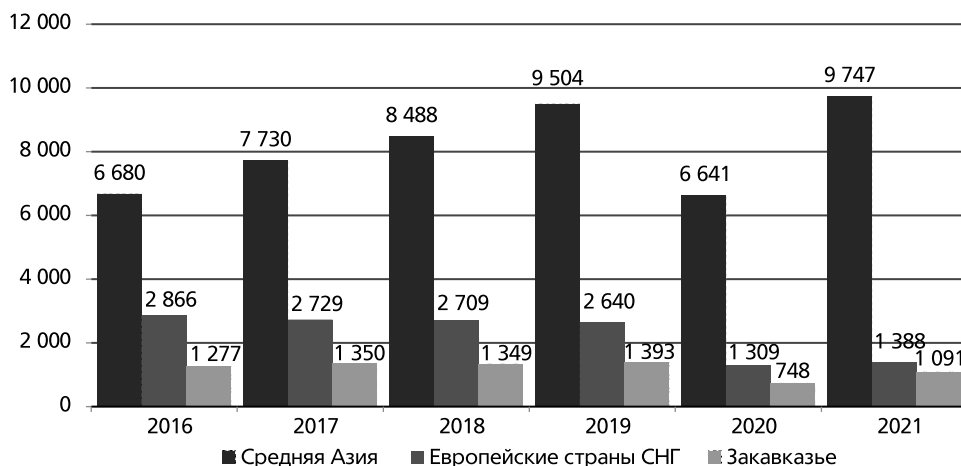

Рис. 2. Динамика регистрации иностранных граждан органами МВД РФ, 2016–2021

Источник: Здесь и в рис. 3: Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за 2016–2021 гг. // МВД России. Статистические сведения по миграционной ситуации. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 06.07.2022).

Миграционный приток из Средней Азии, который в 2015 г. после введения новых правил въезда и оформления документов в РФ сократился втрое (со 115,1 до 37,7 тыс.), затем вновь начал расти. С 2017 г. чистая иммиграция из среднеазиатского региона оказалась больше, чем из всех европейских стран СНГ, а в 2018 г. превзошла ее в 2,5 раза (76,3 и 29,7 тыс. чел.). За 2021 г. чистая иммиграция из Средней Азии достигла 230,7 тыс., более чем вдвое превзойдя показатели по европейским странам СНГ (96,2 тыс.). Только из Таджикистана нетто-миграция в РФ за 2021 г. (96,6 тыс.) оказалась больше, чем из Белоруссии, Молдавии и Украины вместе взятых.

Гораздо более серьезное воздействие на миграционную ситуацию в РФ оказывала «временная» или **текущая миграция**, которая устойчиво росла до 2019 г. Если за 2016 г. на миграционный учет были поставлены 10,8 млн граждан стран СНГ, то в 2019 г. – 13,5 млн. В 2020 г. количество регистраций выходцев из СНГ сократилось более чем на треть (–35,7%), а по итогам 2021 г. увеличилось до 12,2 млн (+40,6%), почти достигнув уровня докризисного 2019 г.²

Потоки текущей миграции из стран СНГ в 2016–2021 гг. менялись разнонаправленно: если иммиграция из Средней Азии быстро росла, то из Закавказья – в основном стагнировала, а из европейских стран СНГ – сокращалась. С 2016 по 2019 г. число регистраций граждан среднеазиатских государств в России выросло с 6,7 до 9,5 млн чел. (+42,3%), из Закавказья – с 1,3 до 1,4 млн чел. (+9,1%), а из западных стран СНГ – сократилось с 2,9 до 2,6 млн (–7,9%). После падения более чем на треть в 2020 г. приток мигрантов из европейских стран СНГ по итогам 2021 г. вырос с 1,3 до 1,4 млн (+6%), из Закавказья – с 0,7 до 1,1 млн (+45,8%), а из Средней Азии – с 6,6 до 9,7 млн (+46,8%), оказавшись самым высоким с 2016 г. (рис. 2).

В итоге доля выходцев из Средней Азии среди «временных» мигрантов заметно выросла. Если в 2016 г. на них приходилось 61,7% всех мигрантов из государств СНГ, европейские страны – 26,5%, а Закавказье – 8,9%, то в 2021 г. соответственно – 79,7%, 11,4%

² С 15 марта 2020 г. сроки действия документов иностранцев указом президента были приостановлены, что позволяло им находиться в России без оформления регистрации. Действие указа продлевалось до 31 декабря 2021 г.

и 8,9%. Сокращение иммиграции из западных стран СНГ произошло за счет Молдавии и Украины, граждане которых после вступления в силу соглашений о евроассоциации смогли воспользоваться упрощенным миграционным режимом с ЕС³. Причем восстановления иммиграции из Молдавии в 2021 г. не произошло, а приток с Украины продолжил падать, сократившись за пять лет в 2,7 раза.

Ситуация с иммиграцией из Средней Азии была противоположной. Большинство государств этого региона, кроме вышедшей в 1999 г. из безвизового пространства СНГ Туркмении, постоянно наращивали текущую эмиграцию в РФ. В 2016–2021 гг. ее объем вырос с 6,7 до 9,7 млн (+45,9%), в том числе из Узбекистана – с 3,4 до 5 млн (+47,9%), из Таджикистана – с 1,9 до 3,1 млн (+62,6%), а из Киргизии – с 0,8 до 1,1 млн (+28,7%). Как следствие, среднеазиатские мигранты на российском рынке труда занимали ниши, ранее занятые выходцами из Молдавии и Украины.

Особенности отношения к иммиграции в России. Отношение к мигрантам из разных регионов мира в РФ имеет свои особенности, отражением которых служит этносоциальная дистанция. По ее уровню среднеазиатские мигранты, судя по многолетним исследованиям «Левада-центра», стабильно занимают одно из первых мест. Так, по данным опроса, проведенного в декабре 2021 г.⁴, выходцы из Средней Азии по доле тех, кто не хотел бы пускать их в Россию (26%), занимают третье место после цыган (37%) и негров (28%). Ранее входившие в тройку «лидеров» китайцы, напротив, опустились на пятое место (22%), а граждан Украины, политические отношения с которой являются крайне напряженными с 2014 г., не хотели пускать в РФ всего 17% [Общественное мнение, 2022: 118–120].

Негативное отношение к трудовой иммиграции, которая в силу доминирования выходцев из Средней Азии воспринимается прежде всего как среднеазиатская, подтверждают и другие опросы. Так, по итогам опубликованного в ноябре 2021 г. общероссийского опроса ВЦИОМ доля тех, кто видит в трудовой иммиграции больше отрицательных сторон (27%), в 2,5 раза выше считающих, что в ней больше положительного (11%), а 60% настаивают, что мигранты «отнимают» работу у местных жителей, и еще 25% согласны с этим утверждением частично⁵.

По данным общероссийского опроса ФОМа, опубликованным в марте 2022 г., большая часть населения относится к мигрантам из Средней Азии настороженно. Так, 40% отметили, что мигрантов в их населенном пункте много, причем среди москвичей таких оказалось 83%, а в городах с населением 1 млн и более – 70%. Недовольство присутствием мигрантов из Средней Азии испытывают 25%, в том числе в городах-миллионниках – 33%, а в Москве – 35%, 50% выступают за существенное ограничение их въезда и лишь 31% выступают против таких мер⁶.

Эмиграционный кризис весны-лета 2020 г. Первой кризисной ситуацией в сфере миграции стал «кризис выезда», возникший весной-летом 2020 г. после введения ограничений на передвижение. Россия закрыла свои границы для въезда иностранцев 18 марта, а для всех остальных категорий населения – 30 марта 2020 г. К концу марта – началу апреля границы были закрыты всеми странами СНГ, кроме Белоруссии [Рязанцев и др., 2020: 15–18].

³ Соглашение о евроассоциации Молдавии вступило в силу с 1 июля 2016 г., Украины – с 1 сентября 2017 г.

⁴ Замеры этносоциальной дистанции проводятся «Левада-центром» (признан иноагентом РФ. – Прим. ред.) по шкале Богардуса, в которой на вопрос «Насколько близко вы готовы видеть (евреев, китайцев, выходцев из Африки, Средней Азии и других этнических групп)» предлагается семь вариантов ответа: от «Готов видеть их среди членов вашей семьи» до «Не пускал бы их в Россию».

⁵ Трудовые иммигранты в России: вклад, положение, отношение // ВЦИОМ. 18.11.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie> (дата обращения: 17.07.2022).

⁶ Отношение к мигрантам из Средней Азии // ФОМ. 22.03.2022. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14701> (дата обращения: 17.07.2022).

В итоге оставшиеся в РФ мигранты, численность которых оценивалась МВД в 10–12 млн⁷, не смогли покинуть страну, что спровоцировало локальные «эмиграционные кризисы».

Черты этого кризиса проявились сразу после закрытия границ. Около 1000 граждан Таджикистана, Киргизии и Узбекистана оказались запертыми в аэропортах Москвы, Новосибирска, а также на российско-казахстанской границе. Для их вывоза властям среднеазиатских государств пришлось организовывать чартерные авиарейсы и специальные железнодорожные поезда, спрос на которые быстро превысил предложение. По словам посла Таджикистана в РФ И. Сатторова, к концу июня на чартерные авиарейсы записалось 3 тыс. оказавшихся на территории России таджикстанцев⁸.

Следующими очагами напряженности стали пограничные территории. Первые волнения вспыхнули на границе с Азербайджаном, власти которого в конце марта полностью закрыли границу для въезда в страну. Как следствие, на приграничных территориях Дагестана стали скапливаться граждане Азербайджана, которые стремились вернуться на родину. Около села Куллар Дербентского района был развернут палаточный лагерь на 360 чел., который быстро был заполнен до отказа. 18 мая 2020 г. ситуация в Дагестане обсуждалась в ходе телефонных переговоров президентов двух стран, после которых Азербайджан начал пропуск своих граждан через границу⁹.

15 июня 2020 г. около 20:30 после обнародования списка из 120 человек (в лагере находилось около 600), получивших разрешение на въезд в Азербайджан, возник стихийный митинг, который перерос в столкновения с полицией. Недовольство вызвал состав подготовленного азербайджанской стороной списка, в который не попали многие давние постояльцы лагеря. Около 400 митингующих вышли на федеральную трассу «Кавказ» и попытались ее перекрыть. Дежуривших на трассе полицейских забросали камнями. В результате пострадали 7 силовиков и были повреждены 5 служебных машин, более 90 участников беспорядков были задержаны¹⁰.

Еще более напряженной оказалась ситуация на российско-казахстанской границе. В первых числах мая из Оренбургской области были вывезены автобусами 519 граждан Киргизии, которые с 16 марта из-за закрытия границ находились в Соль-Илецке¹¹. 13 мая «Интерфакс» сообщил о прибытии в область за два дня еще около 500 мигрантов из Средней Азии¹². В мае было зафиксировано скопление около 800 узбекских мигрантов на границе с Казахстаном в Большой Черниговке и селе Подъем-Михайловка Самарской области, расположенном возле федеральной трассы «Самара – Уральск»¹³. Вскоре их начали отправлять на родину с помощью специальных автобусов через Казахстан. 6 июня на родину автобусами были эвакуированы 367 граждан Узбекистана, скопившихся у пропускного пункта «Маштаково»¹⁴.

⁷ Бойко А., Якунин И. МВД посчитало, сколько легальных мигрантов зависло в России // Комсомольская правда. 03.04.2020. URL: <https://www.kp.ru/daily/27113.7/4190319/> (дата обращения: 30.07.2022).

⁸ Сатторов: 3 тысячи человек хотят улететь из РФ в Таджикистан вывозными рейсами // Спутник Таджикистан. 29.06.2020. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20200623/posol-tadzhikistana-v-rossii-aviabilet-i-na-charteri-budut-prodavatsya-strogo-po-spisku> (дата обращения: 17.07.2022).

⁹ Путин и Алиев обсудили ситуацию со скоплением людей на границе России и Азербайджана // ТАСС. 18.05.2020. URL: <https://tass.ru/politika/8501699> (дата обращения: 18.07.2022).

¹⁰ Рыбина Ю. Вирус проходит, а бунт остается // Коммерсантъ. 16.06.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4379601> (дата обращения: 18.07.2022).

¹¹ Николаева А. Попасть домой // Интерфакс. 05.08.2020. URL: <https://www.interfax-russia.ru/volga/view/popast-domoy> (дата обращения: 18.07.2022).

¹² На границе в Оренбуржье собрались сотни жителей Узбекистана, надеющихся попасть домой // Интерфакс. 13.05.2020. URL: <https://www.interfax.ru/russia/708519> (дата обращения: 18.07.2022).

¹³ В Большой Черниговке скопились трудовые мигранты из Узбекистана // Коммерсантъ. 13.05.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4343264> (дата обращения: 18.07.2022).

¹⁴ В Самарской области на границе с Казахстаном разбили лагерь для граждан Узбекистана // ТАСС. 06.07.2020. URL: <https://tass.ru/v-strane/8892901> (дата обращения: 18.07.2022).

Однако концентрация мигрантов на приграничных территориях продолжалась. К началу июля 2020 г. на российско-казахстанской границе, по данным местной узбекской диаспоры, находилось уже около 1,9 тыс. выходцев из Узбекистана, в том числе 1139 чел. в Большечерниговском районе Самарской и еще 747 чел. в Бузулукском районе Оренбургской области¹⁵. В середине июля около 1,4 тыс. чел. были вывезены на родину тремя поездами «Узбекских железных дорог» со станции Кинель в Самарской области.

Тем не менее к началу августа в Бузулукском районе Оренбургской и Большечерниговском районе Самарской области находились около 3 тыс. выходцев из Киргизии и 500 чел. из Узбекистана, для которых были разбиты три палаточных лагеря¹⁶. Причиной скопления людей стали ложные слухи о об открытии казахстанской границы, распространяемые в соцсетях. 3 августа 2020 г. в Самарской области произошло столкновение мигрантов с силовиками, в ходе которого они попытались прорваться к границе¹⁷. В итоге усилия по вывозу мигрантов были активизированы: 4–5 августа границу с Россией пересекли 2435 граждан Киргизии и 2,2 тыс. граждан Узбекистана¹⁸.

Таким образом, «эмиграционный кризис» («кризис выезда») в России наблюдался примерно в течение полугода после закрытия границ странами СНГ и проявлялся в виде скопления людей в районах пограничных пунктов пропуска, массовых акций протеста и столкновений мигрантов с силовиками. В пространственно-временном отношении он представлял собой группу локальных кризисов, в которые были вовлечены приграничные регионы России (Дагестан, Самарская и Оренбургская области), транзитные (Казахстан) и отправляющие страны (Азербайджан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан). Затухание этого кризиса было связано с ослаблением ограничений, развернувшим миграционные потоки в направлении РФ.

Экономические протесты. К лету 2020 г. начались протесты мигрантов, связанные с задержками оплаты их труда. Экономический кризис, начавшийся после введения карантина, затронул мигрантов гораздо сильнее, чем коренное население. По данным проведенного в апреле-мае 2020 г. опроса РАНХиГС, мигранты вдвое чаще местного населения теряли в кризис работу (40% и 23%). Доля потерявших в кризис все источники дохода среди них составляла 51%, тогда как у местного населения – 27% [Варшавер, 2020: 41–43]. По итогам онлайн-опроса ВШЭ после введения самоизоляции среди коренного населения работу потеряли 10%, а среди мигрантов – до трети [Денисенко, Мукомель 2020а; 2020б].

К июлю по стране прокатилась серия массовых протестов мигрантов. Наиболее крупными из них стали беспорядки на стройплощадке Амурского газоперерабатывающего завода. 13 июля 2020 г. около 300 узбекских мигрантов устроили митинг, переросший в погромы офиса подрядчика, местного магазина и салонов сотовой связи. 11 самых активных участников беспорядков были арестованы¹⁹. По данным прокуратуры, беспорядки были вызваны удержанием из зарплаты подрядчиком ООО «Ренессанс Хэви Индастриз»

¹⁵ На границе РФ и Казахстана скопилось почти 2 тысячи узбекистанцев // Sputnik Таджикистан. 06.07.2020. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20200706/Na-granitse-RF-Kazakhstan-skopilos-pochti-2-tysyachi-uzbekistantsev-1031524511.html> (дата обращения: 18.07.2022).

¹⁶ Граждане Киргизии и Узбекистана смогут покинуть Россию 6 августа // РИА «Новости». 04.08.2020. URL: <https://ria.ru/20200804/1575374213.html> (дата обращения: 18.07.2022).

¹⁷ Николаева А. Попасть домой // Интерфакс. 05.08.2020. URL: <https://www.interfax-russia.ru/volga/view/popast-domoy> (дата обращения: 18.07.2022).

¹⁸ Казахстан пропустил через границу тысячи мигрантов из Кыргызстана и Узбекистана за 2 дня // Sputnik Казахстан. 05.08.2020. URL: <https://ru.sputnik.kz/20200805/Kazakhstan-propustil-cherez-granitsu-tysyachi-migrantov-iz-Kyrgyzstana-i-Uzbekistana-za-2-dnya-14637969.html> (дата обращения: 18.07.2022).

¹⁹ В Амурской области задержаны наиболее активные участники массовых беспорядков, возникших на строительной площадке Амурского газоперерабатывающего комплекса // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Амурской области. 20.07.2020. URL: <https://amur.sledcom.ru/news/item/1483270/> (дата обращения: 19.07.2022).

стоимости патентов (5924 руб./мес.) за два месяца²⁰. По версии же СМИ причиной бунта стала трехмесячная задержка зарплаты²¹.

17 июля 2020 г. на массовый митинг вышло до 500 мигрантов из Средней Азии, действовавших на стройке «Лахта-центра» в С.-Петербурге. В отличие от Амурского ГПЗ, в массовые беспорядки и погромы этот митинг не перерос. В пресс-службе компании-подрядчика «Ренессанс Констракшн» проблемы с выплатой зарплаты отрицали, заявив, что рабочие на митинге требовали дополнительных выплат и 13-й зарплаты. Сами же мигранты заявляли именно о задержках с выплатой зарплаты²². Пресс-служба «Ренессанс Констракшн» назвала эти события забастовкой, которая завершилась после удовлетворения «некоторых требований» собравшихся²³.

Одновременно 17 июля 2020 г. состоялась забастовка около 100 среднеазиатских мигрантов, работавших на ремонте взлетно-посадочной полосы № 1 в аэропорту «Шереметьево». На этот раз причиной митинга стали требования рабочих выплатить им «обещанные сверхурочные». В серьезные беспорядки митинг не перерос, но несколько его участников были задержаны силовиками²⁴. Примечательно, что во всех трех случаях «экономических» протестов подрядчиками выступали компании турецкого холдинга «Ренессанс», которые со своей стороны задержку оплаты труда отрицали.

Обострение миграционной ситуации в июле 2020 г. отметило и МВД, по данным которого беспорядки с участием мигрантов наблюдались в столичном регионе, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Мурманской и Амурской областях²⁵. Локализация их выступлений оказалась отнюдь не случайной и была напрямую связана с концентрацией мигрантов в том или ином регионе.

Конфликты с местным населением. В 2021 – начале 2022 г. стали все чаще происходить конфликты мигрантов с местным населением. Их причинами стало ослабление контроля над миграционными потоками со стороны властей, вызванное прекращением в период эпидемии задержаний и депортаций на родину, отсутствием необходимости оформлять разрешительные документы, а также ростом спроса на труд мигрантов со стороны работодателей, что привело к заметному росту их зарплат. Все это позволяло мигрантам чувствовать себя гораздо свободнее, чем ранее, ослабляя страх перед силовыми структурами.

В столичном регионе ситуация начала выходить из-под контроля к осени 2021 г., когда объемы иммиграции из Средней Азии восстановились. В ночь с 13 на 14 сентября 2021 г. произошли массовые антимигрантские выступления в селе Бужаниново Сергиево-Посадского района Московской области, вызванные криминальным инцидентом с участием двух выходцев из Таджикистана. Число участников митинга, по данным СМИ,

²⁰ Зорина М. Конфликт рабочих Амурского ГПЗ с работодателем был вызван списанием расходов на патенты // Коммерсантъ. 14.07.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4416384> (дата обращения: 19.07.2022).

²¹ Взбунтовавшихся рабочих Амурского ГПЗ успокоил ОМОН: проблемы с зарплатой // EADaily. 13.07.2020. URL: <https://easily.com/ru/news/2020/07/13/vzbuntovavshihsya-rabochih-amurskogo-gpz-uspokoil-omon-problemy-s-zarplatoy> (дата обращения: 19.07.2022).

²² У «Лахта Центра» прошёл стихийный митинг – рабочие требовали денег // 47news. 17.07.2020. URL: <https://47news.ru/articles/177757> (дата обращения: 19.07.2022).

²³ Рабочие «Лахта Центра» в Петербурге завершили забастовку // РИА «Новости». 17.07.2020. URL: <https://realty.ria.ru/20200717/1574505870.html?in=t> (дата обращения: 19.07.2022).

²⁴ «Шереметьево» назвало забастовку на стройплощадке полосы «внутренним делом» подрядчика // Интерфакс. 17.07.2020. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/717838> (дата обращения: 19.07.2022).

²⁵ МВД России прокомментировало случаи нарушения общественного порядка иностранными гражданами // МВД Медиа. 23.07.2020. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/ofitsialnaya-informatsiya/> (дата обращения: 19.07.2022).

достигало 1000 человек²⁶, однако в массовые беспорядки он не перерос. 14 сентября власти Московской области распорядились закрыть общежитие, где проживали работавшие на местном предприятии мигранты из Средней Азии²⁷.

В октябре 8,5 тыс. жителей Сосенского поселения Новой Москвы направили президенту России жалобу в связи с криминогенной обстановкой, вызванной чрезмерным количеством мигрантов. В письме отмечалось, что на февраль 2021 г. в поселении было зарегистрировано 147 тыс. жителей, из которых около 66 тыс. (около 45%) составляли иностранцы²⁸. Накануне в СМИ появились сообщения о создании местными жителями отрядов самообороны для защиты женщин от мигрантов²⁹. После этого полиция начала массовые проверки для выявления нелегальных мигрантов.

В 2021 – начале 2022 г. крайне напряженная миграционная ситуация сложилась в Калужской области, особенно в ее граничащих со столичным регионом северных районах. Лидером по миграционной напряженности стал наукоград Обнинск, расположенный неподалеку от Новой Москвы. По сообщениям СМИ, на протяжении 2021 г. в городе происходили массовые драки с участием мигрантов, возникали конфликтные ситуации с их детьми в школах. По данным областного УВД, с января по август 2021 г. мигрантами на территории Калужской области было совершено 438 преступлений, что на 23,7% больше показателей аналогичного уровня прошлого года³⁰.

11 февраля 2022 г. губернатор Калужской области Владислав Шапша принял решение о введении запрета на привлечение иностранцев по патентам для работы в сфере торговли, пассажирских перевозок, общепита и кадровых агентствах. Кроме того, губернатор заявил о выходе области из программы переселения соотечественников, по которой с 2007 г. в нее переехало более 90 тыс. чел. Причиной стало неблагоприятное для региона изменение этнического состава переселенцев. Если в первые годы доля славян среди них превышала 80%, то к 2022 г. снизилась до 17%, а большинство переселенцев стали составлять выходцы из Средней Азии и Закавказья³¹.

Рост напряженности миграционной ситуации был напрямую связан с увеличением притока мигрантов в наиболее привлекательные для них регионы. Расчет коэффициента миграционной нагрузки на основе данных МВД показывает (рис. 3), что почти все регионы с 200 и более регистраций иностранцев на 1000 местного населения лидируют по напряженности ситуации. На первом месте по этому показателю оказалась Амурская область (312), за которой идет Москва (275), Магаданская область (242), Петербург и Ленинградская область (213), Московская (204) и Калужская (200) области³².

Обострение миграционной ситуации напрямую связано с превышением количественного порога, определяемого соотношением иммигрантов и местного населения. По

²⁶ Дорощев Р., Литвиненко Ю. После схода из-за убийства пенсионерки власти пообещали жителям Бужаниново встречу с работодателями мигрантов // Коммерсантъ. 14.09.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4985977> (дата обращения: 20.07.2022).

²⁷ См.: Срочно сход после убийства в Бужаниново // VK Видео. 13.09.2021. URL: https://vk.com/video/@trofimoffonline?z=video23550172_456243378%2Fpl_23550172_-2 (дата обращения: 20.07.2022). В социальных сетях местные жители жаловались на чрезмерное присутствие мигрантов из Средней Азии в селе и вызывающее по отношению к коренному населению поведение.

²⁸ Боярский А. «Мигранты не боятся полиции»: как жители Новой Москвы обратились к президенту за защитой от гастарбайтеров // RT. 29.10.2021. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/922483-zhiteli-novaya-moskva-gastarbaitery> (дата обращения: 21.07.2022).

²⁹ Вальман А. Жители Новой Москвы создали группы самообороны из-за страха перед мигрантами // Мослента. 25.10.2021. URL: <https://moslenta.ru/news/zhiteli-novoi-moskvy-sozdali-gruppy-samooborony-iz-za-strakha-pered-migrantami-25-10-2021.htm> (дата обращения: 21.07.2022).

³⁰ В Калужской области в 2021 году мигранты совершили 438 преступлений // REGNUM. 24.09.2022. URL: <https://regnum.ru/news/society/3380306.html> (дата обращения: 20.07.2022).

³¹ Рожкова Е., Прах А. Калужская область взялась за чужих // Коммерсантъ. 12.02.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5215478> (дата обращения: 20.07.2022).

³² Присутствие в этом списке Магаданской области, по-видимому, во многом связано с низкой численностью ее населения, которое в среднем за 2021 г. составляет всего 138,4 тыс. чел.

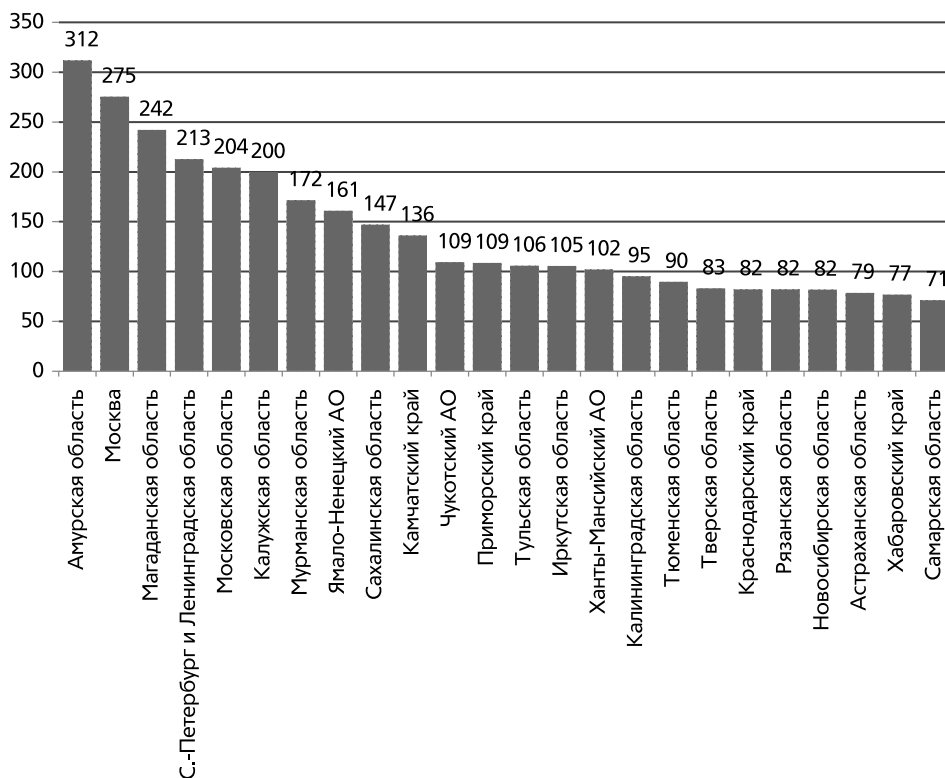

Рис. 3. Количество регистраций иностранных граждан на 1000 постоянного населения, 2021 г.

Примечание. Коэффициент рассчитан путем деления количества регистраций иностранцев в регионе за 2021 г. по месту жительства и пребывания на среднюю численность постоянно населения региона в расчете на 1000 чел.

словам А.Г. Вишневского, «по-видимому, существует некоторый критический порог, перейдя который, принимающие общества действительно оказываются не в состоянии обеспечить всестороннюю интеграцию мигрантов» [Миграция..., 2000: 80]. В качестве такого порога можно рассматриваться ситуацию, когда доля мигрантов достигает 20% и более от численности местного населения. В пяти из шести регионов, где число зарегистрированных мигрантов превысило этот уровень, в период эпидемии COVID-19 наблюдались явные черты миграционного кризиса, включая массовые беспорядки, акции протеста, конфликты между отдельными группами мигрантов и с местным населением. Особенно острой ситуация оказалась в столичных регионах, лидирующих по числу мигрантов.

Те субъекты, где на 1000 местного населения приходилось от 100 до 200 иностранцев, находились, видимо, в преддверии миграционного кризиса, так как число мигрантов пока не достигло критического уровня. Хотя очаги конфликтов между мигрантами и местным населением в 2021 г. фиксировались также в Крыму, Хакасии, Краснодарском и Ставропольском краях, Воронежской и Свердловской областях³³. Более того, в наиболее привлекательных для трудовой иммиграции субъектах, таких как Ханты-Мансийский

³³ В России участились случаи массового нарушения общественного порядка мигрантами // ТАСС. 26.04.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14476421> (дата обращения: 02.08.2022).

и Ямало-Ненецкий округа, положение с мигрантами было достаточно напряженным уже в «нулевые» годы³⁴.

О нарастании проблем, связанных с иммиграцией из стран СНГ, свидетельствует и криминальная статистика. По данным МВД за 2021 г., общее число зарегистрированных в стране преступлений оказалось на 1,9% меньше, чем за тот же период предыдущего года³⁵. При этом количество преступлений, совершенных мигрантами, выросло по сравнению с 2020 г. на 5,9%³⁶. В 2022 г. ситуация с иностранной преступностью лишь ухудшилась. За январь–ноябрь общее число преступлений сократилось на 1,6%, в том числе тяжких и особо тяжких на 4,6%. В то же время число преступлений, совершенных за 11 месяцев мигрантами, по данным Следственного комитета, выросло на 10%, в том числе тяжких и особо тяжких – на треть³⁷.

Заключение. «Коронавирусный» миграционный кризис в России возник вследствие быстрого увеличения объемов иммиграции из Средней Азии на протяжении предшествующего периода, а также закрытия границ и сложного экономического положения, в котором оказались мигранты. По оценке Евростата, приток мигрантов в страны ЕС за 2015 г., ставший пиком миграционного кризиса, составил 1,8 млн чел.³⁸ Между тем с 2016 по 2019 г. число регистраций выходцев из стран Средней Азии в России увеличилось на 2,8 млн, а в 2021 г. по сравнению с 2020 г. – на 3,1 млн. Из каждых десяти поставленных в 2021 г. на учет иностранцев семь являлись выходцами из Средней Азии и только один – из западных стран СНГ.

В условиях «коронавирусных» ограничений высокая численность, этнокультурная дистанция с местным населением и сложное экономическое положение сделали выходцев из Средней Азии наиболее конфликтной группой мигрантов. Показательно, что массовых беспорядков и конфликтов с участием мигрантов из Закавказья было на порядок меньше, а из европейских стран СНГ – вообще не зафиксировано. О влиянии на кризис количественных параметров иммиграции свидетельствует локализация конфликтов с участием мигрантов в регионах их наибольшей концентрации. По той же причине миграционный кризис носил локальный характер и наблюдался прежде всего в наиболее притягательных для мигрантов субъектах РФ.

Значение этнокультурной дистанции между иммигрантами и местным населением подчеркивает последняя волна миграции с Украины. По данным ТАСС, с февраля по декабрь 2022 г. в РФ прибыли более 5 млн украинских беженцев³⁹. Более скромные цифры со ссылкой на немецкий статистический агрегатор Statista приводит РИА «Новости», по данным которого на 3 октября 2022 г. в РФ было зарегистрировано почти 2,9 млн беженцев с Украины⁴⁰. Но, несмотря на столь массовый и скоротечный приток украинских беженцев, конфликтов с их участием не зафиксировано.

³⁴ Малашенко А., Старостин А. Ислам на современном Урале. Апрель 2015. // Московский центр Карнеги. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Malashenko_Ural_web_Rus1.pdf (дата обращения: 22.07.2022).

³⁵ Состояние преступности в Российской Федерации. За январь–декабрь 2021 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 14.01.2022).

³⁶ В России в 2021 году выросло число преступлений, совершенных мигрантами // ТАСС. 18.01.2022. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/13459835> (дата обращения: 14.01.2022).

³⁷ Число совершенных мигрантами преступлений выросло на 10% в 2022 году // Известия. 26.12.2022. URL: <https://iz.ru/1446452/2022-12-26/chislo-sovershennykh-migrantami-prestuplenii-vyroslo-na-10-v-2022-godu> (дата обращения: 14.01.2022).

³⁸ Population change – Demographic balance and crude rates at national level. Net migration plus statistical adjustment // Eurostat. 11.07.2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/demo_gind/default/table?lang=en (дата обращения: 23.07.2022).

³⁹ Свыше 5 млн беженцев прибыли в Россию с территории Украины и Донбасса с февраля // ТАСС. 19.12.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16627517> (дата обращения: 13.01.2022).

⁴⁰ В Россию мигрировало самое большое число украинцев с начала конфликта // РИА «Новости». 22.12.2022. URL: <https://ria.ru/20221222/migranty-1840574266.html> (дата обращения: 13.01.2022).

Возникшая в России на протяжении 2020 – начала 2022 г. ситуация позволяет уточнить ряд теоретических аспектов миграционного кризиса. Его сложившееся понимание связано с массовым и скоротечным прибытием мигрантов на ту или иную территорию («иммиграционный кризис»). Наряду с этим можно выделить такое явление, как «эмиграционный кризис», вызванный невозможностью покинуть ту или иную территорию из-за закрытия границ или других чрезвычайных обстоятельств. Похожая ситуация в период европейского миграционного кризиса 2015 г. образовалась в ряде транзитных стран (Греция, Италия, восточноевропейские государства), куда массово прибывали мигранты из стран Африки и Ближнего Востока.

В формировании «иммиграционного кризиса» значимую роль может сыграть не только прибытие больших масс мигрантов, но и резкое ухудшение экономического положения тех из них, которые уже находятся в стране. Вероятность его возникновения повышает наличие существенных этнокультурных различий мигрантов с местным населением, а также их территориальная концентрация, создающая локальный демографический «перевес». Критическим порогом, ведущим к возникновению кризиса, является достижение мигрантами от 1/10 до 1/5 от численности местного населения, а их натурализация в краткосрочной перспективе отнюдь не ведет к стиранию этнокультурных различий и снижению вероятности конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдашкин А.А. Среднеазиатские и китайские мигранты в ракурсе общественного мнения: уральские и сибирские кейсы // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 47–58.
- Аршин К.В. Риски кризисной миграции из стран Центральной Азии в Россию // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т.11. № 1. С. 58–65.
- Баршавер Е., Иванова Е., Рочева А. Положение мигрантов в России во время пандемии коронавируса (COVID-19): результаты опроса // Группа исследований миграции и этничности. URL: http://merc-center.ru/_id/1/169_06-07-2020-vars.pdf (дата обращения: 19.07.2022).
- Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е., Максимова С.Г. Миграционные процессы: угроза или условие демографической безопасности Алтайского края? (экспертная оценка риска демографического кризиса в регионе) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2. Т. 2. С. 226–229.
- Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Коронавирус и трудовая миграция // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 26.06.2020а. № 7. URL: https://www.hse.ru/data/2020/06/25/1607268420/HSE_Covid_07_2020_2_2.pdf (дата обращения: 19.07.2022).
- Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020б. Т. 7. № 3. С. 84–107. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11637.
- Космарская Н.П. «Коррупция», «толпы» и «лезгинка»: региональная специфика отношения россиян к мигрантам (на примере Москвы и Краснодара) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 2. С. 187–213.
- Куликова С.Н. Миграционные процессы в России в условиях кризиса (реферативный обзор) // Экономические и социальные проблемы России. 2010. № 1. С. 141–157.
- Миграция и безопасность в России. М.: Интердиалект+, 2000.
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Экономическое развитие России. Т. 28. № 1. Январь 2021 г. С. 50–54.
- Мукомель В.И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда: до пандемии // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 63–75.
- Новожилова С.С. Предпосылки развития миграционного кризиса в России // Проблемы экономики, организации и управления в России и мире. Материалы XII международной научно-практической конференции (7 октября 2016 года). Прага, 2016. С. 105–106.
- Общественное мнение – 2021. М.: Левада-Центр, 2022.
- Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Молодикова И.Н. Риски международной миграции и политика интеграции в азиатском приграничье России (по данным социологического исследования в Алтайском крае) // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. № 3. С. 53–77.

- Рязанцев С.В., Молодикова И.Н., Брагин А.Д. Влияние пандемии COVID-19 на положение мигрантов на рынках труда СНГ // Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 4. С. 10–38. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-4-2.
- Рязанцев С.В. Миграционный кризис: понятие и критерии // Демис. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 1. С. 7–16. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.1.
- Banulescu-Bogdan N., Fratzke S. Europe's Migration Crisis in Context: Why Now and What Next // Migration Policy Institute. 24.09.2015. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/europe's-migration-crisis-context-why-now-and-what-next> (дата обращения: 23.07.2022).
- Buonanno L. The European Migration Crisis // Dinan, N. Nugent, W.E. Patterson (eds). *The European Union in Crisis* London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 100–130.
- Estevens J. Migration crisis in the EU: developing a framework for analysis of national security and defence strategies // Comparative Migration Studies. 2018. № 28. URL: <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0093-3> (дата обращения: 23.07.2022).
- Nirenstein F. The Immigration Crisis in Europe // The Migration Wave into Europe. An Existential Dilemma. Jerusalem Center for Public Affairs. 2019. URL: https://jcpa.org/pdf/Fiamma_migration_31mar2019_web_covers.pdf (дата обращения: 23.07.2022).

Статья поступила: 25.10.22. Финальная версия: 13.02.23. Принята к публикации: 16.03.23.

CONTOURS OF THE MIGRATION CRISIS OF 2020–2022 IN RUSSIA

SHUSTOV A.V.

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Russia

Alexander V. SHUSTOV, Cand. Sci. (Hist.), Associate Prof. of the Department of Sociology P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia (a.v.shustov@yandex.ru).

Abstract. The migration situation in Russia during the COVID-19 pandemic has a number of signs of a migration crisis. The understanding of this phenomenon, which has developed under the influence of the migration crisis of 2014–2015 in the EU countries, is usually associated with the influx of large masses of migrants to a limited territory for a short period of time. In Russia, the crisis phenomena in the migration sphere during 2020 – early 2022 were caused by the closure of borders and the difficult socio-economic situation in which labor migrants from Asian CIS countries who were in the Russian Federation found themselves. However, the prerequisites for this crisis were formed during at least the second half of the 2010s. In many ways, they were associated with a noticeable increase in the volume and change in the ethnic structure of migration flows in favor of immigrants from Central Asian countries. At the same time, there was a decrease in the number of labor migrants from the European CIS countries – Ukraine and Moldova, who received the opportunity to work legally in the EU countries after signing Euroassociation agreements in the mid-2010s.

Due to the vast territory of Russia and the unevenness of its economic development, the features of the migration crisis were mainly local in nature and were most clearly manifested in the most attractive regions for migrants – Moscow, St. Petersburg and adjacent areas. Its manifestations were mass protests, riots and conflicts involving migrants, as well as a noticeable aggravation of their relations with employers, authorities and the local population.

Keywords: migration, immigration, migrants, Central Asia, CIS, pandemic, COVID-19, migration crisis, refugee crisis, emigration crisis.

REFERENCES

- Avdoshkin A.A. (2022) Central Asian and Chinese migrants in the perspective of public opinion: Ural and Siberian cases *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 47–58. (In Russ.)
- Arshin K.V. (2021) Risks of crisis migration from Central Asian countries to Russia. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University]. T.11. No.1: 58–65. (In Russ.)
- Banulescu-Bogdan N., Fratzke S. (2015) Europe's Migration Crisis in Context: Why Now and What Next In: *Migration Policy Institute*. 24.09.2015. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/europe's-migration-crisis-context-why-now-and-what-next> (accessed 23.07.22).
- Buonanno L. (2017) The European Migration Crisis. In: Dinan, N. Nugent, W.E. Patterson (eds). *The European Union in Crisis* London: Palgrave Macmillan, 2017: 100–130.

- Denisenko M.B., Mukomel V.I. (2020a) Coronavirus and labor migration. In: *HSE Analytical Bulletin on the economic and social consequences of coronavirus in Russia and in the world*. 26.06.2020. № 7. URL: https://www.hse.ru/data/2020/06/25/1607268420/HSE_Covid_07_2020_2_2.pdf (accessed 19.07.22). (In Russ.)
- Denisenko M.B., Mukomel V.I. (2020b) Labor migration in Russia during the coronavirus pandemic. *Demograficheskoye obozreniye* [Demographic review]. Vol. 7. No. 3: 84–107. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11637. (In Russ.)
- Goncharova N.P., Noyanzina O.E., Maksimova S.G. (2013) Migration processes: threat or condition of demographic security of the Altai Territory? (expert assessment of the risk of demographic crisis in the region). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of the Altai State University]. No. 2. Vol. 2: 226–229. (In Russ.)
- Estevens J. (2018) Migration crisis in the EU: developing a framework for analysis of national security and defence strategies. *Comparative Migration Studies*. No. 28. DOI: 10.1186/s40878-018-0093-3.
- Kosmarskaya N.P. (2018) "Corruption", "crowds" and "Lezginka": regional specifics of the attitude of Russians to migrants (on the example of Moscow and Krasnodar). *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 21. No. 2: 187–213. (In Russ.)
- Kulikova S.N. (2010) Migration processes in Russia in the conditions of crisis (abstract review) / *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye problemy Rossii* [Economic and social problems of Russia]. No. 1: 141–157. (In Russ.)
- Migration and security in Russia. (2000) Moscow: Interdialect+. (In Russ.)
- Mkrtchyan N.V., Florinskaya Yu. F. (2021) Migration to Russia: the lowest level in a decade. *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii* [Economic Development of Russia]. Vol. 28. No. 1. January 2021: 50–54. (In Russ.)
- Mukomel V.I. (2022) Central Asian migrants on the Russian labor market: before the pandemic *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 63–75. (In Russ.)
- Novozhilova S.S. (2016) Prerequisites for the development of the migration crisis in Russia In: *Problems of economics, organization and management in Russia and the world*. Materials of the XII International Scientific and Practical Conference (October 7, 2016). Prague: 105–106. (In Russ.)
- Nirenstein F. (2019) The Immigration Crisis in Europe. In: *The Migration Wave into Europe. An Existential Dilemma*. Jerusalem Center for Public Affairs. 2019. URL: https://jcpa.org/pdf/Fiamma_migration_31mar2019_web_covers.pdf (accessed 23.07.22).
- Omelchenko D.A., Maksimova S.G., Molodikova I.N. (2018) Risks of international migration and integration policy in the Asian border region of Russia (according to a sociological study in the Altai Territory). *Society and Security Insights* [Society and Security Insights]. Vol. 1. No. 3: 53–77. (In Russ.)
- Public Opinion – 2021. (2022) Moscow: Levada Center. (In Russ.)
- Ryazantsev S.V. (2021) Migration crisis: concept and criteria. *Demis. Demograficheskiye issledovaniya* [Demis. Demographic Studies]. Vol. 1. No. 1: 7–16. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.1. (In Russ.)
- Ryazantsev S.V., Molodikova I.N., Bragin A.D. (2020). The impact of the COVID-19 pandemic on the situation of migrants in the CIS labor markets. *Baltiyskiy region* [Baltic Region]. Vol. 12. No. 4: 10–38. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-4-2. (In Russ.)
- Varshaver E., Ivanova E., Rocheva A. (2020) The situation of migrants in Russia during the coronavirus pandemic (COVID-19): survey results In: *Migration and Ethnicity Research Group*. URL: http://mer-center.ru/_id/1/169_06-07-2020-vars.pdf (accessed 19.07.22). (In Russ.)

Received: 25.10.22. Final version: 13.02.23. Accepted: 16.03.23.

Г.И. ОСАДЧАЯ

МИГРАНТЫ ИЗ УЗБЕКИСТАНА В МОСКОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ: ОЦЕНКА МИГРАЦИОННОГО ОПЫТА

ОСАДЧАЯ Галина Ивановна – доктор социологических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (osadchaya111@gmail.com).

Аннотация. В статье дается оценка особенностей и детерминант миграционного опыта граждан Узбекистана, работающих, обучающихся и проживающих в Москве и Московской области России. Для анкетного опроса методом снежного кома были отобраны мигранты в региональных мигрантских (этнических), наиболее крупных онлайн-сообществах по таким параметрам, как гражданство (Узбекистан); время приезда в Россию (после 2015 г.); регион проживания (Москва и Московская обл.); возраст (18–40 лет). Аналитическая конструкция миграционного опыта в нашем случае включает в себя субъективные репрезентации ситуаций и событий, сложившихся представлений респондентов о повседневной жизни в Московской агломерации, а также поведенческие аспекты, связанные с установкой на возвратную миграцию, поддержкой/неподдержкой процессов евразийской интеграции, готовностью взаимодействовать с принимающим социумом. Предложенный набор показателей сфокусирован на индивидуальных впечатлениях респондента о принимающей стране и межгрупповых взаимоотношениях.

Ключевые слова: миграция • мигранты • миграционный опыт • интеграция

DOI: 10.31857/S013216250019752-0

Постановка проблемы. Республика Узбекистан является наблюдателем в ЕАЭС, подала заявку на членство в Евразийском банке развития, ведет подготовительную работу по вступлению в ЕАЭС¹. Наиболее перспективными потенциальными эффектами экономической интеграции при вступлении республики в ЕАЭС станут преференции для граждан республики, работающих в странах-членах Союза [Узбекистан, 2021: 54].

После временного сокращения в 2020 г. числа мигрантов из Узбекистана из-за пандемии за январь – декабрь 2021 г. на миграционный учет было поставлено 4961 301 ИГ и ЛБГ из Узбекистана, в том числе для учебы 76049 человек². Таким образом, можно констатировать, что объемы миграции из Узбекистана восстановились.

По официальным данным узбекской стороны, в 2021 г. 100,1 тыс. граждан республики были трудоустроены в РФ за счет оргнабора (рост почти в 10 раз по сравнению с 2018 г.)³. С осени 2021 г. между Россией и Узбекистаном действует пилотная программа по ввозу 10 тыс. работников на стройки России (примерно половина из них отправится

¹ Пленарная сессия «Ключевые инвестиционные проекты – системные драйверы экономического роста в ЕАЭС». URL: https://www.youtube.com/watch?v=XastQD7j_YQ (дата обращения: 14.03.2022).

² Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 г. URL: <https://мвд.пф/dejatel'nost/statistics/migracionnaya/item/28104344/> (дата обращения: 09.08.2022).

³ Сколько узбекистанцев работали в России в прошлом году – статистика. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20220222/skolko-uzbekistantsev-rabotali-v-rossii-v-proshlom-godu-statistika-22916395.html> (дата обращения: 14.06.2022).

на космодром Восточный) и 1 108 человек – в аграрный сектор⁴. Минтруд расширяет в 2022 г. пилотный проект по ввозу рабочей силы из Узбекистана⁵.

По состоянию на 01.01.2022 в Российской Федерации осуществляли трудовую деятельность 1 036 305 граждан Республики Узбекистан, т.е. 67,3% от общего числа узбекистанцев, находящихся на заработках за рубежом⁶. Сегодня, несмотря на санкции Запада, трудовые мигранты не уезжают из России⁷, прогнозируется даже рост их количества, прежде всего, в Московской агломерации, обладающей крупным и развивающимся рынком труда, относительно высоким качеством жизни, доходами, возможностью самореализации мигрантов с высшим образованием. При этом выезд мигрантов из Узбекистана и их возвращение на родину будут иметь «не одностороннюю линейную логику», а «разнообразный набор паттернов поведения, имеющих как обратно-линейный, так и циклический (с разной продолжительностью) характер» [Абашин, 2017: 8]. Эта перспектива актуализирует изучение миграционных процессов и оценку миграционного опыта мигрантов из Узбекистана в Москву.

О разработанности темы можно судить по исследованиям конкретных сторон жизни узбекских мигрантов в России, и в Москве в частности: расселение, формирование эмигрантской инфраструктуры, адаптация, особенности пребывания на примере конкретного региона, транснациональные практики легальных трудовых мигрантов, факторы формирования трудового потока в России в начале XXI в. [Базылева, 2018; Степанов, 2019; Ващук, 2020]. Однако следует констатировать недостаточную изученность феномена «миграционный опыт граждан Узбекистана». Цель статьи – выявить особенности и детерминанты миграционного опыта граждан Узбекистана, работающих, обучающихся и проживающих в Москве и Московской области России.

Методология и методика. В нашем исследовании понятие «миграционный опыт личности» лежит на пересечении таких категорий, как «жизненный опыт» и «миграция», и выступает базисной дефиницией статьи. Миграционный опыт формируется с момента, когда человек принимает решение сменить место жительства, вплоть до возвращения в страну исхода. Мы понимаем его как совокупность отложившихся впечатлений, сформировавшихся убеждений личности о принимающей стране в период эмиграции, которые влияют на его поведение, в том числе и будущее. Миграционный опыт позволяет индивиду ориентироваться в системе социальных взаимоотношений, связей и взаимодействий в принимающем обществе, принимать решение о продолжении эмиграции или ее завершении, эффективно адаптироваться. Именно таким опытом детерминируются как актуальная, так и потенциальная активность субъекта.

Аналитическая конструкция миграционного опыта в нашем исследовании включает в себя субъективные репрезентации ситуаций, событий, сложившихся представлений респондентов о работе, жилищных условиях, об отдыхе, возможностях реализации своих потребностей, оценке личного материального положения, об отношениях с населением, трудностях обустройства и жизни в Московской агломерации, а также поведенческих

⁴ Постановление Правительства РФ от 6 октября 2021 г. № 1694 «О реализации пилотного проекта по привлечению граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности у российских юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность в сфере строительства, и о внесении изменения в распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2020 г.» № 635-п. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402793843/> (дата обращения: 25.08.2022).

⁵ Правительство утвердило пилотный проект по привлечению 10 тыс. мигрантов из Узбекистана. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5367769?from=top_main_1 (дата обращения: 25.08.2022).

⁶ Аналитическая информация о проделанной работе по поддержке и защите прав трудовых мигрантов, возвращающихся из внешней трудовой миграции (По данным Агентства внешней трудовой миграции на 01.01.2022 г.). URL: <https://mineconomy.uz/ru/news/view/4325> (дата обращения: 25.08.2022).

⁷ Трудовые мигранты не уедут из России, несмотря на санкции Запада. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20220329/trudovye-migranty-ne-uedut-iz-rossii-nesmotrya-na-sanktsii-zapada-23635226.html> (дата обращения: 14.06.2022).

аспектов, связанных с установкой на возвратную миграцию, поддержку/неподдержку процессов евразийской интеграции, с готовностью взаимодействовать с принимающим социумом, установкой на адаптацию. Предложенная система показателей основана на индивидуальном уровне впечатлений, убеждений мигранта о принимающей стране, фокусируется на индивидуальных оценках и межгрупповых взаимоотношениях.

Анализ миграционного опыта граждан Узбекистана в Московской агломерации опирается на анкетный опрос 231 респондента⁸. Исследование ИДИ ФНИСЦ РАН (руководитель проекта Г.И. Осадчая) проведено в декабре 2021 г. – марте 2022 г. Информанты отбирались методом «снежного кома» по следующим признакам: гражданство (Узбекистан); время приезда в Россию (после 2015 г.); регион проживания (Москва и Московская область); возраст (18–40 лет). Интервью в основном проводились непосредственно в местах доступности респондентов (рестораны общественного питания, стройки, курьерская доставка и т.д.); в дополнение анкеты находили респондентов в онлайн-сообществах, в социальных сетях, договаривались с ними об опросе посредством видеосвязи по ZOOM или Skype. Сбор, обработка и контроль информации осуществлялся в режиме реального времени за счет формирования базы ответов в системе SurveyMonkey.

Результаты исследования. Анализ миграционного опыта граждан Узбекистана, связанного с принимающей страной, целесообразно начать с субъективных характеристик положения респондентов на московском рынке труда, поскольку, по их оценкам, сама миграция обусловлена экономическими причинами: низкими зарплатами (34,1%), отсутствием работы (27,4%) и жизненных перспектив (16,1%) на родине. По данным опроса, показатели удовлетворенности трудовой деятельностью, раскрытия творческого потенциала как основы позитивного миграционного опыта относительно благополучны: 8 из 10 опрошенных в целом удовлетворены своей работой (83,5%), 81,0% считают, что она соответствует их способностям и возможностям, 79,6% – что она хорошо оплачивается (рис. 1).

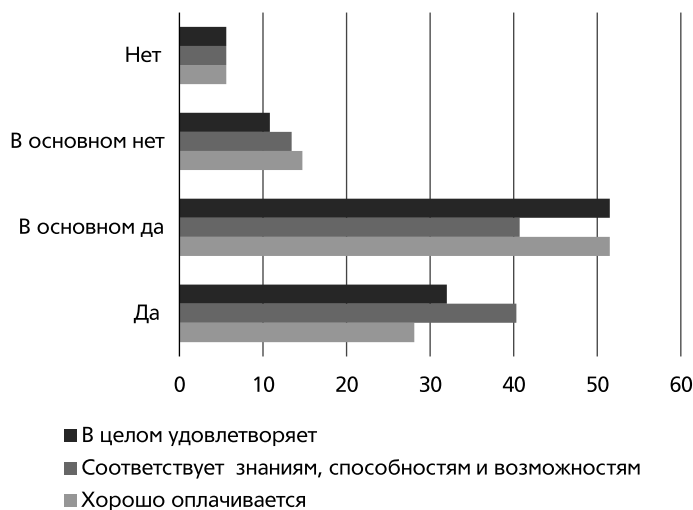

Рис. 1. Мнение респондентов об удовлетворенности работой, в %

⁸ Мужчины – 71,1%, женщины – 28,9%; возраст опрошенных: от 18 лет до 21 года – 16,2%, 22–25 лет – 26,8%, 26–30 лет – 20,4%, 31–35 лет – 23,2%, 36–40 лет – 13,4%; образование: начальная школа – 0,7%, неполное среднее – 4,2%, общее среднее – 25,4%, среднее специальное – 32,4%, высшее специалитет – 6,3%, высшее бакалавриат – 23,9, магистратура – 2,1%, другое – 5%.

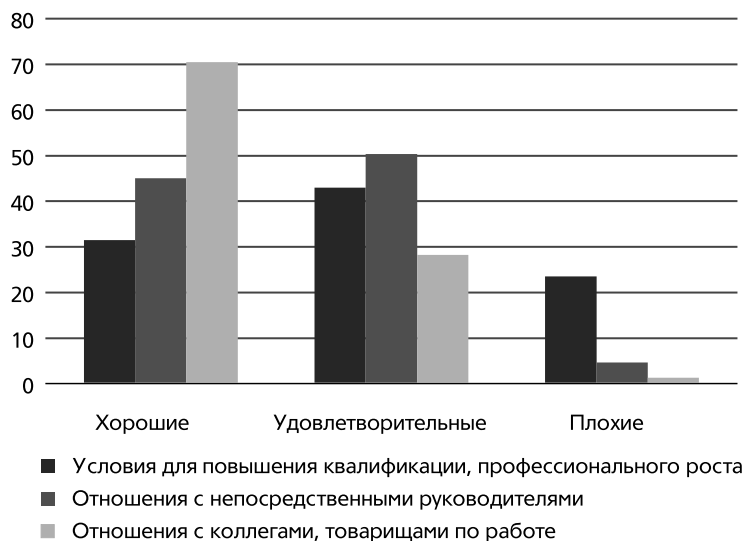

Рис. 2. Оценка респондентами условий повышения квалификации, профессионального роста и отношений, сложившихся на работе, в %

Мигранты из Узбекистана, по данным нашего исследования, на московском рынке труда чаще заняты в сфере услуг (32,5%), торговле (19,0%), строительстве (15,2%), на транспорте (10,4%). Чуть больше половины из них (51%) выполняют квалифицированную работу, 32,2% – неквалифицированную, а 35,9% в свободное время работают для дополнительного заработка. Улучшили материальное положение за время пребывания в Москве 73,6% опрошенных, у 18,2% оно не изменилось.

Важным с позиции благополучия на рынке труда являются отношения с коллегами и руководством организаций, в рамках которых мигранты наиболее плотно соприкасаются с новой для них реальностью. В этом взаимодействии приобретает и накапливается опыт, даже если рядом работают в основном соотечественники или мигранты из постсоветских стран. Большинство респондентов называют такие отношения хорошими, особенно с коллегами на рабочем месте. Только незначительная доля опрошенных оценивает их как плохие (рис. 2).

Важнейшим фактором, влияющим на характер накопленного в Москве миграционного опыта приезжих из Узбекистана, является возможность гармонично сочетать трудовую деятельность с организацией быта и досуга. Среди наших респондентов 39,5% назвали свои жилищные условия хорошими, 53,9% – удовлетворительными, плохими их считают 6,6% опрошенных. Немногим более половины (55%) живут в арендованной комнате или квартире, четверть (25,1%) – у друзей или родственников, примерно пятая часть – в общежитии (18,2%). Выбор места проживания чаще обусловлен ценой (39,8%), транспортной доступностью и близостью к месту работы (25,1%), наличием в месте проживания соотечественников (22,5%).

Относительно высоко мигранты оценивают возможность удовлетворять жизненные потребности. Примерно 5–6 из 10 опрошенных дали оценку «хорошо» тому, как они питаются (60,3%), одеваются (50,7%), какие возможности имеют, чтобы проводить свободное время (45,9%), получать образование (45,2%), соблюдать религиозные обряды (52,1%) (рис. 3). Последнее из названных обстоятельств позволяет мигрантам ощущать причастность к традиционной культуре, единство со своим народом, дает положительное мироощущение и влияет на формирование и накопление позитивного миграционного опыта.

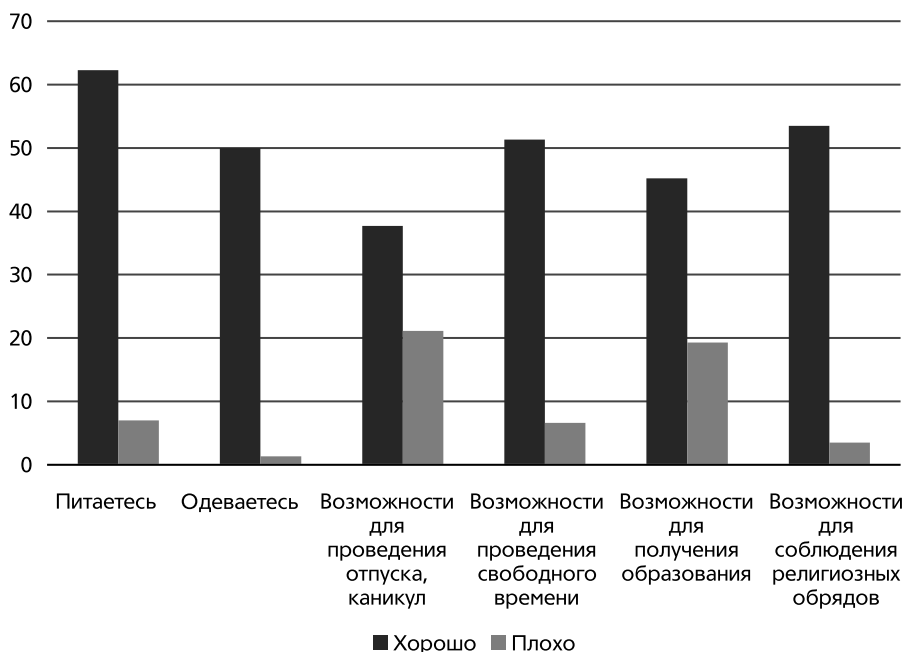

Рис. 3. Мнение респондентов о различных сторонах их жизни в настоящее время, в %

Накопление позитивного миграционного опыта детерминировано возможностью поддерживать привычный образ жизни, получать во время пребывания в Москве положительные эмоции, удовольствие, новые впечатления от организации досуга как формы деятельности, самореализации мигрантов. Как показал опрос, свободное от основной работы или учебы время респонденты проводят по-разному, проявляя индивидуальные особенности. Наиболее востребованными остаются интернет-развлечения (фильмы, музыка, книжные порталы) – сидят в Интернете (65,4%), играют в компьютерные и видеоигры (17,3%). Чуть более половины респондентов (52,8%) в свободное время совершают прогулки. Около трети смотрят телевизионные программы (31,6%), занимаются физкультурой, спортом, туризмом (33,3%), ходят в кино (38,1%). Треть работают для дополнительного заработка (35,9%), либо ничего не делают в свободное время (32,5%). Ходят в мечеть 13,9%, а 26,5% также отметили, что занимаются самообразованием, а самодеятельным творчеством – 10,8%. Посещают спортивные мероприятия 16%, клубы, дискотеки (12,1%), театры и музеи (10%). Только 8,2% отметили, что читают газеты, а 9,5% слушают радио.

Преодолевать ностальгию, обусловленную длительным отрывом от родины, помогает общение респондентов с соотечественниками, воспоминания о радостных моментах детства и юности. В этом немало способствует поддержание контактов с друзьями и близкими. По данным опроса, практически половина респондентов посещает узбекские клубы (организации) во время пребывания в Москве: ежедневно – 7,8%, один раз в неделю – 6,9%, один раз в месяц – 15,6%. В местах (рестораны и т.д.), где узбеки любят встречаться в столице, бывает две трети опрошенных (ежедневно – 8,2%, один раз в неделю – 26,8%, ежемесячно – 23,8%).

Узбекские новостные интернет-ресурсы просматривают во время пребывания в Москве 8 из 10 опрошенных (ежедневно – 49,8%, один раз в неделю – 30,3%), смотрят программы узбекского ТВ более половины (ежедневно – 19,9%, раз в неделю – 24,7%). Отметим, что российский телевизионный новостной контент больше интересует опрошенных по сравнению с узбекским, при этом четкой зависимости от возраста эти показатели не имеют.

Мигранты из Узбекистана демонстрируют достаточно высокую степень открытости в отношении с многонациональным московским социумом. Это очень важно, поскольку коммуникация с принимающим населением повышает возможности освоения повседневных практик, помогает формированию опыта. По данным исследования, 7 из 10 опрошенных (68,4%) с удовольствием общаются с представителями других национальностей; каждый седьмой (15,6%) отметил, что все зависит от национальности; каждый 10-й (9,5%) не считает приятными постоянные коммуникации с представителями других национальностей (среди членов семьи, друзей, соседей, товарищей по работе); а каждый 15-й не общается с представителями других национальностей (6,5%), то есть 16% лишены опыта взаимодействия в принимающем социуме. Похоже, для них структура контактов характеризуется представленностью только иммигрантского сообщества. Такой формат коммуникаций характерен чаще для женщин и ограничивает накопление опыта.

Для 45% опрошенных главными людьми в Москве остаются соотечественники, для 4-х из 10 – представители самых разных национальностей (39% заявили, что не различают друзей по национальности), для каждого 10-го – русские. За помощью или советом мигранты из Узбекистана чаще обращаются к соотечественникам из Узбекистана (56,3%), затем к местным жителям, которых они уже знают (45,9%), в посольство Узбекистана (20,8%), в узбекские организации (14,3%), к местным властям (11,3%). Избирательность взаимодействия мигрантов обусловливается сознательным выбором, их личными возможностями, а также эмоциональной близостью.

Миграционный опыт приобретается в процессе складывающихся межнациональных отношений в районе проживания респондентов в Московской агломерации. Дружескими, теплыми, мирными между узбеками и славянскими народами (русскими, белорусами, украинцами) их называют 9 из 10 опрошенных, между узбеками и гражданами Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана, народов Закавказья (грузинами, армянами, азербайджанцами) – 8 из 10. Более сложные отношения складываются между узбеками и народами Северного Кавказа (дагестанцами, чеченцами, ингушами, черкесами и т.п.). Здесь только 7 из 10 назвали их дружескими, мирными.

Приезд в Москву, безусловно, становится особым рубежом в жизни мигранта, вызывает и внутренние конфликты, и столкновения со средой. Как показал опрос, наиболее сложны трудности в получении работы (45,9%), в узаконивании пребывания (26,4%), проблемы с жильем (38,5%), нехватка информации о правах и обязанностях (22,9%), дискриминационное поведение властей, включая полицию (22,1%).

Именно в силу большого перечня проблем более половины опрошенных (62%) положительно оценивают процедуру организационного набора граждан из Республики Узбекистан, направленной на их решение, полагая, что надо создавать благоприятные условия для их возвращения в Узбекистан (41,6%), оказывать поддержку соотечественникам, проживающим в России (47,2%).

Негативно на миграционном опыте сказывается ощущение опасности во время пребывания в Москве и Московской области. Ее испытывает треть мигрантов. С угрозами сталкивались 11,3% респондентов, с оскорблениями – 43,3%, физическому нападению подвергались 10,8%. Пережившие негативный опыт считают, что москвичам не нравятся иностранцы (15,0%), узбеки (16,4%), трудовые мигранты (29,6%). По оценкам опрошенных, простые люди чаще встречают их и относятся к ним дружественно, нежели представители власти.

При этом у большинства (85,3%) респондентов, на основе опыта пребывания в Москве/Московской области, сложилось положительное отношение к россиянам, а плохое – только у 3%.

Необходимость овладения новыми компетенциями в незнакомых условиях может вызывать беспокойство, неуверенность, даже агрессию и отрицательные характеристики среды, политики властей. Однако при оценке своего настроения, преобладающего в последнее время, 29,4% опрошенных назвали его хорошим и оптимистичным, а почти половина (49,4%) – нормальным, ровным. Только 10,8% респондентов испытывают

беспокойство, раздражение; 3,9% – страх, отчаяние, безысходность. Показательно, что у 11,7% миграционная политика правительства РФ и властей Москвы вызывает чувство гордости за Россию; у 33,8% – удовлетворенности, уверенности в будущем; у 7,4% – беспокойства, тревоги, безнадежности; у 2,6% – подавленности, злости, раздражения, у 35,1% – не вызывает никаких чувств.

Попытаемся выделить группы с разным миграционным опытом и дать характеристику его особенностей и влияния на миграционные установки и отношение к евразийской интеграции. В основу типологизации мигрантов из Узбекистана мы положим достижения как универсальный способ накопления миграционного опыта, способствующего самоутверждению, самореализации, росту эффективности человека, а в качестве результирующих используем «удовлетворенность в целом работой в Москве» и «оправданность ожиданий от приезда в Москву», поскольку они характеризуют выполнение личной жизненной программы, адекватно интегрируют потребность в достижениях, уровень притязаний и условия социальной среды.

Исходя из этих критериев, выделим две группы мигрантов из Узбекистана с разным миграционным опытом. Первая (74%) группа, в которой 100% респондентов положительно ответили на оба вопроса («Считаете ли вы, что ваша работа в целом удовлетворяет вас» – варианты ответа «да» (%) + «в основном да» (%); «В целом, оправдались ли ваши ожидания от приезда в Москву» – варианты ответа «да» (%) + «скорее да» (%)) и, на наш взгляд, имеют более позитивный опыт. Вторая – 26% (здесь 100% респондентов отрицательно ответили на оба вопроса: на первый вопрос ответы «нет» (%) + «в основном нет» (%), на второй – «нет» (%) + «скорее нет» (%)). Как показал анализ, в первой группе выше, чем во второй, доля прибывших из крупных городов – Ташкента, Самарканда (43,2 и 24,1% соответственно), имеющих высшее образование (29,6 и 22,3%), лучше знающих русский язык (76,9 и 57,4%), проживающих в России более трех лет (64,5 и 53,7%).

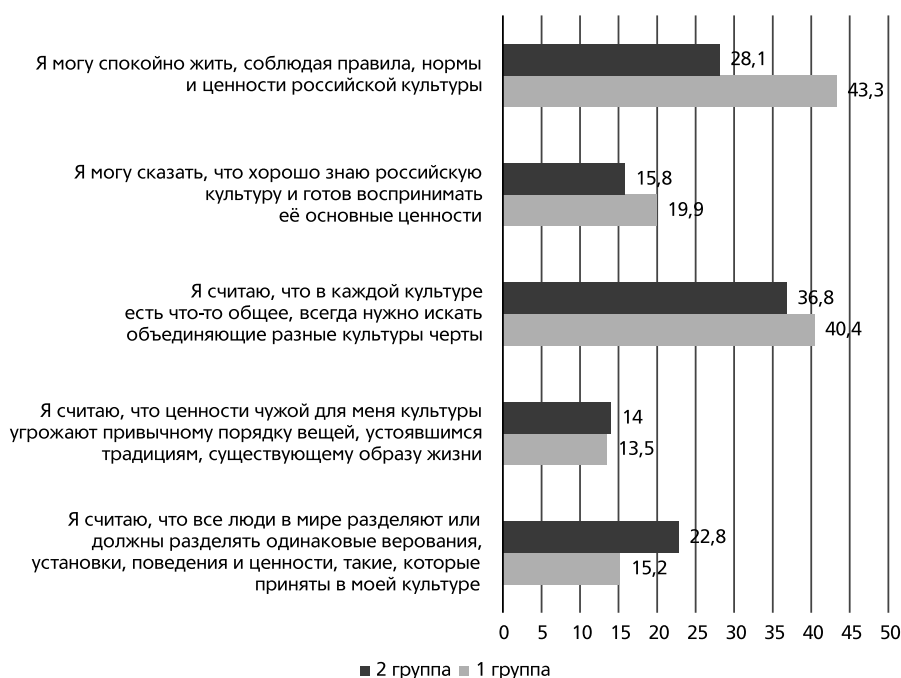

Рис. 4. Ответы респондентов «согласны» со следующими утверждениями, в %

Подавляющее большинство представителей первой группы одобряет создание на постсоветском пространстве Евразийского экономического союза (81,8 против 56,1%), считает выгодным получение Узбекистаном статуса наблюдателя с перспективой вступления в ЕАЭС (77,7 против 54,4%), более оптимистично оценивает изменения в своей жизни в результате вступления Узбекистана в качестве наблюдателя в ЕАЭС (68,4 против 49,2%). Среди них меньше доля затруднившихся ответить на эти вопросы (11–13%), и в два раза больше тех, кто не планирует возвращаться в Узбекистан.

Результат отражения в сознании мигрантов из Узбекистана ожиданий от эмиграции, способности, умения овладеть новым типом жизненной компетенции, оценки ими жизненных обстоятельств сказываются на образе России и миграционном опыте. Именно поэтому у респондентов из разных групп Россия вызывает разные ассоциации. Для первой группы это чаще возможность хорошего заработка (56,7 против 31,6%), для второй – необходимость испытывать определенные трудности, преодолевать постоянные проблемы и общую неустроенность, чтобы обеспечить себя и свою семью (21 против 2,3%).

Миграционный опыт узбекистанцев детерминирует личную ориентацию на глубину освоения культуры принимающего общества. 43,3% респондентов первой группы и 28,1% второй группы считают, что могут спокойно жить, соблюдая правила, нормы и ценности российской культуры и не разделяют для себя узбекскую и российскую культуру, и уже сами являются ее представителями. Отметим, в группе с менее успешным миграционным опытом доля тех, кто готов к усвоению доминирующих норм принимающего московского социума, заметно ниже. Так, во второй группе – 22,8%, а в первой группе – 15,2% опрошенных полагают, что все люди в мире должны разделять ценности, которые приняты в его стране, а ценности чужой культуры угрожают привычному порядку вещей и образу жизни. Такая установка осложнит адаптацию мигрантов из Узбекистана в московском социуме (рис. 4).

Заключение. Высокий уровень естественного прироста населения Узбекистана, молодая возрастная структура создают условия для избытка рабочей силы. Основным миграционным партнером Республики является Россия и по оценкам экспертов будет оставаться им и в последующие годы.

Особенностью миграционного опыта большинства (74%) граждан Узбекистана, работающих, обучающихся и проживающих в Москве и Московской области России, являются позитивные впечатления, убеждения, сложившиеся в процессе жизни и деятельности в эмиграции о столице. В этой группе все респонденты удовлетворены своей работой в Первопрестольной, считают, что их ожидания, связанные с приездом в Москву, оправдались. Среди них выше уровень удовлетворенности всеми сторонами повседневной жизни, уверенности в завтрашнем дне, достаточно высока степень открытости в отношениях с многонациональным московским социумом, готовность к адаптации. Накопленный позитивный миграционный опыт в этой группе проявляется в более лояльном мнении по поводу создания на постсоветском пространстве Евразийского экономического союза, получения Узбекистаном статуса наблюдателя с перспективой вступления в ЕАЭС, ориентации на закрепление в РФ. Детерминантами миграционного опыта являются: опыт проживания в крупных городах (Ташкент, Самарканд), обладание высшим образованием, хорошее знание русского языка, время проживания в России.

Вторая группа представлена 26% опрошенных. Её особенностью являются более низкие оценки улучшения личного материального положения за время пребывания в Москве/Московской области (2 группа: улучшилось – 42,1%, осталось неизменным – 40,4%, 1 группа: улучшилось – 83,6%, осталось неизменным – 11,1%), оправданности ожиданий от приезда в столицу России (2 группа: да – 14,0%, скорее да, чем нет, – 31,6%, 1 группа: да – 33,3%, скорее да, чем нет, – 66,6%), они реже оценивают настроение, которое преобладает у них в последнее время как хорошее, оптимистичное (2 группа – 19,3%, 1 группа – 33,3%), в меньшей мере ориентированы на эффективную адаптацию в российский социум, полагая, что взаимодействие москвичей и россиян с мигрантами из Узбекистана должно способствовать тому, чтобы мигранты из Узбекистана становились в России «своими»

(2 группа – 29,8%, 1 группа – 43,9%). Это обусловило более низкую поддержку интеграционных процессов в Евразии (одобряют создание на постсоветском пространстве Евразийского экономического союза (2 группа: да – 29,8%, скорее одобряют – 26,3%, 1 группа: да – 37,4%, скорее одобряют – 44,43%) и более высокие возвратные миграционные установки (собираются вернуться в Узбекистан 2 группа: да – 37,0%, нет – 22,2%, 1 группа: да – 24,3%, нет 40,2%). В этой группе выше доля приезжих из маленьких городов и деревень, ниже доля имеющих высшее образование и, по самооценке респондентов, меньше тех, кто очень хорошо и хорошо владеет русским языком (2 группа: владею очень хорошо – 16,7%, владею хорошо – 40,7%, 1 группа: владею очень хорошо – 22,5%, владею хорошо – 54,4%).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашин С.Н. Возвращение домой и циркулярная мобильность: как кризисы меняют антропологический взгляд на миграцию // *Этнографическое обозрение*. 2017. № 3. С. 5–15.
- Базылева С.П. Современные миграционные процессы в контексте региональных противоречий на примере Узбекистана // *Вестник РУДН. Сер.: Государственное и муниципальное управление*. 2018. Т. 5. № 1. С. 103–111.
- Ващук А.С., Ермак Г.Г. Трудовые мигранты из Узбекистана в Приморье: власть – мигранты – принимающее сообщество (начало XXI в.) // *Труды ИИАЭ ДВО РАН*. 2020. Т. 27. № 2. С. 194–210.
- Степанов А.М. Транснациональные практики и проблема интеграции трудовых мигрантов из республик Средней Азии в России // *Мир политики и социологии*. 2019. № 5. С. 106–112.
- Узбекистан и ЕАЭС: перспективы и потенциальные эффекты экономической интеграции. Доклады и рабочие документы 21/2. М.: ЦИИ, 2021. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/> (дата обращения: 16.07.22).

Статья поступила: 04.05.22. Финальная версия: 18.07.22. Принята к публикации: 25.09.22.

MIGRANTS FROM UZBEKISTAN IN THE MOSCOW AGGLOMERATION: ASSESSMENT OF MIGRATION EXPERIENCE

OSADCHAYA G.I.

Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Russia

Galina I. OSADCHAYA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Department of the Socio-demographic processes studies in the EAEU, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia (osadchaya111@gmail.com).

Abstract. The orientation of Uzbekistan towards deeper integration with the Eurasian Economic Union and maintenance the vector to migration activity of the republic citizens to Russia and to the Moscow takes place against the background of insufficient knowledge about a diverse set of migrant's behavior, update the study of the migration experience. The paper is devoted to the features and determinants of this phenomenon. The article proposes an author's approach to the study of migration experience, overcoming disciplinary and sectoral boundaries, combining the developments of demographic and social studies. The migration experience of a person is understood as deposited impressions, beliefs formed in the process of life and work in emigration about the host country. On the basis of quantitative data, a characterization is given of subjective situations representations, events, prevailing ideas of respondents about everyday life, difficulties of settling and living in Moscow, behavioral aspects related to the setting for return migration, adaptation, support/non-support of Eurasian integration, readiness to interact with the host society, as well as migration experience. On the basis of the resulting indicators: "general work satisfaction in Moscow" and "reasonableness of expectations from coming to Moscow", which characterize the achievements, the fulfillment of a person's life, level of aspirations and conditions of the social environment. Two groups of migrants were identified, having different migration experience. The results of the study contribute to the development of sociological knowledge about migration, allow to explain the current and potential migration activity of citizens of Uzbekistan.

Keywords: migration, migrants, migration experience, integration.

REFERENCES

- Abashin S.N. (2017) Return Home and Circular Mobility: How Crises Change Anthropological Views of Migration. *Etnograicheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. No. 3: 5–15. (In Russ.)
- Bazyleva S.P. (2018) Modern migration processes in the context of regional contradictions on the example of Uzbekistan. *Vestnik RUDN. Ser.: Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye* [RUDN Journal of Public Administration]. Vol. 5. No. 1: 103–111. (In Russ.)
- Stepanov A.M. (2019) Transnational Practices and the Problem of Integration of Labor Migrants from the Republics of Central Asia in Russia. *Mir politiki i sotsiologii* [World of Politics and Sociology]. No. 5: 106–112. (In Russ.)
- Uzbekistan and the EAEU: prospects and potential effects of economic integration. Reports and working papers* 21/2. (2021) Moscow: TSII. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/> (accessed 16.07.2022). (In Russ.)
- Vashchuk A.S., Ermak G.G. (2020) Labor migrants from Uzbekistan in Primorye: power – migrants – host community (the early 21st century). *Trudy IIAE DVO RAN* [Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS]. Vol. 27. No. 2: 194–210. (In Russ.)

Received: 04.05.22. Final version: 18.07.22. Accepted: 25.09.22.

А.Б. СИНЕЛЬНИКОВ

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИЕМЛЕМОСТЬ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЧИН ДЛЯ РАЗВОДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

СИНЕЛЬНИКОВ Александр Борисович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (sinalexander@yandex.ru).

Аннотация. По данным опросов, проведенных Фондом «Общественное мнение» с 2012 по 2022 г., социальная приемлемость разводов в России увеличилась. Жители страны стали чаще признавать уважительными все причины развода, предусмотренные в анкетах обоих опросов. Когда муж или жена требует развода из-за неадекватного поведения другого супруга (измена, пьянство, физическое насилие и др.), причина развода является объективной. Если же кто-то требует расторгнуть брак из-за того, что не любит супруга, который не нарушал правил семейной жизни, то причина является субъективной. Разводы по объективным причинам разбивают многие семьи, но социальный институт семьи разрушается лишь тогда, когда общество признает уважительными также и субъективные причины для развода. После этого люди уже не верят, что прочность брака зависит от их поведения в семье. Это приводит к снижению числа браков и уровня рождаемости. Предлагается изменить законы о разводе. В случаях спора между бывшими супругами о разделе имущества или о том, с кем из них останутся дети, суды должны учитывать инициативу мужа или жены в разводе.

Ключевые слова: семья • брак • сожительство • развод • социальная приемлемость • объективные причины развода • субъективные причины развода • законы о разводе • число детей в семье • рождаемость

DOI: 10.31857/S013216250022703-6

В России с 1995 до 2022 г. на 1000 браков ежегодно приходилось более 500 разводов. Этот показатель рассчитан с учетом продолжительности расторгнутых браков, которая в среднем составляет от девяти до десяти лет [Население..., 2022: 84–85]. Хотя риск развода выше всего в первые годы брака, он остается значительным и в течение всей последующей жизни. Нередко разводятся даже супруги, прожившие вместе больше 20 лет. В это время теряет смысл сохранение неудачного брачного союза ради детей, которые уже стали взрослыми, а многие мужчины старше 45 лет уходят от жен к более молодым женщинам. Означает ли это, что развод стал социально приемлемым явлением с точки зрения большинства населения?

По данным «ФОМнибус» – еженедельного всероссийского поквартирного опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) 1–3 июля 2022 г. в 104 населенных пунктах на территории 53 субъектов РФ, 72% из 1500 респондентов считают, что разводы допустимы в принципе, 19% – недопустимы, 9% затруднились ответить. По данным аналогичного опроса, проведенного ФОМ в 2012 г., развод считали допустимым 67% респондентов¹. За десять лет его социальная приемлемость увеличилась на 5%.

В допустимости развода убеждены три четверти респондентов, когда они отвечают на вопрос о разрушении семьи вообще, независимо от того, есть ли у супругов дети.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 23-28-00518.

¹ Разводы: «уважительные» и «неуважительные» причины. 2022. 14 июля // Официальный сайт ФОМ. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14750> (дата обращения: 29.09.2022).

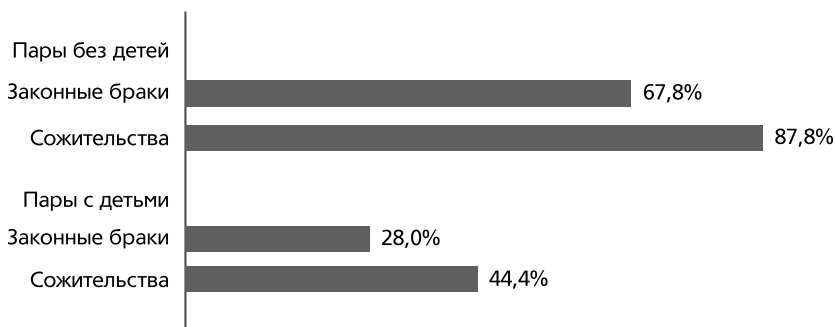

Рис. 1. Доля распавшихся брачно-партнерских союзов* среди союзов, сформированных в 1990–1999 гг., в которых были совместные дети или их не было (по данным РИДМиЖ, в %)

Примечание. *Авторы, использующие данные РИДМиЖ, называют брачно-партнерскими союзами не только законные супружеские, но и сожительствующие пары.

Источник: Диаграмма построена по данным: [Население..., 2022: 106].

Разводы в семьях с детьми до 18 лет признаются допустимыми или скорее допустимыми не столь часто, но все же более чем в половине случаев (52% в 2012 г. и 53% в 2022 г.).

Хотя риск развода весьма велик и для пар с детьми, в семьях без детей он намного выше. По суммарным данным трех раундов исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РИДМиЖ), проведенных соответственно в 2004, 2007 и 2011 гг. в рамках международной программы Generation and Gender, среди семей, сформировавшихся в 1990–1999 гг., распались (независимо от оформления развода) до момента опроса 67,8% законных браков без общих детей и 28% – с детьми. Среди пар, образовавшихся в те же годы, но не зарегистрировавших брак, разошлись соответственно 87,8% и 44,4% (рис. 1).

Важнее не отношение респондентов к разводу как таковому, а их мнение об уважительности разных причин для него. Желательно отдельно спрашивать о том, считают ли люди ту или иную причину уважительной для развода в семье без детей и в семье с детьми. К сожалению, в анкетах ФОМ речь шла об уважительности (точнее, о весомости) конкретных причин в абстрактной ситуации развода вообще, независимо от наличия или отсутствия общих детей. Но и эти данные очень показательны.

Причины, по которым люди подают на развод, сами они считают уважительными, но их супруги, желающие сохранить семью, а также родные и знакомые могут рассуждать по-другому. Люди, разрушающие свои семьи по причинам, которые большинство окружающих не признают достаточно весомыми, имеют дурную репутацию. В консервативном обществе это может помешать им найти работу, сделать карьеру или вступить в новый брак.

Результаты двух исследований ФОМ показывают, что в 2022 г. все причины развода, по которым есть сопоставимые данные, стали чаще считаться весомыми, чем в 2012 г. (рис. 2).

В 2022 г. чаще всего респонденты признавали весомой причиной рукоприкладство (73%), психологическое насилие, постоянное давление со стороны супруга/супруги (66%), пьянство (63%), измену (58%), постоянные ссоры и конфликты (55%). Эти причины можно считать объективными, поскольку во всех этих ситуациях один из супругов требует развода из-за несовместимого с нормальной семейной жизнью поведения другой стороны.

Отметим, что данные по самой весомой причине – рукоприкладству – могут даже преуменьшать долю людей, разделяющих данное мнение, так как вопросы о весомости тех или иных причин не задавались респондентам, которые признавали развод вообще недопустимым. В 2012 г. их было 21%, а в 2022 г. – 19%. Возможно, что многие из них, несмотря на свое негативное отношение к разводу «в принципе», все же признали бы весомыми основаниями

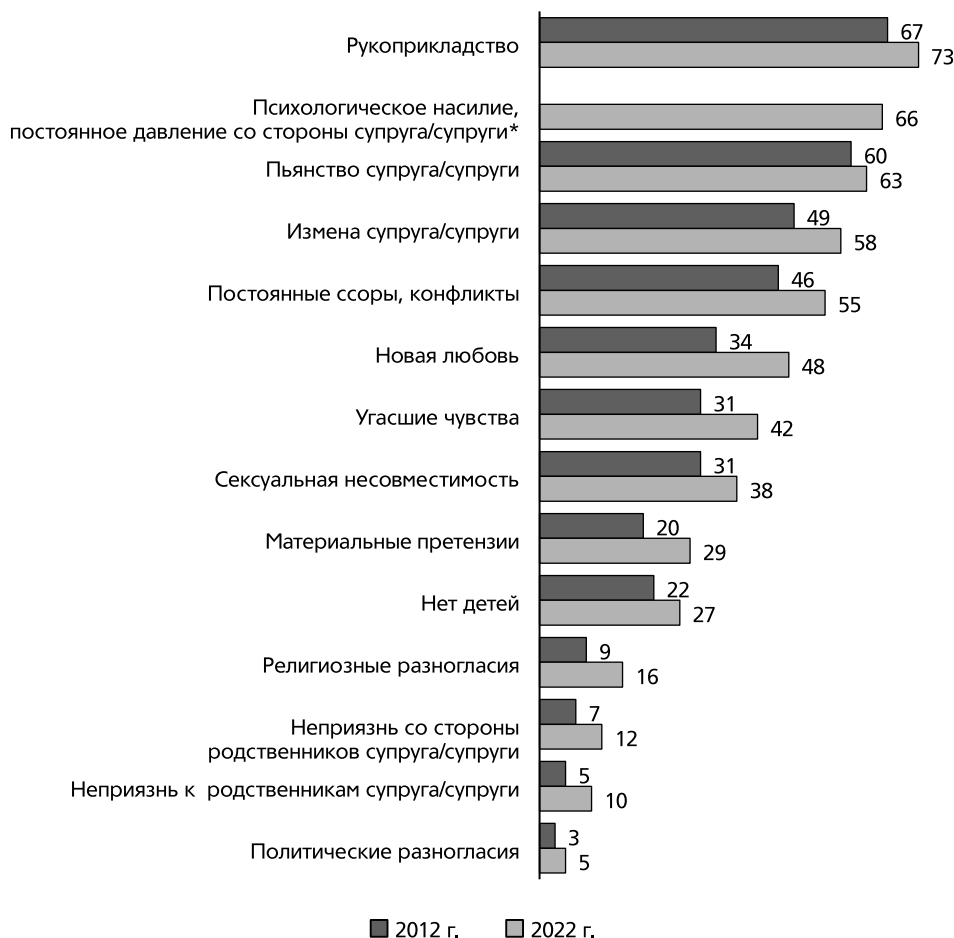

Рис. 2. Доля респондентов, признающих весомыми некоторые причины для развода, по данным опросов ФОМ за 2012 и 2022 гг., в %

Примечание. Причины для развода расположены в порядке ранжирования по доле респондентов, признающих их весомыми в 2022 г. *Эта причина включена в анкету ФОМ только в 2022 г., поэтому сравнение с 2012 г. не проводится.

Источник: диаграмма построена по данным: URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14750> (дата обращения: 29.09.2022).

для расторжения брака физическое насилие, пьянство, измены и другие обстоятельства, крайне осложняющие семейную жизнь. По-видимому, данные ФОМ несколько преуменьшают степень социальной приемлемости всех причин для развода, представленных на рис. 2. Но и по этим данным степень приемлемости многих причин весьма велика.

Несколько реже, чем пять вышеупомянутых объективных причин, респонденты признавали весомыми основаниями для развода субъективные причины – «новую любовь» (48%) и «угасшие чувства» (42%). Однако для первой из этих двух причин ее «весомость» увеличилась за десять лет с 2012 до 2022 г. на 14%, а для второй – на 11%, т.е. больше, чем по всем остальным причинам, указанным в анкете ФОМ.

Если один из супругов не может и не хочет терпеть побои, «пиление» (т.е. частые попреки), пьянство, измены, скандалы, другие грубые нарушения элементарных правил жизни в браке и требует расторгнуть брак, то причина является объективной, как и при разводах из-за импотенции, бесплодия, психических и других тяжелых заболеваний. Но если кто-то требует развода, несмотря на то, что другой супруг этих правил не нарушал и состояние его (или ее) физического, психического, сексуального и репродуктивного здоровья не препятствует нормальной семейной жизни, то семья распадается по субъективной причине, которая не зависит от поведения покинутого мужа или брошенной жены. Чаще всего такой причиной бывает «новая любовь». Если инициатором расторжения брака становится тот из супругов, кому изменили, то для него причина является объективной, так как другой супруг нарушил важнейшее правило семейной жизни. Если же развода требует неверный муж или неверная жена, они поступают так по субъективной причине, не зависящей от поведения их супругов.

По данным исследования «Семейно-детный образ жизни» (СеДОЖ-2019), проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ при участии автора в 2018–2019 гг., 68,6% из 2,5 тыс. респондентов считали, что даже в семье с детьми муж имеет моральное право на развод, если он разлюбил жену, а 71,2% признавали, что это право имеет жена, если она разлюбила мужа [Ценности семейно-детного..., 2020: 306–307]. Это намного больше, чем по данным опросов ФОМ, в основном из-за различий в формулировках вопросов. В анкете ФОМ речь шла об угасших чувствах, как о весомой причине для развода, а в анкете СеДОЖ-2019 о моральном праве на развод с нелюбимым. Многие считают, что в некоторых случаях развод недопустим даже для тех, кто признает за собой такое право.

По данным исследования, проведенного ВЦИОМ в 2019 г., на вопрос «Представьте себе пару, которая решила развестись. На ваш взгляд, что может им помешать это сделать?» можно было одновременно указать до семи вариантов ответа, но 36% ответили «непреодолимых препятствий нет, всегда можно развестись», а 8% затруднились ответить. Остальные 56% считают, что даже если оба супруга решили развестись, что-то может помешать им. Чаще всего упоминалась невозможность поделить детей между родителями (34%), материальная зависимость, несамостоятельность одного из супругов (25%), сложности с разделом жилья, имущества (19%)².

Сексуальная несовместимость является весомой причиной для развода, по мнению 38% участников опроса. Некоторые респонденты могут считать несовместимостью прекращение сексуальной жизни из-за отказа от нее со стороны одного из супругов, в том числе и в случаях импотенции или фригидности. Если из-за этого другой супруг потребует развода, причину можно считать объективной. Если же интимные отношения продолжаются, но не удовлетворяют одного из супругов, из-за чего он требует расторжения брака, то с его стороны «сексуальная несовместимость» является субъективной причиной для развода. Неудовлетворенность часто вызывается тем, что добрачные отношения с другими партнерами приносили больше удовлетворения, чем с мужем или женой. Из-за этого у недовольных супругов могут появиться любовники или любовницы, в том числе и те, с которыми были романы еще до брака.

В консервативных обществах ограниченность возможностей для добрачных связей стимулировала вступление в законный брак как для женщин, так и для мужчин, кроме богатых людей, которые часто имели связи с зависимыми от них представительницами низших классов. Либерализация морали, которая произошла на Западе во время «сексуальной революции» 1960-х, а у нас – в 1980-х и 1990-х гг., уничтожила этот стимул. Это

² Отношение к бракам и разводам: мониторинг. Аналитический обзор ВЦИОМ 08 июля 2019 / Таблицы. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-k-brakam-i-razvodam-monitoring> (дата обращения: 29.09.2022).

привело к уменьшению числа браков, а также и к тому, что семьи все чаще стали распадаться не только по объективным, но и по субъективным причинам.

Материальные претензии, грубо предъявляемые одним из супругов к другому, могут сделать семейную жизнь невыносимой и являются одной из объективных причин распада семей. Примерно столько же участников опроса (22% в 2012 г. и 27% в 2022 г.) считали весомой причиной для развода бездетность. Если один из супругов бесплоден, а другой способен и хочет иметь детей, последний может расторгнуть брак и создать другую семью, в которой будут дети. Эта причина, как и другие серьезные проблемы со здоровьем, тоже объективна, но, как правило, не связана с виной покинутого супруга.

К объективным причинам относятся также и ссоры одного из супругов с родственниками другого. Это часто происходит при совместном проживании с матерью или отцом и тем более с обоими родителями мужа либо жены. Но до развода дело доходит лишь тогда, когда супруги не поддерживают друг друга, особенно если один из них обоснованно или необоснованно заявляет другому, что тот сам виноват в конфликте с благоприобретенными родственниками. По-видимому, в большинстве таких случаев мужа и жены все же держатся вместе и дело чаще заканчивается их уходом от родителей, чем друг от друга. Иначе трудно объяснить, почему только 7% респондентов в 2012 г. и 12% в 2022 г. признали весомой причиной для развода неприязнь со стороны родственников супруга или супруги, а также почему лишь 5% в 2012 г. и 10% в 2022 г. считали такой причиной неприязнь одного из супругов к родственникам другого. Если бы в анкете речь шла о том, что один из супругов *не защищает* другого от попреков со стороны своих родных, а также о том, что муж либо жена проявляет *необоснованную* неприязнь к родителям другого супруга, то респонденты чаще признавали бы такие причины весомыми, чем по данным опросов ФОМ.

Религиозные разногласия тоже можно считать объективными причинами для развода, но лишь 9% в 2012 г. и 16% в 2022 г. считали эти причины весомыми. Миграция в центральную часть России из республик Северного Кавказа, Азербайджана и стран Центральной Азии способствует межконфессиональным бракам. В некоторых смешанных семьях происходят конфликты из-за попыток одного из супругов обратить другого супруга и/или детей в свою веру. Если для обоих супругов религия очень важна, эти разногласия могут привести к разводу. Но глубоко религиозные люди вступают в браки с иноверцами гораздо реже, чем те, для кого религия имеет меньшее значение. Среди представленных причин распада семьи (рис. 2) последнее место по частоте заняли политические разногласия. В 2022 г. их число возросло с 3 до 5%.

Когда мораль и законы признавали уважительными причинами для развода лишь нарушение мужем или женой супружеской верности и других основных правил семейной жизни, т.е. объективные причины, а нарушители пользовались дурной репутацией, большинство женатых мужчин и замужних женщин более или менее соблюдали эти правила. Это далеко не всегда приносило им семейное счастье, но гарантировало нерушимость брака, а для детей – совместную жизнь с обоими родителями в полной семье.

Признание уважительности субъективных причин развода привело к тому, что расторжение брака по инициативе одной стороны без вины и без согласия другой стороны стало считаться в обществе нормальным явлением. В таких условиях соблюдение правил семейной жизни уже ничего не гарантирует. Когда одни жены живут с пьяницами, которые изменяют им, бьют их и детей, совсем не заботятся о семьях, а другие уходят от любящих, верных, добрых, заботливых и непьющих мужей просто потому, что влюбились в других мужчин или просто разлюбили либо никогда не любили своих супругов, воздержание от спиртного, соблюдение супружеской верности, забота о женах и детях, мирный выход из супружеских конфликтов утрачивает смысл. А это приводит к распаду семей уже по традиционным объективным причинам, весомость которых из-за того, что к ним добавились субъективные, не только не уменьшилась, но даже и увеличилась.

Большинство разводов по объективным причинам – это адекватная реакция одного из супругов на неадекватное поведение другого. Но если не было вопиющих нарушений

правил семейной жизни, т.е. измены или физического насилия, то недовольный муж или жена, прежде чем подавать на развод, много раз требует от супруги или супруга изменить свое поведение, например перестать пьянствовать. Те, кто желает сохранить семью, соглашаются с этими требованиями, и до развода дело не доходит. Если же муж или жена хочет развестись по субъективной причине, то все попытки другой стороны помешать этому, как правило, безуспешны.

Разводы, вызванные объективными причинами, разрушают множество семей. Разводы же по субъективным причинам ломают также и социальный институт семьи, если общество признает эти причины уважительными. В такой ситуации от развода невозможно застраховаться. Поэтому многие люди не хотят вступать в законный брак. Они предпочитают сожительство, которое ради приличия часто называют «гражданским браком». Эти союзы еще менее надежны, чем законные браки, и в них рождается гораздо меньше детей (в среднем на семью). Однако прекращение сожительства не влечет за собой потерю жилья и другой ценной собственности, что часто происходит после развода.

Как разводы (особенно если они вызваны субъективными причинами), так и сожительства – это симптомы кризиса семьи как социального института. Но самый опасный симптом – это то, что в обществе эти явления считаются совершенно нормальными. Уже никто не может быть уверен в прочности своей семьи. С одной стороны, люди понимают, что супруги в любой момент могут от них уйти. С другой – сами считают, что имеют моральное право на развод, когда «угаснут чувства», и тем более если в их жизни появится «новая любовь».

Воспитание в неполных семьях носит односторонний (чаще всего – женский) характер и связано с более серьезными проблемами, чем в полных семьях, где поведение детей контролируется обоими родителями [Кучмаева и др., 2010]. Дочери видят материнскую роль, но не имеют примера супружеской роли, поэтому часто повторяют судьбу своих матерей. Когда сыновья не получают представления ни о роли мужа, ни о роли отца, то им трудно создать и сохранить полную семью. Доля не состоящих в браке среди взрослых мужчин и женщин, выросших в неполных семьях, заметно выше, чем среди их ровесников и ровесниц, детство которых прошло в семьях с обоими родителями [Синельников, 2012].

Впрочем, некоторые авторы считают «дискриминационным» сам термин «неполная семья» и называют семьи без отца «материнскими». По их мнению, в большинстве таких семей отсутствие отцов не ухудшает жизнь детей [Гурко, Орлова, 2011]. Исходя из этой логики, в наследуемости статуса одиноких матерей нет ничего плохого, так как «материнские» семьи ничем не хуже семей с двумя родителями. Но в социологической литературе высказывается и противоположное мнение [Шевченко, 2019].

Оценки влияния разводов и внебрачных рождений на воспитание детей и на условия их жизни основаны на данных исследований, результаты которых зависят от способа формирования выборки и от формулировок вопросов в анкетах. Однако нет сомнений в том, что распад браков и замена их сожительствами способствуют снижению рождаемости. По данным выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2017 г. и охватившего 15 тыс. респондентов в 81 субъекте РФ, среднее число детей в распавшихся и в изначально неполных семьях значительно меньше, чем в полных. 52% среди мужчин 18–59 лет и 69% женщин 18–44 лет, имевших опыт распада семьи, либо не создают новую полную семью (с регистрацией брака или без этого), либо она тоже распадается. Среди состоящих в законном браке и при этом откладывающих рождение детей 8% мужчин и 13% женщин объясняли откладывание неуверенностью в прочности отношений, а среди состоящих в незарегистрированном союзе – 46% мужчин и столько же женщин [Синельников, 2019: 28–32]. Эти сомнения часто приводят к отказу как от регистрации брака, так и от рождения детей.

Семья, полностью выполняющая свои функции по воспроизводству населения и воспитанию новых поколений, – это дом, в котором законный брак является фундаментом. Каждое «прибавление в семействе» означает строительство еще одного этажа. Если брак непрочен, то фундамент неустойчив и на нем очень трудно построить здание более чем

из одного или двух этажей. Поэтому в современной России лишь немногие семьи имеют трех и более детей, хотя это и дает им права на льготы и пособия для многодетных. Даже верные, любящие и заботливые жены, которые никогда не «пилили» своих супругов, понимают, что мужа могут уйти из семьи к «новой любви». В такой ситуации нелегко решиться на рождение трех и более детей, потому что растить и воспитывать их без отца или вновь выйти замуж гораздо труднее, чем тогда, когда есть только один ребенок. Кроме того, многие жены, разлюбившие мужей, сами хотят развестись с ними и не оказаться при этом в тяжелом положении одиноких многодетных матерей. Если семья строится на основе сожительства, то это более шаткий фундамент, чем брак. Поэтому большинство сожительствующих пар не имеют общих детей или имеют только одного ребенка.

Конечно, некоторые семьи возникают и на иной основе. Когда женщина, не имеющая ни законного мужа, ни постоянного сожителя, рождает «для себя», создается неполная семья одинокой матери. Но подавляющее большинство этих матерей однопородны [там же: 28]. Эти семьи существуют до тех пор, пока дети не становятся взрослыми и не покидают своих матерей, которые становятся одинокими женщинами в том возрасте, когда создать новую семью очень трудно. А супружеская пара остается семьей в течение двадцати, тридцати и более лет после отделения всех детей.

Если институт брака вообще исчезнет и на смену супружеским парам с несколькими детьми придут семьи одиноких матерей, родивших одного ребенка «для себя», то каждое последующее поколение будет составлять менее половины от численности предыдущего поколения, поскольку некоторые женщины никогда не рожают, а среди незамужних доля бездетных намного больше, чем среди замужних женщин того же возраста. При такой демографической ситуации население будет быстро уменьшаться, а его возрастной состав сильно «постареет». При длительном существовании однопородной системы на каждого единственного ребенка будут приходиться двое родителей, четверо дедов и бабушек, а при высокой продолжительности жизни еще и несколько прадедов и/или прабабушек.

Дом из нескольких этажей должен стоять на прочном фундаменте, который создается совместными усилиями обоих супругов и не может быть разрушен по произволу одного из них без вины и без согласия другого.

В России и во многих других странах семейное законодательство давно перешло от принципа «развод по вине» к принципу «развод без вины». Но вина все же есть, хотя суд не всегда может установить, на ком она лежит. Доказать супружескую измену трудно. Скандалы между супругами происходят либо наедине, либо в присутствии детей и/или родителей, которые поддерживают одну из сторон и как свидетели не заслуживают доверия.

Если один из супругов категорически отказывается жить с другим, то, независимо от причин отказа, сохранить семью невозможно. Она уже распалась. Поэтому бракоразводное законодательство в нашей стране (как и во многих других) перешло от принципа справедливости, на котором основана любая правовая система, к принципу целесообразности. Но представляется целесообразным и то, что при отсутствии согласия другой стороны на развод инициатор должен доказать ее вину в нарушении правил семейной жизни. Иначе сам будет признан виновным. Виновность в разводе надо учитывать при разрешении споров между бывшими супругами о разделе жилья и прочей собственности, а также о том, с кем останутся дети.

Не каждый мужчина пойдет на развод с верной и заботливой, хотя и нелюбимой, женой, зная, что может потерять квартиру. Не каждая женщина решится развестись с нелюбимым, но ни в чем не виновным мужем, зная, что по решению суда он может забрать себе ребенка. Вопрос об этом должен стать предметом общественной дискуссии. Соответствующие изменения могут быть внесены в Семейный кодекс, если данные репрезентативных социологических исследований покажут, что большинство населения поддерживает предлагаемые реформы.

Согласно действующему законодательству, все имущество супругов, совместно нажитое во время брака, является общим и после развода подлежит разделу пополам, даже

если один из них все это время зарабатывал намного меньше другого или вообще не работал. Правда, Семейный кодекс РФ предоставляет супругам право заключить брачный договор, определяющий режим совместной или раздельной собственности на все их имущество или на его отдельные части (жилье, земельный участок, автомобиль и т.д.). Но если жених предложит невесте (или она – ему) подписать договор об отказе от претензий на квартиру в случае развода, это будет воспринято как обидное недоверие и может привести к разрыву отношений. Поэтому число брачных договоров в нашей стране пока невелико, но оно растет из года в год. По данным Федеральной нотариальной палаты, в 2011 г. было заключено 40 тыс. брачных договоров, а в 2021 г. – уже 148 тыс., т.е. 16% от числа зарегистрированных в том же году браков³.

Результаты социологических опросов показывают довольно высокую степень социальной приемлемости брачных договоров, которые часто называют брачными контрактами. Данные исследования Банка «Открытие» и «Росгосстрах Банка», которое проводилось 25–30 июня 2021 г. среди 1500 россиян в возрасте 18–65 лет в городах с населением более 100 тыс. человек, показали, что: «чуть более 40% опрошенных заявили о положительном отношении к брачному контракту – чаще всего такой ответ давали жители Москвы и Московской области (49%), реже всего – на Северном Кавказе (30%). Еще 47% относятся к брачным контрактам нейтрально, считая, что каждая семья имеет право самостоятельно решать этот вопрос. В том, что брачный контракт не нужен вовсе, убеждены 10% респондентов»⁴.

Если заключение брачных договоров станет обязательным, то люди, которым есть что терять, перестанут бояться регистрации брака в ЗАГСе. Это будет стимулировать вступление в законный брак. Только при изменении социальных норм брачного и бракоразводного поведения меры материальной помощи для семей с детьми станут достаточно эффективными для стабилизации или даже для естественного прироста численности населения нашей страны в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гурко Т.А., Орлова Н.А. Развитие личности подростков в различных типах семей // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 99–108.
- Кучаева О.В., Марыганова Е.А., Петрякова О.Л., Синельников А.Б. О современной семье и ее воспитательном потенциале // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 49–55.
- Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С.В. Захаров. М.: ВШЭ, 2022. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/znig/ns_r19/sod_r.html (дата обращения: 29.09.2022).
- Синельников А.Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2. С. 26–39. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00013.
- Синельников А.Б. Влияние происхождения из неполной семьи на шансы создать и сохранить полную семью // Детерминация демографических процессов / Под ред. Н.В. Зверевой, В.Н. Архангельского. Демографические исследования. Вып. 21. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 168–184.
- Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / Под ред. А.И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2020. DOI: 10.29003/m857.SeDOJ-2019.
- Шевченко И.О. Отцы и отцовство в современной России: социологический анализ. М.: Тривант, 2019.

Статья поступила: 17.10.22. Принята к публикации: 17.03.23.

³ Число брачных договоров в России за последние 10 лет выросло в три раза // “Известия” (интернет-издание). 14.02.2022. URL: <https://iz.ru/1291008/2022-02-14/chislo-brachnykh-dogovorov-v-rossii-za-poslednie-10-let-vyroslo-v-tri-raza> (дата обращения: 29.09.2022).

⁴ Опрос показал, как россияне относятся к браку по расчету (2022). URL: <https://news.rambler.ru/community/46778887-opros-pokazal-kak-rossiyane-otnosyatsya-k-braku-po-raschetu/> (дата обращения: 29.09.2022).

SOCIAL ACCEPTABILITY OF OBJECTIVE AND SUBJECTIVE REASONS FOR DIVORCE IN MODERN RUSSIA

SINELNIKOV A.B.

Lomonosov Moscow State University, Russia

Alexander B. SINELNIKOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of the Department of Family Sociology and Demography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (sinalexander@yandex.ru).

Acknowledgements. The study was supported by a grant from the RSF, project No. 23-28-00518.

Abstract. According to surveys conducted by the Public Opinion Foundation, over the 10 years from 2012 to 2022, the social acceptability of divorces in Russia has increased. Residents of the country have become more likely to recognize as valid all the reasons for divorce provided in the questionnaires of both surveys. When a husband or wife demands a divorce because of the inappropriate behavior of the other spouse (adultery, drunkenness, physical violence, etc.), the reason for the divorce is objective. If someone demands to terminate the marriage due to the fact that he does not love a spouse who has not violated the rules of family life, then the reason is subjective. Divorces for objective reasons destroy many families, but the social institution of the family is destroyed only when society also recognizes the subjective reasons for divorce as valid. After that, people no longer believe that the strength of marriage depends on their behavior in the family. This leads to a decrease in the number of marriages and the birth rate. To increase the effectiveness of measures to increase the birth rate, it is necessary to influence public opinion about the reasons for which a marriage can be dissolved. In addition, the divorce laws need to be changed. In cases of a dispute between former spouses about the division of property or about which of them will have children, the courts should take into account the guilt of the husband or wife in the divorce.

Keywords: family, marriage, cohabitation, divorce, social acceptability, objective reasons for divorce, subjective reasons for divorce, divorce laws, number of children in the family, fertility.

REFERENCES

- Gurko T.A., Orlova N.A. (2010) Personal development of adolescents in different family types. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 99–108. (In Russ.)
- Kuchmaeva O.V., Maryganova E.A., Petryakova O.L., Sinelnikov A.B. (2010) On the modern family and its educational potential. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 49–55. (In Russ.)
- Russia's Population in 2019: 27th Annual Demographic Report.* (2022) Executive ed. S.V. Zakharov. Moscow: VSHE. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/znagi/ns_r19/sod_r.html (accessed 29.09.2022). (In Russ.)
- Shevchenko I.O. (2019) *Fathers and fatherhood in modern Russia: sociological analysis.* Moscow: Trovant. (In Russ.)
- Sinelnikov A.B. (2012) The influence of origin from a single-parent family on the chances of creating and maintaining a full family. Experience of sociological research. In: *Determination of demographic processes.* Ed. by N.V. Zvereva, V.N. Arkhangelsky. *Demographic Studies.* Vol. 21. Moscow: MAKSS Press: 168–184. (In Russ.)
- Sinelnikov A.B. (2019) Transformation of marriage and fertility in Russia. *Population* [Narodonaselenie]. No. 2: 26–39. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00013. (In Russ.)
- Values of family and child lifestyle (Sedol-2019)* (2020) Analytical report on the results of interregional socio-demographic research. Ed. by A.I. Antonov. Moscow: MAX Press. DOI: 10.29003/m857.Gray-2019. (In Russ.)

Received: 17.10.22. Accepted: 17.03.23.

© 2023 г.

Г.А. КЛЮЧАРЕВ, И.О. ТЮРИНА

БОЛОНСКИЙ ОПЫТ: УСПЕХИ И СОМНЕНИЯ

КЛЮЧАРЕВ Григорий Артурович – доктор философских наук, руководитель Центра социологии образования и науки Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор кафедры философии, социологии и права им. Г.С. Арефьевой НИУ «Московский энергетический институт» (kliucharev@mail.ru); ТЮРИНА Ирина Олеговна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (irina1-tiourina@yandex.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. Ожидаемый формальный выход российского высшего образования из Болонского процесса ставит вопрос об оценке опыта, накопленного в этой сфере. Актуален вопрос о возможности и целесообразности использовать этот опыт при дальнейшем развитии существующей системы образования. В статье использованы данные мониторинга Болонского процесса в органах управления образованием, в высших и средних учебных заведениях, а также среди их администраций и профессорско-преподавательского состава. Конкретные данные получены в совместном исследовании Центра социологии науки и образования ФНИСЦ РАН и Центра социального прогнозирования (N = 3677, октябрь 2021 г.). По трем подвыборкам выпускников – бакалавриата, магистратуры, специалитета – проанализированы следующие показатели: трудоустройство по полученной специальности, ожидаемая и фактическая заработная плата, готовность к дополнительному и непрерывному образованию. Даны оценка и прогноз применимости в условиях современных российских реалий таких «болонских» практик, как создание исследовательских университетов, ЕГЭ, ГИФО, образовательное кредитование, внутривузовские образовательные миграции и межуниверситетские обмены, преодоление неравенств и доступность качественного образования.

Ключевые слова: болонский опыт • бакалавриат • магистратура • специалитет • трудоустройство выпускников • доступность качественного образования • исследовательские университеты • онлайн- и дистанционное образование • дополнительное и непрерывное образование

DOI: 10.31857/S013216250025450-8

Немного предыстории Болонского процесса. Начавшееся в конце 1980-х гг. реформирование российского образования было связано с деидеологизацией учебного процесса. Причины и характер трансформаций в этой сфере обусловлены в первую очередь ориентацией на развитие рыночной экономики, а также более активную интеграцию страны в международные социально-экономические процессы. Распад СССР, уход от «руководящей роли КПСС» и смена политических приоритетов вызвали необходимость в перестройке существующих институтов образования и характера их деятельности.

Разумеется, нельзя оспаривать несомненные заслуги советской системы образования. В докладе одного из инвесторов российских реформ – Всемирного банка – отмечалось, что «главное достижение СССР – это очевидные успехи в общем образовании, как в его масштабах, так и в качестве. Поэтому в новой экономической ситуации надо суметь сохранить позитивный капитал прошлых лет» [World Bank..., 1996]. В 1992 г. был принят

закон «Об образовании», признанный ЮНЕСКО одним из самых прогрессивных и демократических законодательных актов конца XX в. [Днепров, 2006; 2011]. В тот же период начинают появляться частные (негосударственные) учебные заведения всех уровней, а бюджет сферы образования увеличивается в 2,5 раза. Постепенно открываются границы, устойчиво растет число образовательных и академических обменов.

Учитывая непростое экономическое положение в 1990-е гг., руководство страны приняло решение о получении первого кредита Всемирного банка (он же Мировой Банк реконструкции и развития) в 71 млн долл. на осуществление проекта «Инновации в российском образовании» (1997–2004)¹. Второй раз воспользоваться услугами Всемирного банка пришлось в 2001 г., когда был запущен проект «Реформы в российском образовании (2001–2006)», стоимостью 50 млн долл.² На этот раз была поставлена задача перестроить деятельность Министерства образования так, чтобы обеспечить более эффективное управление региональными системами образования.

Нельзя не сказать о третьем проекте, который также был реализован при финансовом участии Всемирного банка, – «Развитие электронного (цифрового, дистанционного – варианты перевода, используемого в документах термина «e-learning») образования» в 2004–2008 гг. при бюджете проекта в 100 млн долл.³ Именно в рамках этого проекта было осуществлено подключение большинства средних школ страны к Интернету или локальным коммуникационным сетям и учебно-информационным ресурсам (порталам), а в отдаленных сельских школах появилось учебное спутниковое телевидение.

Наряду с этим возникла необходимость в подготовке специалистов не только широкого профиля, но главное – с навыками продолжения учебы в соответствии с потребностями рынка труда и особенностями социально-экономической ситуации, что нашло выражение в понятии *непрерывного образования* [Kliucharev, 2001].

Все эти факторы были учтены при разработке и принятии государственной Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г.⁴, которая поддержала идеологию либеральных преобразований конца 1990-х – нач. 2000-х гг. и, по сути, стала официальным документом, определяющим механизм имплементации болонских принципов.

Страна не могла игнорировать происходящие в то же время процессы унификации и интеграции европейского образовательного пространства, в значительной степени обусловленные расширением Евросоюза [Rado, 2001; 2011]. Их началом стало принятие Советом министров Евросоюза Резолюции о первой программе сотрудничества в сфере образования [Добренкова, 2007; Трифанков, 2000]. Декларация «Зона европейского высшего образования», или Болонская декларация, была подписана министрами образования 29 европейских государств в г. Болонья 19 июня 1999 г. В документе провозглашался ряд основополагающих принципов, которым должны были следовать страны-участницы при планировании и развитии своих национальных образовательных систем. В идеале предполагалось создавать условия, при которых каждый обучающийся имел бы возможность самостоятельно выстраивать свою образовательную траекторию – выбирать форму обучения, переходить в другое учебное заведение как у себя в стране, так и за границей, получать такое качественное образование, которое позволит ему с наивысшими шансами трудоустроиться по специальности после окончания университета.

Россия присоединилась к Болонскому процессу в сентябре 2003 г. [Добренкова, 2007]. С тех пор в российском образовании, особенно в высшем профессиональном,

¹ Education Innovation Project // The World Bank. URL: <http://www.worldbank.org/projects/P008825/education-innovation-project?lang=en> (22.02.2023).

² Там же.

³ Russia – E-Learning Support Project (English) // The World Bank. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/2008/12/10166917/russia-e-learning-support-project> (дата обращения: 22.02.2023).

⁴ Приказ Минобрнауки РФ от 11 февраля 2002 г. № 393 «О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года». URL: <https://base.garant.ru/1588306/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/?ysclid=lefzbzfw9658234832> (дата обращения: 22.02.2023).

произошли важные изменения. Во-первых, в подавляющем большинстве вузов (кроме медицинских и военных) состоялся переход к двухуровневой системе подготовки специалистов (бакалавриат – магистратура). Во-вторых, были отменены вступительные испытания (экзамены и собеседования), прием стал осуществляться на основании данных Единого государственного экзамена (ЕГЭ). В-третьих, значительная часть студентов получила формальное право проходить часть обучения в других вузах, в том числе зарубежных (академические обмены). В-четвертых, получила существенное обновление и расширение система непрерывного и дополнительного образования. В-пятых, произошло постепенное становление национальных исследовательских университетов, в которых учебный процесс наиболее эффективно сочетался с научными исследованиями и разработками.

Ежегодные наблюдения периода 2005–2018 гг.⁵ за вхождением российского образования в Болонский процесс показали, что на начальном этапе наибольшую лояльность к преобразованиям демонстрировали высшие руководители (на уровне Министерства), тогда как среднее звено (уровень департаментов образования субъектов РФ) и особенно низовые органы (городские департаменты), а также профессорско-преподавательский состав были гораздо более сдержанны в оценке перспективности новаций [Горшков, Шереги, 2010; Ключарев, Неверов, 2018].

Определенную часть запланированных Министерством модернизационных мероприятий так и не удалось реализовать до конца. Изучение вопроса показало, что различные субъекты, имеющие отношение к образованию, были недостаточно информированы об ожидаемых преимуществах и выгодах, которые могут наступить при надлежащем исполнении реформы. Выяснилось, что доля экспертов, положительно воспринимающих реформы, устойчиво снижалась по оси «начальники – педагоги». Более половины учителей и преподавателей в самый разгар реформ (2009–2014) отнеслись к преобразованиям настороженно и считали их преждевременными.

Хотя ситуация постепенно менялась в сторону более широкого признания Болонских принципов и соответствующих им учебных регламентов и стандартов, дискуссии о целесообразности проводимых реформаций продолжались [Бурганова, Фарус, 2021; Добрынина, 2019; Ширинкина, Кельчевская, 2020; Упоров, 2020].

Изучая болонский опыт двух десятилетий, сегодня вполне естественно задаться вопросом о его ценности и значении для дальнейшего развития российского образования. Один из подходов – макроэкономический – рассматривает воспроизводство и развитие социума, в первую очередь, в экономических и социально-политических аспектах [World Bank..., 1996; Окунькова, 2017; 2018] и базируется на официальной статистике. Другой подход – социологический – связан с изучением мнения людей об образовании вообще и о результатах образования, которое они получили.

Сконцентрируемся на социологических данных. Для этого мы выделили такие индикаторы результативности образования, как *характер трудоустройства* после окончания учебного заведения, *совпадение выполняемой работы со специальностью*, полученной при обучении, *соотношение ожидаемой и реальной заработной платы*, потребность в дополнительном профессиональном образовании.

Методика исследования и результаты. Мы использовали данные, полученные от молодых специалистов, которые завершили обучение ко времени проведения опроса от 1 до 5 лет ранее и являются обладателями дипломов бакалавров, специалистов или

⁵ Использованы данные мониторинга Болонского процесса в органах управления образованием, в высших и средних учебных заведениях, а также среди их администраций и профессорско-преподавательского состава. Модель выборки: руководители и их заместители органов управления образованием субъектов РФ ($N = 130$), руководители районных органов управления образованием ($N = 400$), руководители вузов (ректоры) и их заместители ($N = 400$), преподаватели вузов ($N = 1400$), директора ($N = 600$) и учителя средних общеобразовательных школ ($N = 1400$). Опрошены родители учащихся ($N = 1200$). Опрос проходил в 65 субъектах Российской Федерации – в мегаполисах, областных центрах, районных центрах, селах и поселках.

магистров. Для последних бакалаврская степень не учитывалась. Исследование проводилось Центром социологии науки и образования ФНИСЦ РАН совместно с Центром социального прогнозирования (рук. Ф.Э. Шереги), выборка квотная ($N = 3677$, октябрь 2021). Сформированы три подвыборки: лица, имеющие диплом бакалавра (55,7%), диплом магистра (17,1%), диплом специалиста (26,7%). После окончания вуза 0,5% получили ученую степень, они из дальнейшего рассмотрения исключены. Такие подвыборки позволили сравнить показатели двухступенчатой болонской (бакалавриат – магистратура) системы подготовки профессиональных кадров и одноступенчатой (специалитет).

Размеры подвыборок в целом соответствуют соотношению численности студентов, обучающихся по учебным программам бакалавриата (68,7%), магистратуры (12,9%), специалитета (18,4%) по всей российской системе высшего профессионального образования, что позволяет считать наши три подвыборки репрезентативными [Образование в цифрах..., 2020].

Обратим внимание, что показатели трудоустройства сразу по завершении учебы в вузе практически одинаковы для всех подгрупп: бакалавры – 47,1%, специалисты – 47,7%, магистры – 49,9%. Если рассмотреть тех выпускников, кто трудоустроился по специальности через несколько месяцев и более, то среднее значение в этих группах составляет соответственно: 4,2 месяца до 1,6 года (бакалавры); 4,4 месяца до 1,3 года (специалисты); 4,2 месяца до 1,5 года (магистры).

Отметим, что обладателей «красных» дипломов с отличием у выпускников бакалавриата и магистратуры (43,8 и 36,5%) в два раза больше, чем в специалитете (18,2%). Возможно, здесь сказывается профиль обучения, так как по многим направлениям специалитета учиться труднее (например, медицинские, технические, художественные направления). Однако для работодателя в большей степени важен не цвет диплома, а компетенции, опыт и рекомендации. Диплом с отличием имеет лишь имиджевое значение и, возможно, сигнализирует о наличии определенных качеств (например, усердие, трудолюбие, хорошая память и т.д.), которые значимы для учебного процесса, но не всегда приоритетны в трудовой деятельности. Кстати, среди обладателей красных дипломов в два раза больше окончивших сельскую школу (26,6%), чем среди тех, кто учился в Москве и С.-Петербурге (11,1%). Выпускники школ областных центров, районных центров и ПГТ, окончившие с красными дипломами вуз, составляют 15,4% (бакалавры), 15,7% (специалисты) и 21,5% (магистры) соответственно.

В ходе исследования не выявлено разницы в количестве бакалавров (48%) и специалистов (50,4%), испытывающих проблемы с трудоустройством. У магистров ситуация несколько лучше (38,1%), поскольку они могут сменить специализацию после бакалавриата и последующие два года изучать то, что действительно востребовано на рынке труда. К факторам, которые затрудняют поиск подходящей работы, относится двукратное несоответствие ожидаемой (по мнению выпускников) и фактической (предложение работодателя) заработной платы (в тыс. руб.): бакалавры – 71446/40299; специалисты – 77113/41801; магистры – 74991/43900. Важно отметить, что разницы в зарплатах рассматриваемых групп молодых специалистов практически нет.

Особая группа молодых специалистов – те, кто трудоустроился по получаемой специальности еще во время учебы в вузе. К этой категории относится каждый пятый из общего числа выпускников, и в их число не входят те, кто во время учебы работал не по специальности, то есть «подрабатывал» официантом, курьером и т.д. Работали по специальности секретари органов правосудия, младший медперсонал (санитары), стажеры и индивидуальные предприниматели (например, в сфере IT). На первом курсе начали работать по специальности 10,2%, на втором – 3,9%, на третьем – 20,5%, на четвертом – 30,4%, на пятом – 21,6%, на шестом – 7,4% (6% затруднились с ответом). Показатели по бакалавриату, магистратуре и специалитету опять практически совпали. Однако надо иметь в виду, что продолжает учебу в магистратуре четверть и менее выпускников бакалавриата. Соответственно, активным трудоустройством бакалавры начинают заниматься

Таблица 1

**Совпадает / не совпадает нынешняя работа с полученной специальностью
(компетенцией, квалификацией) (%)**

Показатели	Совпадает в полной степени	Совпадает частично	Совсем не совпадает
Бакалавры	59,2	28,5	11,8
Специалисты	65,2	25,7	7,7
Магистры	64,9	27,0	6,9

Таблица 2

Имеется потребность в повышении квалификации по имеющейся специальности (%)

Показатели	Бакалавры	Специалисты	Магистры
Потребность в повышении квалификации имеется	58,8	63,8	67,6
Повышать квалификацию нет необходимости	32,1	28,5	25,6
Не знают (не ответили)	9,1	7,7	6,8

после четвертого курса, в то время как специалисты – после пятого. В итоге мы получаем следующую картину совпадения или несовпадения выполняемой работы трудоустроенных с полученной специальностью (табл. 1). Здесь, как и в предыдущих случаях, различия между изучаемыми группами минимальны.

Один из принципов болонских соглашений – развитие образовательной миграции, заключающийся в возможности смены места обучения и переезда в другой город. По данным статистики, 7–10% семей намерены изменить место постоянного жительства, чтобы не разлучаться с детьми-студентами, поступившими в вуз в другом городе [Курбатова, Донована и др., 2022]. Обратная сторона таких процессов – усиление фрагментизации (неравенства) социально-экономического пространства страны. Этот процесс демографы называют «улицей с односторонним движением», поскольку регионы-доноры снижают свою региональную социальную капитализацию.

К особенностям образовательной миграции относится географическое положение места, где в дальнейшем выпускники трудоустраиваются. Данные свидетельствуют, что две трети остаются в том же городе, где учились, и работают по специальности: 68,6% (бакалавры), 72,2% (специалисты), 79,8% (магистры).

Важным показателем эффективности обучения является потребность продолжать обучение после получения диплома. В проведенном исследовании принимались во внимание различные формы дополнительного профессионального образования (ДПО) – повышение квалификации на специальных курсах за свой счет и за счет работодателя, самообразование, обучение на рабочем месте, формальное/неформальное (без получения диплома и прохождения квалификационного испытания) обучение (табл. 2).

По этому показателю также значимых различий между исследуемыми группами не выявлено. Однако полученные данные существенно отличаются от средних аналогичных по всему взрослому населению (от 18 до 65 лет). Так, согласно опросам типа IALS (международное исследование грамотности взрослого населения), PIAAC (международное исследование компетенций), лишь один из трех респондентов (в том числе в России) участвует или готов участвовать в непрерывном образовании или ДПО. Возможно, это объясняется тем, что в нашем исследовании речь идет исключительно о профессиональном образовании, а в указанных международных проектах во внимание принимался любой вид образования, включая досуговое, неформальное, информальное, либеральное (*liberal arts*).

Обсуждение результатов. В проведенном исследовании рассматривались все основные виды высшего профессионального образования (инженерно-техническое, педагогическое, гуманитарное), которые охватывают до 90% всех учащихся [Образование в цифрах..., 2020].

Вне анализа остались военное, медицинское и творческо-художественное, которые не являются массовыми и имеют высокую специфичность как по целям, так и по методам учебы.

Если признавать важнейшими показателями эффективности высшего профессионального образования особенности трудоустройства выпускников, характер и условия работы, из которых складывается интегральный показатель удовлетворенности образованием, то по ним и следует оценивать значение болонского опыта в нашей стране. Полученные эмпирические данные показали, что «классический» одноуровневый специалитет в сравнении с двухуровневой «болонской» системой подготовки кадров не имеет выраженных преимуществ. Вопрос остается в экономико-политической плоскости, где один из важнейших показателей – продолжительность обучения. Речь может идти о нескольких сотнях тысяч молодых людей, которые либо задержатся в учебных аудиториях и лабораториях еще на год-два, или же будут предоставлены сами себе в поиске подходящей работы. Возможно, для экономики выгоднее отложить выход на рынок труда не очень ценных специалистов, которые создадут дополнительное давление на фактически работающих людей и особенно на старшее (предпенсионное) поколение. Еще острее этот сюжет становится в связи с повышением пенсионного возраста.

Однако на практике мы видим, что для 60–70% студентов учебный процесс заканчивается четырьмя годами (бакалавриат). Именно эти выпускники реально создают избыточную конкуренцию и повышают уровень безработицы или частичной занятости на российском рынке труда [Булатова, 2020; Маликова, 2021].

Другой опыт, связанный с Болонскими соглашениями, – это Единый государственный экзамен (ЕГЭ). благодаря которому абитуриенты независимо от места проживания получили возможность поступать в любой, даже самый престижный вуз страны [Clarke, Luna-Bazaldúa, 2021]. Другой положительной стороной этой новации стало устранение коррупционной составляющей в высших учебных заведениях при поступлении на первый курс [Кузьминов, Юдкевич, 2021; Каменский, 2021].

Для выравнивания возможностей доступа абитуриентов к качественным учебным программам была предпринята попытка развития образовательного кредитования и государственных именных финансовых обязательств (ГИФО). Однако в силу низкой рентабельности и отсутствия государственной (законодательной и финансовой) поддержки лишь несколько банков реализовали в пилотном режиме программу этого кредитования и потом от нее отказались. При этом механизм государственного индивидуального финансирования оказался неэффективным, потому что не удалось обеспечить адресной поддержки малоимущим. Кстати, и сейчас по той же причине значительную часть бюджетных мест занимают студенты из вполне обеспеченных семей, которые вполне могли бы оплачивать обучение самостоятельно и не снижать возможности поступления тех абитуриентов, которые стеснены в средствах на учебу. Доля бюджетных мест при этом устойчиво понижается⁶.

В контексте обеспечения доступности качественного образования важный опыт связан с дистанционным обучением в период пандемии коронавируса. Дистанционное (online) и машинное образование существенно расширяет возможности абитуриентов и студентов из малообеспеченных семей, а также тех, кто по различным причинам остается в семье или проживает вдали от вузов. Эта форма организации учебного процесса исключительно эгалитарна (доступна массовой аудитории) и как путь к меритократии – создание возможностей продвижения наиболее способной и талантливой молодежи – постепенно может стать одним из важных элементов государственной политики.

Как бы скептически не относилась к дистанционному обучению часть заинтересованных лиц, новые технологии открывают принципиально иные возможности. На это обратил внимание президент РФ: «Доступ к знаниям высококлассных специалистов с помощью

⁶ Ивушкина А. Дефицит «бюджета»: бесплатных мест в вузах станет меньше // Известия. 24.06.2019. URL: <https://iz.ru/891457/anna-ivushkina/deficit-biudzheta-besplatnykh-mest-v-vuzakh-stanet-menshe-na-chetvert> (дата обращения: 03.04.2023).

современных дистанционных способов, конечно, чрезвычайно важен. Это приводит к потрясающим эффектам. Это важно и для нас с учетом огромной территории»⁷. В то же время многие специалисты согласны с тем, что электронное обучение не должно стать единственно возможным или доминирующим форматом обучения. Такая точка зрения также поддерживается на высоком уровне: «Дистанционный способ обучения должен дополнять то, что мы традиционно используем»⁸.

Один из важных Болонских принципов, который восходит к основателю современного университета Ф. Гумбольдту, – соединение образования и науки. Без научных исследований и их внедрения (коммодификации и коммерциализации) учебное заведение превращается в «фабрику дипломов», которые кое-кто называет «квитанциями за оплаченное обучение». Стоит вспомнить, что задолго до Болонских соглашений в нашей стране приоритетным местом для проведения фундаментальных и прикладных исследований были специализированные институты системы Академии наук СССР, впоследствии РАН. Учебная деятельность в них была сосредоточена в форме аспирантуры, докторантуры, института стажировок. Университетам как учебным заведениям «доставалось» мелкотемье и коммерческие (хоздоговорные) прикладные разработки. Однако благодаря «Проекту 5–100», в той степени, в какой он является частью Болонского процесса, за рассматриваемый период возникли флагманы университетского образования и науки – национальные исследовательские и федеральные университеты – всего 39 по стране [Суходолов, Анохов и др., 2019]. В них преподавание сочетается с активными исследованиями и разработками, а многие ведущие ученые системы РАН полностью или частично переходят в штат. При этом складывается определенная специализация – молодые преподаватели и некоторые старшие аспиранты несут на своих плечах основную педагогическую (аудиторную) нагрузку, активно контактируют со студентами, участвуют в конференциях. Другая часть (по нашим оценкам 10–20% штатного состава и совместителей) – в основном наиболее опытная и «плодовитая» в научном смысле – сосредоточены на исследованиях и обеспечивают высокие наукометрические показатели своим кафедрам. Они принимают активное участие в малых инновационных предприятиях (МИП), Центрах превосходства, получают гранты российских фондов, 15–20% из которых идет на развитие университета. В идеале эти сотрудники могут претендовать на должность *профессора-исследователя*, который освобожден от преподавания (возможно руководство аспирантами), полностью сосредоточен на научной деятельности и тем самым повышает исследовательскую и общую привлекательность университета.

Кстати, Болонский «след» хорошо просматривается в запущенном недавно проекте совершенствования системы российского высшего образования «2030»⁹.

Заключение. Обеспечение трудоустройства и сохранение занятости выпускников образовательных институций различного уровня (средний общий, средний специальный и высший профессиональный) – основной эволюционный механизм воспроизводства социальной структуры любого общества. Принимая во внимание особенности социально-политических и экономических процессов, которые происходили в нашей стране последние два-три десятилетия, становится понятной необходимость реформирования всех уровней образования – в первую очередь общего и высшего. В этом контексте «Болонский опыт» как концепт, используемый в общественно-политической риторике и как совокупность управленческих практик, становится частью общегосударственных реформационных мероприятий. Происходит это вне зависимости от формального участия страны в Болонском процессе. Сам процесс реформирования российского образования, учитывая достаточно удаленные во времени его результаты, во многом определяется

⁷ URL: <https://tass.ru/obschestvo/12191277> (дата обращения: 03.04.2023).

⁸ Там же.

⁹ Стратегические приоритеты в сфере реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 года (в ред. Постановления Правительства РФ от 07.10.2021 № 1701). URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/f9321ccd1102ec99c8b7020bd2e9761f/download/4444/> (дата обращения: 22.02.2023).

политическим и общественным заказом. Большинство акторов и институций хотели бы наиболее полной реализации своих интересов в принимаемых учебных программах, формах организации учебного процесса. Вспомним, к примеру, как в первое десятилетие советской власти государство квотировало по классово-сословному основанию прием в высшую школу. Сейчас понятно, что такая практика на несколько десятилетий в дальнейшем лишь увеличила образовательное неравенство и снизила качество образования. Однако она отвечала провозглашенным в то время политическим ориентирам и ценностям.

Сегодня одна из безусловных и главных целей профессионального образования – повышение экономической конкурентоспособности страны, создание технологически креативного общества, в котором инновации обеспечат выгоды, значительно превышающие издержки изобретательства и внедрения (см. Стратегия научно-технологического развития РФ)¹⁰. В связи с этим особое значение имеет положительное отношение к практикам возникновения и поддержки инноваций и креативным проектам, которые сложились в российских вузах и университетах за два десятилетия Болонского реформирования.

В этом смысле сомнения в ценности опыта Болонского процесса для нашей страны видятся, на наш взгляд, излишними. Этот опыт стал органической частью проводимых реформ, логика которых определялась не «заимствованиями» с Запада, а внутренней необходимостью развития российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляков С.А. Оценка вклада высшего и среднего профессионального образования в экономику российских регионов / С.А. Беляков, Т.Л. Клячко. М.: Издательство «Дело», 2016.
- Булатова Г.А. Трудоустройство выпускников высших учебных заведений: аналитический обзор статистических данных и материалов исследований // Экономика. Профессия. Бизнес. 2020. № 3. С. 14–20. DOI: 10.14258/epb201981.
- Бурганова И.Н., Фарус О.А. Многоуровневое высшее образование в РФ: состояние и проблемы // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71, часть 1. С. 53–56.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Модернизация российского образования: проблемы и перспективы. М.: Центр социального прогнозирования, 2010.
- Днепров Э.Д. Образование и политика (в 2 т.). М.: Мариос, 2006.
- Днепров Э.Д. Российское образование в XIX – начале XX века (в 2 т.). М.: Мариос, 2011.
- Добренкова Е.В. Проблемы вхождения России в Болонский процесс // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 102–105.
- Добрынина М.В. Государственная политика в области инженерного образования: традиции и современность. М.: Триумф, Лучшие книги, 2019.
- Каменский Е.Г. Коррупциогенные риски модернизации высшего образования в социокультурном контексте современной России: теоретический очерк // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/29KLSK221.pdf> (дата обращения: 22.02.2023).
- Ключарев Г.А., Неверов А.В. Проект «5–100»: некоторые промежуточные итоги // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 1. С. 100–116. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-100-116.
- Кузьминов Я.И., Юдкевич М.И. Университеты в России: как это работает. М.: ИД ВШЭ, 2022.
- Курбатова М.В., Донова И.В., Кранзеева Е.А., Леухова М.Г. Образовательная миграция в регионах ресурсного типа // Мир России. 2022. Т. 31. № 1. С. 91–112. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-91-112.
- Маликова В.В. Использование потенциала человеческого капитала предпенсионеров в решении задачи снижения безработицы и трудоустройства студентов и выпускников вузов: теоретические аспекты // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. № 54. С. 158–169. DOI: 10.17223/19988648/54/8.
- Образование в цифрах. Краткий статистический сборник / ред. Л.М. Гохберг. М.: ИД ВШЭ, 2020.
- Окунькова Е.А. Интегральная оценка высшего образования // Гуманитарные технологии и интеллектуальное лидерство. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. С. 155–159.

¹⁰ Указ Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технического развития Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (03.04.2023).

- Суходолов А.П., Анохов И.В., Михалёва Е.О. Университетская наука. Внутренние возможности стимулирования научной деятельности в российских университетах // Экономика науки. 2019. № 2. С. 129–142.
- Трифанков Ю.Т. Вуз и российское общество: 30–90-е годы XX века / Трифанков Ю.Т., Рафиенко Е.Н. Брянск: Изд-во БГТУ, 2000.
- Упоров И.В. Научно-педагогическая свобода и стандарты в вузах: проблема соотношения в рамках единого образовательного процесса // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 8. С. 78–83.
- Ширинкина Е.В., Кельчевская Н.Р. Система «Настройка образовательных структур» («Tuning of educational structures») при формировании единого образовательного пространства // Современное образование. 2020. № 1. С. 33–52. DOI: 10.25136/2409–8736.2020.1.3191.
- Clarke M., Luna-Bazaldúa D. Primer on Large-Scale Assessments of Educational Achievement. National Assessments of Educational Achievement. Washington, DC: World Bank, 2021.
- Kliucharev G. New Challenges in Adult Learning Policy in Russia / Post-school Education and the Transition from State Socialism / Ed. by James Muckle and W. John Morgan. Nottingham: Continuing education press, 1999.
- Rado P. Transition in Education: Policy Making and the Key Educational Policy Areas in the Central-European and Baltic Countries. Budapest: Open Society Institute, 2001.
- Rado P. Governing Decentralized Education Systems: Systemic Change in South Eastern Europe. Budapest: Open Society Institute, 2011.
- World Bank. World Development Report – From Plan to Market. New York: Oxford Univ. Press, 1996.

Статья поступила: 27.02.23. Финальная версия: 03.04.23. Принята к публикации: 03.04.23.

BOLOGNA EXPERIENCE: SUCCESSES AND DOUBTS

KLYUCHAREV G.A.* **, TYURINA I.O.*

* Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

**Moscow Power Engineering Institute, Russia

Grigory A. KLYUCHAREV, Dr. Sci. (Philos.), Head of the Center for Sociology of Education and Science of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law named after G.S. Arefieva (kliucharev@mail.ru); Irina O. TYURINA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (irina1-tiourina@yandex.ru). Both – Moscow, Russia.

Abstract. The expected formal withdrawal of Russian higher education from the Bologna process raises the question of assessing the experience gained in this area over two decades. The question of the possibility and expediency of using this experience in the further development of existing education is of high relevance. The article uses data from the monitoring of the Bologna process in education management bodies, in higher and secondary educational institutions, as well as among their administrations and teaching staff. Specific data were obtained by a joint study of the Center for the Sociology of Science and Education of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences and the Center for Social Forecasting LLC (N=3677, October 2021) For three subsamples of graduates: bachelor's degree, master's degree, specialty – the following indicators were analyzed: employment in the received specialty, expected and actual wages, readiness for additional and continuing education. An assessment and forecast of the applicability in the conditions of modern Russian realities of such "Bologna" practices as the creation of National research universities, the Unified State Examination, GIFO, educational lending, intra-country educational migration and inter-university exchanges, overcoming inequalities and the availability of quality education.

Keywords: Bologna experience, bachelor's degree, master's degree, specialty, employment of graduates, availability of quality education, research universities, online and distance education, additional and continuing education, lifelong learning.

REFERENCES

- Belyakov S.A. (2016) *Evaluation of the contribution of higher and secondary vocational education to the economy of Russian regions*. Moscow: Delo. (In Russ.)
- Bulatova G.A. (2020) Employment of graduates of higher educational institutions: an analytical review of statistical data and research materials. *Ekonomika. Professiya. Biznes*. [Economics. Profession. Business]. 2020. Vol. 3: 14–20. DOI: 10.14258/epb201981. (In Russ.)
- Burganova I.N., Farus O.A. (2021) Multilevel higher education in the Russian Federation: state and problems. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. [Problems of modern pedagogical education]. Vol. 71, Part 1: 53–56. (In Russ.)
- Clarke M., Luna-Bazaldua D. (2021) *Primer on Large-Scale Assessments of Educational Achievement. National Assessments of Educational Achievement*. Washington, DC: World Bank.
- Dneprov E.D. (2006) *Education and politics (in 2 volumes)*. Moscow: Marios. (In Russ.)
- Dneprov E.D. (2011) *Russian education in the XIX – early XX century. (in 2 volumes)*. Moscow: Marios. (In Russ.)
- Dobrenkova E.V. (2007) Problems of Russia's entry into the Bologna process. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research]. No. 6: 102–105. (In Russ.)
- Dobrynina M.V. (2019) *State policy in the field of engineering education: traditions and modernity*. Moscow: Triumph Publishing House, Best Books. (In Russ.)
- Education in numbers. (2020) Brief statistical collection. L.M. Gokhberg, ed. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2010) *Modernization of Russian education: problems and prospects*. Moscow: Center for Social Forecasting. (In Russ.)
- Kamensky E.G. (2021) Corruption risks of modernization of the higher education in a sociocultural context of modern Russia: theoretical sketch. *Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya*. [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies]. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/29KLSK221.pdf> (In Russ.)
- Kliucharev G. (1999) New Challenges in Adult Learning Policy in Russia / Post-school Education and the Transition from State Socialism / Ed. by James Muckle and W. John Morgan. Nottingham: Continuing education press.
- Kliucharev G., Neverov A. (2018) Project «5–100»: some intermediate results. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. No. 1: 100–116. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-100-116. (In Russ.)
- Kurbatova M.V., Donova I.V., Kranzeeva E.A., Leukhova M.G. (2022) Educational migration in resource-type regions. *Mir Rossii*. [Universe of Russia]. Vol. 31. No. 1: 91–112. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-91-112. (In Russ.)
- Kuzminov Ya.I., Yudkevich M.I. (2022) *Universities in Russia: how it works*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
- Malikova V.V. (2021) Using the potential of the human capital of pre-retirees in solving the problem of reducing unemployment and employment of students and university graduates: theoretical aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin. Economy]. Vol. 54: 158–169. DOI: 10.17223/19988648/54/8. (In Russ.)
- Okunkova E.A. (2017) Integral assessment of higher education. *Humanitarian technologies and intellectual leadership. Gumanitarnyye tekhnologii i intellektual'noye liderstvo* [Humanitarian technologies and intellectual leadership]. Moscow: EU im. G.V. Plekhanov: 155–159. (In Russ.)
- Rado P. (2001) *Transition in Education: Policy Making and the Key Educational Policy Areas in the Central-European and Baltic Countries*. Budapest: Open Society Institute.
- Rado P. (2011) *Governing Decentralized Education Systems: Systemic Change in South Eastern Europe*. Budapest: Open Society Institute.
- Shirinkina E.V., Kelchevskaya N.R. (2020) System «Tuning of educational structures» in the formation of a single educational space. *Sovremennoye obrazovaniye* [Modern education]. Vol. 1: 33–52. DOI: 10.25136/2409-8736.2020.1.31911. (In Russ.)
- Sukhodolov A.P., Anokhov I.V., Mikhaleva E.O. (2019) University Science. Internal opportunities for stimulating scientific activity in Russian universities. *Ekonomika nauki*. [Economics of Science]. Vol. 2: 129–142. (In Russ.)
- Trifankov Y.T., Rafienko E.N. (2000) *University and Russian society: 30–90 years of the 20th century*. Bryansk: BSTU. (In Russ.)
- Uporov I.V. (2020) Scientific and pedagogical freedom and standards in universities: the problem of correlation within the framework of a single educational process. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. Vol. 8: 78–83. (In Russ.)
- World Bank. *World Development Report – From Plan to Market*. (1996) New York: Oxford Univ. Press.

Е.Я. ВАРШАВСКАЯ

ПРАКТИКИ ВНУТРИФИРМЕННОГО ОБУЧЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ: МАСШТАБЫ И ДЕТЕРМИНАНТЫ

ВАРШАВСКАЯ Елена Яковлевна – доктор экономических наук, профессор Департамента организационного поведения и управления человеческими ресурсами Высшей школы бизнеса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (evarshavskaya@hse.ru).

Аннотация. В статье анализируются масштабы внутрифирменного обучения выпускников вузов, описываются его основные практики, определяются факторы участия в нем. Эмпирической основой выступают данные федерального обследования выпускников вузов, завершивших обучение в 2016–2020 гг. Около четверти из них проходили дополнительное обучение в первый год работы. Вероятность дообучения выше для выпускников-очников, занимающих позиции специалиста. Она не зависит от того, работает он по специальности или нет. Дефицитность профессиональных навыков и важность личностных качеств для успешной работы существенно повышают включенность в обучение. Показано, что внутрифирменное обучение выступает как инструмент преодоления разрыва между имеющимися у выпускников и необходимыми для работодателя знаниями и навыками, главным образом профессионального содержания. Установлено, что участие в практиках внутрифирменного обучения дифференцировано по квалификационно-должностным группам и дефицитности различных видов знаний и навыков. В целом организованные формы дообучения, с одной стороны, наставничество и самообучение – с другой, выступают как взаимоисключающие друг друга практики. Наставничество и самообучение во многом являются взаимодополняемыми видами внутрифирменной подготовки.

Ключевые слова: выпускники вузов • внутрифирменное обучение • формальное образование • наставничество • самообучение

DOI: 10.31857/S013216250024229-4

Успешность перехода от учебы к работе выпускников вузов, характеристики их занятости выступают важными показателями эффективности государственных и личных инвестиций в образование, соответствия рынка образовательных услуг потребностям рынка труда. Установлено, что безработица после окончания вуза или длительный поиск работы имеют долгосрочный негативный эффект на занятость и заработную плату [Bell, Blanchflower, 2011; Möller, Umkehrer, 2015; Schmillen, Umkehrer, 2017], а несоответствие между навыками и требованиями рабочего места на ранних этапах карьеры сохраняется надолго [Baert et al., 2013; Carroll, Tani, 2013; Meroni, Vera-Toscano, 2017]. Значимость успешного входа на рынок труда в современных российских условиях усиливается, что связано с резкими демографическими изменениями, существенным сокращением численности молодежи, структурной трансформацией экономики.

Изучению перехода от учебы к работе посвящено немало работ российских исследователей. В них главным образом анализируются особенности трудоустройства и занятости выпускников вузов в начале трудовой карьеры [Емелина и др., 2022; Зубок, Чупров, 2015; Чередниченко, 2018, 2020; Шарунина и др., 2020], продолжительность и траектории перехода «учеба – работа» [Бурдяк, Поливин, 2009; Варшавская, 2016; Рощин, 2006], факторы, влияющие на величину стартовых заработных плат [Кириюшина, Рудаков, 2021; Колосова и др.,

2020; Рошин, Рудаков, 2016; Рудаков и др., 2017]. Вне поля зрения пока еще остаются вопросы внутрифирменного до- и переобучения недавних выпускников. Вместе с тем значимость этих процессов не вызывает сомнений. Во-первых, она определяется тем, что ни одно, даже самое качественное профессиональное образование не может дать набор навыков и знаний, полностью соответствующих требованиям конкретного работодателя. Нередко возникает необходимость в их оперативной «подгонке» под рабочее место. Во-вторых, потребность в переобучении актуализируется тем, что около трети российских выпускников не работает по специальности, приобретенной в вузе [Колосова и др., 2020; Чередниченко, 2020]. Наконец, включенность новичков в обучение способствует их успешной адаптации и ускоряет организационную и профессиональную социализацию [Chao, 2014; Kowtha, 2011; Oh, 2016], а его положительный опыт стимулирует участие работников в будущей деятельности по развитию и обучению [Armstrong-Stassen, Schlosser, 2008; Sanders et al., 2011].

Цель статьи – оценить масштабы внутрифирменной подготовки недавних выпускников вузов, охарактеризовать ее основные практики, проанализировать факторы участия в обучении.

Эмпирическая основа исследования – микроданные Федерального статистического выборочного наблюдения трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование, проведенного Росстатом в апреле–сентябре 2021 г. (далее – ВТР 2021). Респондентами стали обладатели дипломов о высшем или среднем профессиональном образовании, выданных в 2016–2020 гг.¹ Всего было опрошено 21 526 человек, в том числе 11 062 выпускника с высшим образованием. Для решения задач исследования была сформирована подвыборка, включающая в себя респондентов, получивших высшее образование, занятых на первой работе по найму (9325 человек).

Сколько и кого дообучают? Для оценки охвата внутрифирменной подготовкой респондентам задавался вопрос: «Имел ли место процесс дообучения (переобучения) в течение первого года работы, и за чей счет проводилось это обучение?» Отметим две методические особенности. Во-первых, под «работой» понималось первое трудовое место после получения профессионального образования. Во-вторых, соединение двух вопросов (о факте обучения и его оплате), а также включение в число подсказок варианта ответа «да, без вложения средств» и расположение версии «нет, не обучался» последней в списке позволили получить утвердительные ответы не только от тех, кто был охвачен какими-либо организованными формами обучения, но и от обучавшихся неформально или самостоятельно.

Четверть (25,5%) трудоустроившихся после окончания вуза выпускников обучалась в течение первого года работы (табл. 1). Дескриптивный анализ показал, что включенность во внутрифирменное обучение значимо различается в зависимости от формы учебы в вузе. Среди выпускников, получивших очное образование, доля прошедших дообучение практически вдвое больше по сравнению с заочниками (29 и 15,8% соответственно). Вечерники занимают промежуточное положение по охвату обучением (22,9%). Распространенность внутрифирменной подготовки выше среди специалистов высокой и средней квалификации и служащих, а также среди квалифицированных рабочих (26–29%). Минимальный показатель охвата обучением, что неудивительно, зафиксирован в группе неквалифицированных рабочих (11,9%). Обратим внимание, что практически отсутствуют различия в охвате обучением выпускников, работающих и не работающих по специальности (25,8 и 24,9% соответственно).

Анкета ВТР 2021 содержала вопросы о важности, а также о достаточности/дефицитности отдельных навыков и умений для выполнения основных обязанностей на первой работе². В обоих случаях респондентам предлагался одинаковый набор вариантов ответов,

¹ Федеральное статистическое выборочное наблюдение трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html (дата обращения: 03.03.2023).

² Вопросы были сформулированы следующим образом: Какие из следующих знаний и умений были наиболее важными для удовлетворительного выполнения ваших обязанностей на первой работе? Каких знаний и умений вам больше всего не хватало для выполнения основных обязанностей на первой работе? В обоих случаях можно было выбрать не более семи вариантов ответа.

Таблица 1

Охват обучением выпускников в первый год работы
(в % от соответствующей группы)

Группа	%
<i>Пол</i>	
Мужчины	25,6
Женщины	25,4
<i>Финансирование учебы в вузе</i>	
За счет бюджетных ассигнований	26,7
На платной основе	24,6
<i>Форма обучения в вузе</i>	
Очная	29,0
Очно-заочная (вечерняя)	22,9
Заочная	15,8
<i>Наличие работы во время учебы в вузе</i>	
Работали во время учебы, в том числе	23,3
По специальности	21,1
Не по специальности	26,4
Не работали во время обучения	27,2
<i>Связь первой работы со специальностью по диплому</i>	
Работают по специальности	25,8
Не работают по специальности	24,9
<i>Квалификационно-должностная группа на первой работе*</i>	
Руководители	18,1
Специалисты высшего уровня квалификации	26,2
Специалисты среднего уровня квалификации	29,4
Служащие	27,5
Работники сферы обслуживания и торговли	22,6
Квалифицированные рабочие промышленности	27,7
Операторы, сборщики, водители	21,2
Неквалифицированные рабочие	11,9
В целом по всем трудоустроившимся выпускникам	25,5

Примечание. *Группа «Квалифицированные работники сельского хозяйства» не рассматривается из-за малой численности.

Источник: расчеты автора по ВТР 2021.

в которых упоминались 17 навыков, знаний и качеств. Для анализа мы сгруппировали их, выделив следующие категории: профессиональные, коммуникативные навыки, умение работать с информацией, общие знания и личностные качества. К профессиональным навыкам были отнесены технические, относящиеся к работе, умение использовать профессиональную документацию, работать с оборудованием/технологиями, знание продвинутых компьютерных программ; к коммуникативным – навыки устной и письменной коммуникации, ведения переговоров, разрешения конфликтов, работы в команде, способность к сотрудничеству. Умение работать с информацией подразумевало навыки ее поиска, интерпретации и обобщения, а также способность находить новые идеи и приемы работы; общие знания включали в себя базовые теоретические, владение иностранными языками, навыки работы с основными компьютерными программами. К группе личных качеств были отнесены умение брать на себя ответственность, инициативность, способность к предпринимательству, самоорганизация, умение работать в режиме многозадачности, способность к обучению, стрессоустойчивость³.

³ Формулировки навыков и качеств приведены в соответствии с анкетой ВТР 2021.

Таблица 2

**Охват обучением выпускников, различающихся оценкой важности
и достаточности навыков и качеств**
(доля обученных среди респондентов, давших соответствующую оценку, в %)

Оценка навыков и качеств	Профессиональные навыки	Коммуникативные навыки	Навыки работы с информацией	Общие знания	Личностные качества
Важны	26,5	27,3	25,7	28,6	27,0
Неважны	23,1	22,9	25,5	23,2	18,0
Достаточны	20,4	24,6	25,4	25,1	23,9
Недостаточны	30,8	29,2	26,0	27,1	27,0
Важны и недостаточны	30,5	31,2	24,3	28,3	28,0
Неважны и недостаточны	31,8	24,9	26,8	26,0	18,7
Важны и достаточны	22,1	26,1	26,2	28,7	25,7
Неважны и достаточны	17,2	22,5	25,3	22,6	17,5

Источник: расчеты автора по ВТР 2021.

Охват внутрифирменным обучением максимален среди выпускников, заявивших о том, что им не хватает профессиональных навыков (30,8%), и не зависит в этом случае от оценки выпускниками их важности (табл. 2). Среди респондентов, оценивших профессиональные навыки как недостаточные и важные, 30,5% проходили обучение, в ряду тех, кто назвал их недостаточными, но не важными, – почти столько же (31,8%). В отличие от профессиональных навыков развитие общих компетенций (общих знаний) и личностных качеств в большей мере ориентируется не на их достаточность, а на значимость для успешного выполнения трудовых функций. Распространенность практик обучения несколько больше среди выпускников, оценивших эти навыки как важные для удовлетворительного выполнения рабочих обязанностей. Отметим также, что минимальный охват обучением наблюдается в группе выпускников, оценившей свои профессиональные и коммуникативные навыки, общие знания и личностные качества как не важные и достаточные одновременно. Исключением стало только обучение навыкам работы с информацией, которое практически в равной мере представлено среди всех групп респондентов.

Практики дообучения. Внутрифирменное обучение работников может реализовываться в разных формах. Традиционно выделяются три его вида: формальное (организованное), неформальное и информальное. В нашем исследовании к формальным практикам обучения выпускников были отнесены курсы повышения квалификации, переподготовки, стажировки, обучающие семинары, тренинги, мастер-классы; к неформальным – «прикрепление» к более опытному работнику (наставничество); к информальным – самостоятельное обучение в процессе работы и в процессе общения с коллегами (самообучение).

Самой распространенной практикой является наставничество. Более половины респондентов (55,9%), прошедших обучение, указало, что оно было реализовано через «прикрепление» к опытному работнику (табл. 3). Далее следуют практики самостоятельного обучения – непосредственно в процессе работы и в ходе общения с коллегами. Их назвали 39,6% и 21,0% респондентов, прошедших обучение (соответственно). Организованные формы подготовки встречаются реже. Об участии в курсах повышения квалификации и стажировках сказали 17,0% выпускников, в семинарах, тренингах, мастер-классах – 13,8%.

Таблица 3

Распространенность практик внутрифирменной подготовки

Вид внутрифирменного обучения	Практика	Доля выпускников, %*	Доля респондентов, выбравших одну или обе практики, %
Организованные (формальные)	Курсы повышения квалификации, переподготовки, стажировка	17,0	29,2
	Семинары, тренинги, мастер-классы	13,8	
Наставничество	«Прикрепление» к опытному работнику (наставнику)	55,9	55,9
Самообучение	Самостоятельно в процессе работы	39,6	45,5
	В процессе общения с коллегами	21,0	

Примечание. *Ответы на вопрос «Каким образом проводилось дообучение (переобучение)?» Респонденты могли выбрать любое число ответов, поэтому сумма процентов по столбцу превышает 100.

Источник: расчеты автора по ВТР 2021.

Распространенность практик обучения дифференцирована по квалификационно-должностным группам (табл. 4). Частота использования наставничества возрастает при движении от высококвалифицированных групп к группам, расположенным внизу квалификационно-должностной иерархии. О прикреплении к опытному коллеге сказали около 41%

Таблица 4

Распространенность практик внутрифирменной подготовки
по квалификационно-должностным группам
(в % к числу выпускников, прошедших обучение)*

Квалификационно-должностные группы**	Курсы повышения квалификации, стажировки	Семинары, тренинги, мастер-классы	Наставничество	Самостоятельно в процессе работы	В процессе общения с коллегами
Руководители	22,7	18,2	40,9	50,0	25,8
Специалисты высшего уровня квалификации	18,4	15,4	54,4	40,0	21,5
Специалисты среднего уровня квалификации	16,5	15,0	54,5	38,9	19,9
Служащие	8,5	5,7	58,5	46,2	22,6
Работники сферы обслуживания и торговли	12,2	10,5	60,3	36,2	19,2
Квалифицированные рабочие промышленности	11,2	5,6	74,2	33,7	18,0
Операторы, сборщики, водители	21,3	6,6	60,7	36,1	18,0

Примечания. *Респонденты могли выбрать любое число ответов, поэтому сумма процентов по столбцу превышает 100. **Группы «Квалифицированные работники сельского хозяйства» и «Неквалифицированные рабочие» не включены в анализ из-за малой численности.

Источник: расчеты автора по ВТР 2021.

выпускников-руководителей, 54% специалистов, 60% работников сферы обслуживания и торговли и 74% квалифицированных рабочих. По нашему мнению, это объясняется природой трудовых операций (преимущественно физического ручного характера), выполняемых квалифицированными рабочими, освоение которых лучше происходит в процессе непосредственного взаимодействия между учеником и более опытным коллегой (наставником).

Самостоятельные практики обучения в большей степени распространены среди более квалифицированных групп. Обратим внимание, что руководители являются единственной группой, для которой самообучение в процессе работы выступает самой распространенной формой внутрифирменной подготовки. Ее организованные аналоги также сконцентрированы в группах руководителей и специалистов. Их распространенность среди групп «синих воротничков» практически в два раза меньше, чем среди более высокопоставленных коллег. Исключение представляют операторы, сборщики и водители: 21,3% выпускников, занятых на этой позиции, ответили, что проходили переобучение на курсах повышения квалификации. Возможно, это связано с необходимостью получения официально оформленных разрешений («допусков») для выполнения соответствующих трудовых операций.

Организованные виды обучения чаще всего выступают в формате «соло»: 75% респондентов, проходивших дообучение организованно, отметили его как единственный вид. Комбинация такой формы с другими видами, по оценкам респондентов, встречается чрезвычайно редко: сочетание формального обучения с наставничеством отметили всего лишь 8% респондентов, с самообучением – 7%. Напротив, наставничество и самообучение реже выступают как единственная форма внутрифирменного обучения (в 54 и 44% случаев соответственно) и часто сочетаются друг с другом. Так, 45% респондентов, включенных в самостоятельное обучение, сказали и о «прикреплении» их к более опытному работнику.

Детерминанты внутрифирменного обучения. Для определения детерминант внутрифирменной подготовки недавних выпускников была оценена бинарная логит-регрессия. Зависимой переменной выступало наличие у выпускника дообучения в первый год работы на первом рабочем месте (база – отсутствие подготовки). В качестве объясняющих переменных использовались индивидуальные характеристики выпускников (пол, возраст окончания вуза), характеристики образования (форма обучения, его финансирование, специальность по диплому, работа во время учебы и ее соответствие специальности), параметры первой работы (соответствие специальности, квалификационно-должностная группа, отрасль), а также оценка респондентом важности и достаточности знаний и умений для выполнения первой работы. Результаты анализа представлены в табл. 5 (столбец 2).

Таблица 5

Детерминанты участия в дообучении (в целом и в его отдельных видах)
(оценки бинарной логит-регрессии)

	Дообучение в течение 1-го года работы	Организованные формы обучения	Наставничество	Самообучение
1	2	3	4	5
Мужчины (база – женщины)	-0,094	0,109	-0,207**	-0,042
Возраст окончания вуза	-0,029***	0,026*	-0,044***	-0,026*
<i>Форма обучения (база – заочное)</i>				
Очное	0,701***	-0,071	0,033	0,371**
Очно-заочное	0,252*	0,154	-0,336	0,183
<i>Финансирование обучения (база – платное)</i>				
Бюджетное	-0,043	-0,156	0,096	0,007

Окончание таблицы 5

	Дообучение в течение 1-го года работы	Организованные формы обучения	Наставничество	Самообучение
1	2	3	4	5
<i>Работа во время обучения (база – не работал)</i>				
Работал по специальности	0,182**	0,274**	-0,310**	0,194
Работал не по специальности	0,327***	0,004	0,047	0,095
Первая работа по специальности (база – не по специальности)	-0,067	-0,087	0,198*	-0,214*
<i>Отрасль первой работы (база – ЖКХ и прочие услуги)</i>				
Сельское хозяйство	-0,880***	-0,110	-0,700	0,441
Промышленность	0,033	0,163	-0,189	-0,213
Строительство	0,109	0,135	-0,181	0,491*
Транспорт, связь	0,064	0,287	-0,254	-0,179
Торговля, гостиницы, общ. пи- тание	-0,054	-0,164	0,082	0,028
Финансы и страхование	0,319***	0,062	0,204	-0,487**
Гос. управление	-0,168*	0,500*	-0,433**	-0,378**
Образование	-0,419***	1,126***	-1,112***	-0,065
Здравоохранение	-0,438***	0,560*	-0,492*	0,085
Культура	-0,588***	0,492	-0,150	0,486
<i>Квалификационно-должностная группа на первой работе (база – работники торговли)</i>				
Руководители	-0,128	0,305	-0,647**	0,516**
Специалисты высшего уровня квалификации	0,147**	0,240*	-0,179*	0,124
Специалисты среднего уровня квалификации	0,324***	0,275	0,256	0,086
Служащие	0,064	-0,603*	-0,193	0,373
Квалификационные рабочие	0,136	-0,554	0,881***	-0,169
Операторы, сборщики	-0,041	0,072	0,254	0,132
Неквалифицированные рабочие	-0,718***	0,067	0,211	-0,004
<i>Самооценка важности навыков для удовлетворительного выполнения работы (база – не важны)</i>				
Профессиональные навыки	0,155***	0,099	0,032	0,153
Коммуникативные навыки	0,117**	0,157	0,147	-0,026
Личностные качества	0,441***	0,123	0,128	0,253*
Общие знания	0,134***	-0,152	0,101	0,289***
Навыки работы с информацией	0,036	0,236**	0,059	-0,102
<i>Самооценка достаточности/дефицитности навыков (база – достаточны)</i>				
Профессиональные навыки	0,505***	0,157*	0,173*	0,046
Коммуникативные навыки	0,129**	-0,029	0,244**	0,171*
Личностные качества	0,127**	-0,206**	0,202**	0,032
Общие знания	0,089	0,354***	-0,192*	-0,130
Навыки работы с информацией	-0,042	0,150	-0,235**	0,141
R ²	0,090	0,116	0,113	0,051
Число наблюдений	9325	2380	2380	2380

Примечание. * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Источник: расчеты автора по ВТР 2021.

Одним из значимых факторов участия во внутрифирменной подготовке является форма обучения выпускника. Очное обучение увеличивает вероятность такой подготовки вдвое, вечернее – почти на 30%. Другими влиятельными факторами выступают характеристики первой работы. Занятость в сфере деловых услуг увеличивает шансы дополнительного обучения на старте трудовой карьеры, с другой стороны, работа в бюджетной сфере (образование, здравоохранение, культура, государственное управление), а также в сельском хозяйстве их существенно снижает. Специалисты высшего и особенно среднего уровня квалификации с большей вероятностью будут проходить дообучение в первый год работы. Работа в качестве неквалифицированного рабочего, что вполне ожидаемо, значимо уменьшает такую вероятность. Обратим внимание на то, что вероятность до- и переобучения в начале карьеры не зависит от того, работает выпускник по специальности или нет, и от направления подготовки.

Недостаточность профессиональных навыков существенно (на 65%) увеличивает шансы недавнего выпускника быть включенным во внутрифирменную подготовку. Аналогично, хотя и менее выражено, действует дефицитность коммуникативных навыков и неразвитость ряда личностных качеств. Выпускники, считающие важным для успешного выполнения рабочих обязанностей наличие ряда личностных качеств, более активно вовлечены во внутрифирменную подготовку. «Стимулирует», однако в меньшей мере, участие в обучении и признание важности профессиональных и коммуникативных навыков, а также общих знаний.

Для определения влияния различных факторов на вероятность участия выпускника в отдельных видах обучения (организованном, наставничестве, самообучении) также была использована бинарная логит-регрессия, где в качестве зависимой переменной выступало участие в соответствующей форме обучения (база – неучастие). Регрессорами выступал тот же набор переменных, что и при оценке участия во внутрифирменной подготовке в целом. Регрессионные оценки представлены в табл. 5 (столбцы 3–5).

Вероятность участия в формальных практиках обучения увеличивается с возрастом завершения учебы в вузе. Она значимо выше в бюджетных отраслях, а также среди выпускников, занимающих позиции специалистов высшего уровня квалификации. Организованные практики более вероятно используются для обучения в случае недостаточного уровня общих знаний и профессиональных навыков. Вместе с тем недостаточно развитые личностные качества снижают вероятность участия в формальных видах обучения. Наши результаты согласуются с результатами исследований, в которых показано, что одной из значимых детерминант участия в формальном образовании являются хорошо развитые личностные качества, такие как мотивация на учебу, самоорганизация и самооффективность [Kyndt, Baert, 2013].

В отличие от организованных практик, наставничество с существенно меньшей вероятностью используется в бюджетных отраслях (в образовании, здравоохранении и управлении), а также в отношении руководителей и специалистов высшей квалификации. С другой стороны, оно значимо чаще применяется как практика обучения квалифицированных рабочих промышленности и строительства. Недостаток профессиональных и коммуникативных навыков, а также личностных качеств увеличивает вероятность использования наставничества, напротив, дефицит общих знаний и навыков работы с информацией ее снижает. Отметим также, что наставничество более вероятно применяется в отношении работающих по специальности.

Самостоятельные формы обучения с большей вероятностью используют выпускники, относящиеся к группе руководителей. Использование самообразования повышается в случаях признания важности общих знаний и личностных качеств, а также недостаточности коммуникативных навыков. К самообучению реже прибегают выпускники, работающие по специальности, что отличает его от наставничества.

Закключение. Около четверти выпускников вузов проходят внутрифирменное обучение в первый год работы. Вероятность дообучения выше для получивших очное высшее образование. Скорее всего, недостаток практических навыков и конкретных

навыков больше именно у выпускников-очников, следствием чего является их больший охват дообучением. Распространенность обучения дифференцирована по квалификационно-должностным группам и отраслям. Она значима выше для специалистов высокого и среднего уровня квалификации и ниже в бюджетном секторе. При этом именно в этих отраслях основные работники обязаны с определенной регулярностью (обычно 1 раз в 3–5 лет) проходить переобучение, которое финансируется организацией. Возможно, именно наличие такой обязательной программы в перспективе 3–5 лет ограничивает обучение в первый год работы.

Дефицитность профессиональных навыков и востребованность личностных качеств существенно повышают включенность в обучение. Таким образом, внутрифирменное обучение на старте трудовой карьеры выступает в первую очередь как инструмент преодоления разрыва между имеющимися у выпускников и необходимыми для работодателя знаниями и навыками, главным образом профессионального содержания.

Самой массовой практикой дообучения недавних выпускников является наставничество, которой охвачено более половины респондентов, включенных во внутрифирменную подготовку. В организованных формах участвовали не более 30% обученных выпускников. Это наименее распространенная практика внутрифирменной подготовки. В связи с этим оценки участия населения в дополнительном профессиональном образовании и внутрифирменном обучении, построенные только на учете организованных форм, ведут к занижению их масштабов.

Участие в разных видах внутрифирменного обучения дифференцировано по квалификационно-должностным группам. В организованные практики вовлечены в первую очередь специалисты, наставничество нацелено на квалифицированных рабочих, к самообучению прибегают главным образом руководители. Кроме того, разные практики обучения используются для восполнения дефицитности различных навыков и знаний. Формальные виды обучения применяются прежде всего для преодоления недостатка профессиональных навыков и общих знаний; наставничество развивает коммуникативные и профессиональные навыки, а также личностные качества. В целом анализ сочетания отдельных видов обучения, а также их детерминант показал, что организованные формы дообучения, с одной стороны, и наставничество и самообучение – с другой, выступают как взаимозаменяющие друг друга практики. Наставничество и самообучение во многом являются взаимодополняемыми видами внутрифирменной подготовки. Вместе с тем эмпирические исследования показали, что различные виды обучения дифференцированно влияют на усвоение различных видов знаний и организационных норм и, как следствие, на отдельные аспекты социализации [Malcolm et al., 2003; Oh, 2016; Smet et al., 2022]. С этой точки зрения оптимальным является обеспечение возможности для молодых сотрудников участия в формальных и неформальных практиках обучения и стимулирования их самообучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдяк А.Я., Поливин О.С. Длительность поиска первой работы выпускниками учебных заведений России в переходный период // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2009. С. 265–290.
- Варшавская Е.Я. Успешность перехода «учеба – работа»: для кого дорога легче? // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 39–46.
- Емелина Н.К., Рожкова К.В., Рошин С.Ю. и др. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодые специалисты: проблема подготовки и положение на рынке труда // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 114–122.
- Киришина М.А., Рудаков В.Н. Гендерные различия в заработной плате выпускников вузов и учреждений СПО на начальном этапе карьеры // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 172–198. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-2-172-198.

- Колосова А.И., Рудаков В.Н., Рошин С.Ю. Влияние работы по профилю полученной специальности на заработную плату и удовлетворенность работой выпускников вузов // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 113–132. DOI: 10/32609/0042-8736-2020-11-113-132.
- Рошин С.Ю. Переход «учеба–работа»: омут или брод? Препринт WP3/2006/10. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- Рошин С.Ю., Рудаков В.Н. Влияние «качества» вуза на заработную плату выпускников // Вопросы экономики. 2016. № 8. С. 74–95. DOI: 10/32609/0042-8736-2016-8-74-95.
- Рудаков В.Н., Чириков И.С., Рошин С.Ю., Дрожжина Д.С. Учись, студент? Влияние успеваемости в вузе на стартовую заработную плату выпускников // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 77–102. DOI: 10/32609/0042-8736-2017-3-77-102.
- Чередниченко Г.А. Выпускники российских вузов на рынке труда (данные опроса Росстата) // Социологическая наука и социальная практика. 2020. № 3. С. 108–124. DOI: 10/19181/snsp.2020.8.3.7490.
- Чередниченко Г.А. Первое трудоустройство после вуза (по материалам опроса Росстата) // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 91–101. DOI: 10/31857/S013216250000764-3.
- Шарунина А.В., Травкин П.В., Чернина Е.М. Молодежь у «входных ворот» на рынок труда // Российский рынок труда через призму демографии / Под общ. ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. М.: НИУ ВШЭ, 2020. С. 204–244.
- Armstrong-Stassen M., Schlosser F. Benefits of a supportive development climate for older workers // Journal of Managerial Psychology. 2008. Vol. 23. No. 4. P. 419–437. DOI: 10.1108/02683940810869033.
- Baert S., Cockx B., Verhaest D. Overeducation at the start of the career: stepping stone or trap? // Labour Economics. 2013. Vol. 25. P. 123–140.
- Bell D.N.F., Blanchflower D.G. Youth unemployment in Europe and the United States // Nordic Economic Policy Review. 2011. Vol. 1. P. 11–37.
- Carroll D., Tani M. Over-education of recent higher education graduates: New Australian panel evidence // Economics of Education Review. 2013. Vol. 32. P. 207–218. DOI: 10.1016/j.econedurev.2012.10.002.
- Chao G.T. Unstructured training and development: The role of organizational socialization // Improving training effectiveness in work organizations / Ed. by Ford J. et al. New York: Psychology Press, 2014. P. 141–164.
- Kowtha N.R. School-to-work transition and newcomer socialisation: The role of job-related education // Journal of Management & Organization. 2011. Vol. 17. No. 6. P. 747–763. DOI: 10.5172/jmo.2011.747.
- Kyndt E., Baert H. Antecedents of employees' involvement in work-related learning: A systematic review // Review of Educational research. 2013. Vol. 83. No. 2. P. 273–313. DOI: 10.3102/0034654313478021.
- Malcolm J., Hodgkinson P., Colley H. The interrelationships between informal and formal learning // Journal of workplace learning. 2003. Vol. 15. P. 313–318.
- Meroni E.C., Vera-Toscano E. The persistence of overeducation among recent graduates // Labour Economics. 2017. Vol. 48. P. 120–143. DOI: 10.1016/j.labeco.2017.07.002.
- Möller J., Umkehrer M. Are there long-term earnings scars from youth unemployment in Germany? // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 2015. Vol. 235. No. 4–5. P. 474–498.
- Oh S. The effects of workplace learning on organizational socialization in the youth workforce // Asia Pacific Education Review. 2016. Vol. 17. No. 4. P. 567–580. DOI: 10.1007/s12564-016-9456-3.
- Sanders J., Oomens S., Blonk R.W.B. et al. Explaining lower-educated workers' training intentions // Journal of Workplace Learning. 2011. Vol. 23. No. 6. P. 402–416. DOI: 10.1108/13665621111154412.
- Schmillen A., Umkehrer M. The scars of youth: Effects of early-career unemployment on future unemployment experience // International Labour Review. 2017. Vol. 156. No. 3–4. P. 465–494. DOI: 10.1111/ilr.12079.
- Smet K., Grosemans I., De Cuyper N. et al. Outcomes of informal work-related learning behaviours: A systematic literature review // Scandinavian Journal of Work and Organizational Psychology. 2022. Vol. 7(1). No. 2. P. 1–18. DOI: 10.16993/sjwop.151.

Статья поступила: 16.01.23. Принята к публикации: 17.03.23.

WORK-RELATED LEARNING PRACTICES OF UNIVERSITY GRADUATES: SCOPE AND DETERMINANTS

VARSHAVSKAYA E.Ya.

HSE University, Russia

Elena Ya. VARSHAVSKAYA, Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Department of Organizational Behavior and Human Resources Management, Graduate School of Business, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia (evarshavskaya@hse.ru).

Acknowledgements. The paper was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

Abstract. The article analyzes the scale of work-related learning of recent higher education graduates, describes its main practices, determines the factors of participation in training. The empirical analysis is carried out on data from the federal survey of Russian university graduates who completed their studies in 2016–2020. The sample consists of 9325 graduates. About a quarter of recent graduates participated in job-related training in their first year of work. The probability of work-related learning is higher for full-time graduates and for those who are employed as a specialist. It does not depend on whether the graduate works in his specialty or not. Important predictors of participation in work-related learning are the lack of professional skills and the importance of personal (individual) characteristics for successful work. The results showed that work-related learning acts as a tool to overcome the gap between the knowledge and skills that graduates have and the knowledge and skills necessary for the employer, mainly professional content. It was found that participation in work-related training practices is differentiated by qualification groups and by the scarcity of different types of knowledge and skills. On the one hand, formal learning and, on the other, mentoring and self-learning are interchangeable practices. Mentoring and self-learning are in many ways complementary practices of job-related training.

Keywords: university graduates, work-related learning, formal learning, mentoring, self-learning.

REFERENCES

- Armstrong-Stassen M., Schlosser F. (2008) Benefits of a supportive development climate for older workers. *Journal of Managerial Psychology*. Vol. 23. No. 4: 419–437.
- Baert S., Cockx B., Verhaest D. (2013) Overeducation at the start of the career: stepping stone or trap? *Labour Economics*. Vol. 25: 123–140.
- Bell D.N.F., Blanchflower D.G. (2011) Youth unemployment in Europe and the United States. *Nordic Economic Policy Review*. Vol. 1: 11–37.
- Burdyak A., Polivin O. (2009) Duration of the search for the first job by the Russian graduates during the transition period. In: Zaharov S., Maleva T., Sinyavskaya O. (eds) *Parents and Children, Men and Women in Family and Society*. Moscow: NISP: 265–290. (In Russ.)
- Carroll D., Tani M. (2013) Over-education of recent higher education graduates: New Australian panel evidence. *Economics of Education Review*. Vol. 32: 207–218.
- Chao G.T. (2014) Unstructured training and development: The role of organizational socialization. In: Ford J. et al. (eds) *Improving training effectiveness in work organizations*. New York: Psychology Press: 141–164.
- Cherednichenko G. (2018) Employment after universities on the materials of the Russian Statistics Committee Survey. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 91–101. (In Russ.)
- Cherednichenko G. (2020) Graduates of Russian universities in the labor market (data from a Survey by Rosstat). *Sociologicheskaya nauka i social'naja praktika* [Sociological science and social practice]. No. 3: 108–124. (In Russ.)
- Emelina N., Rozhkova K., Roshchin S. et al. (2022) *Higher education graduates in the Russian labor market: trends and challenges*. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Kiryushina M., Rudakov V. (2021) The gender gap in early-career wages of universities' and vocational education institutes' graduates. *Voprosy Obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 2: 172–198. (In Russ.)
- Kolosova A., Rudakov V., Roshchin S. (2020) The impact of job-education match on graduate salaries and job satisfaction. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issues]. No. 11: 113–132. (In Russ.)
- Kowtha N.R. (2011) School-to-work transition and newcomer socialisation: The role of job-related education. *Journal of Management & Organization*. Vol. 17. No. 6: 747–763.

- Kyndt E., Baert H. (2013) Antecedents of employees' involvement in work-related learning: A systematic review. *Review of Educational research*. Vol. 83. No. 2: 273–313.
- Malcolm J., Hodkinson P., Colley H. (2003) The interrelationships between informal and formal learning. *Journal of workplace learning*. Vol. 15: 313–318.
- Meroni E.C., Vera-Toscano E. (2017) The persistence of overeducation among recent graduates. *Labour Economics*. Vol. 48: 120–143.
- Möller J., Umkehrer M. (2015) Are there long-term earnings scars from youth unemployment in Germany? *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. Vol. 235. No. 4–5: 474–498.
- Oh S. (2016) The effects of workplace learning on organizational socialization in the youth workforce. *Asia Pacific Education Review*. Vol. 17. No. 4: 567–580.
- Roshchin S. (2006) *The school-to-work-transition: a slough or a ford?* Working Paper WP3/2006/10. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Roshchin S., Rudakov V. (2016) The impact of university quality on wages of Russian university graduates. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issues]. No. 8: 74–95. (In Russ.)
- Rudakov V., Chirikov I., Roshchin S., Drozhzhina D. (2017). The impact of academic achievement on starting wages of Russian university graduates. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issues]. No. 3: 77–102. (In Russ.)
- Sanders J., Oomens S., Blonk R.W.B. et al. (2011). Explaining lower-educated workers' training intentions. *Journal of Workplace Learning*. Vol. 23. No. 6: 402–416.
- Schmillen A., Umkehrer M. (2017) The scars of youth: Effects of early-career unemployment on future unemployment experience. *International Labour Review*. Vol. 156. No. 3–4: 465–494.
- Sharunina A., Travkin P., Chernina E. (2020) Youth at the "Entrance Gate" to the labor market. In: Gimpelson V., Kapelyushnikov R. (eds) *The Russian labor market through the prism of demography*. Moscow: NIU VSHE: 204–244. (In Russ.)
- Smet K., Grosemans I., De Cuyper N. et al. (2022) Outcomes of informal work-related learning behaviours: A systematic literature review. *Scandinavian Journal of Work and Organizational Psychology*. Vol. 7 (1). No. 2: 1–18.
- Varshavskaya E. (2016) The success of the study-work transition: for whom is the road easier? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 39–46. (In Russ.)
- Zubok Yu., Chuprov V. (2015) Young specialists: the problem of training and the situation in the labor market. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 114–122. (In Russ.)

Received: 16.01.23. Accepted: 17.03.23.

© 2023 г.

Р.Н. АБРАМОВ

РОССИЙСКАЯ ФАНТАСТИКА В ЖАНРЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

АБРАМОВ Роман Николаевич – доктор социологических наук, профессор департамента социологии НИУ «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции того же университета, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (roman_na@mail.ru).

Аннотация. Рассматриваются социологические аспекты изучения популярного в последние десятилетия жанра массовой фантастической литературы, альтернативной истории, как проекции массового сознания россиян. Жанр альтернативной истории – важный социокультурный феномен российского общества, который отражает различные типы утопического сознания, криптоисторического мышления и субъективизации восприятия прошлого в ностальгической перспективе. Предложены теоретические рамки анализа данного поджанра как объекта теоретического социологического рассмотрения в контексте теории утопии, социологии массового сознания и моральных оснований социального действия. Показано, что феномен фантастики в анализируемом жанре служит реализации ухронического ressentiment, включая читателей в самостоятельное идеологическое пространство ностальгии и конспирологических теорий, анестезируя исторические травмы прошлого, связанные с крахом СССР. Анализ построен на основе интервью с авторами произведений в данном жанре, отзывов читателей на тематических онлайн-платформах, дискурс-анализа содержания жанровых произведений, а также включенных наблюдений самого автора.

Ключевые слова: альтернативная история • социология литературы • ressentiment • социология массового сознания • ухрония • ностальгия

DOI: 10.31857/5013216250024079-9

Массовая литература – не только объект литературоведческого анализа, но и социологический феномен, проявляющий общественные настроения, моральные дилеммы, идеологические противоречия и дух времени [Гудков, Дубин, 1994]. Фантастика в жанре альтернативной истории (АИ) наиболее обозначает себя в этом качестве – она предлагает различные сценарии прошлого, переигрывает уже произошедшие события и социальные ситуации, пересматривает биографические траектории и позволяет переосмысливать нормативные основания социального действия акторов. Она является субъективизованным переосмыслением настоящего через возможные сценарии прошлого и интересна также тем, что авторы, пишущие в этом жанре, нередко руководствуются (осознанно или неосознанно) структурами анализа, применяемыми в исторической науке и социальных науках [Hellekson, 2000: 25–26]. Основные задачи этой статьи заключаются в социологическом анализе места этого жанра в современных способах мышления о прошлом

и отражении в нём актуальных дискуссий и позиций относительно понимания истории, настоящего и будущего страны.

Становление литературного жанра альтернативной истории в контексте социального развития России. Художественный жанр АИ имеет относительно длительный путь развития, включает различные поджанры и их комбинации. Поджанр «классической» альтернативной истории описывает развитие обществ, стран и цивилизаций, которое пошло по сценариям, отличающимся от исторической реальности. Другой поджанр описывает путешественников во времени (в России среди любителей фантастики этот поджанр называют «попаданческим»), оказывающихся в прошлом и воздействующих на ход истории, используя имеющиеся в их распоряжении технические и другие знания, отличный от аборигенного социальный и культурный опыт.

Не углубляясь в хронологию развития жанра АИ, стоит упомянуть наиболее известные примеры произведений, влияние которых вышло за пределы литературного поля, став частью социального и культурного бэкграунда. Из классических книг вспоминается роман М. Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (1889), а также вышедший на русском языке только в 1992 г. роман Л.С. де Кампа «Да не опустится тьма» (1939), которые заложили основы фантастики о путешествиях в прошлое. Во второй половине XX в. на Западе опубликованы канонические романы в жанре АИ, где показывается мир в ситуации, когда победителями во Второй мировой войне стали не «союзники», а «страны Оси»: это – политический детектив-триллер Р. Харриса «Фатерланд» (1992) и более сложный, связанный с темой социальной памяти и ностальгии роман Ф. Дика «Человек в высоком замке» (1962). Популярность литературных экспериментов с иным исходом Второй мировой войны выросла, когда мир смог вернуться к рефлексии о причинах и последствиях этого мирового конфликта – в контексте новых многовариантных геополитических вызовов, подобных Карибскому кризису.

Самым известным произведением советской литературы в близком жанре фантастики стала культовая повесть А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом» (1964), которая не является чистым образцом жанра о путешествиях во времени, поскольку ее действия разворачиваются не в прошлом, а на другой планете. Но она отвечает рамочным принципам сюжетов АИ: главный герой из (коммунистического) высокотехнологичного благополучного будущего перемещается в обобщенное «темное» средневековье с целью если не обеспечения прогресса, то поддержания этого общества от скатывания в кровавый «тоталитаризм». Братья Стругацкие были социальными фантастами, ставили и обсуждали темы политических, общественных, экономических и культурных вызовов, возникавших перед советской и другими социетальными системами XX в. Недаром «Трудно быть богом» и другие произведения этих фантастов вошли в культурный код позднесоветской интеллигенции [Хауэлл, 2021], оказав сильное влияние на всю отечественную фантастику.

Были и другие произведения позднесоветского времени, близкие к жанру альтернативной истории. Можно вспомнить известного ленинградского писателя-фантаста С. Гансовского, у которого в рассказе «Демон истории» (1968) ставится проблема объективности исторического процесса, который вряд ли возможно изменить усилиями отдельного человека. В начале 1990-х гг., уже после распада СССР, Кир Булычев начинает работу над циклом «Река Хронос» о путешествиях главных героев между разными моментами и потоками времени в период от событий 1915–1917 гг. до конца XX в. Тогда эти «попаданческие» романы знаменитого фантаста были заслонены более популярным циклом об Алисе Селезнёвой, но в середине 2000-х гг., уже после смерти автора, снова стали восприниматься как исток российской фантастики в жанре АИ.

В перестройку жанр АИ на фоне взрывного (но скоротечного) интереса к литературе, освобожденной от цензурных оков, оставался на периферии. Хотя среди ранее запрещенных к изданию в СССР книг был и «Остров Крым» В. Аксенова (1979 г., первое издание в СССР – 1990 г.), но он терялся на фоне других фантастических произведений («Москва 2042» В. Войновича, «Невозвращенец» А. Кабакова) о предчувствии гражданской

войны и распада страны. Гораздо сильнее на общественное сознание повлиял знаковый для романтического периода перестройки фильм «Зеркало для героя» (1987), снятый по малоизвестной одноименной повести С. Рыбаса (1983) и показывающий встречу двух современников из 1980-х гг. с послевоенным сталинским прошлым. Фильм ставил проблему мировоззренческого конфликта отцов и детей в контексте исторической травмы и «трудного прошлого» как аффекта – особой эмоции [Завадский и др., 2019] переживания встречи с прошлым и проживания его не только как ушедшего нарратива, но и как элемента собственной «самости», подчас вытесненной из актуального поля рефлексии. Названные произведения в период перестройки вышли за пределы литературного поля и составили публицистический дискурс и даже сценарное проигрывание возможного исхода глубоких изменений: они в художественной форме отражали, выражали и отчасти формировали общественные настроения того времени.

Как только историческая эпоха сменилась, многие из упомянутых позднесоветских книг и фильмов снова стали интересовать лишь ограниченный круг читателей и зрителей. Однако на рубеже 2000–2010-х гг. альтернативная история, прежде всего в ее «попаданческом» поджанре, пережила ренессанс, о чем пойдет речь дальше.

Методологическая рефлексия. Г. Розенфельд констатировал, что альтернативная история погружена в настоящее и связана с политическими, культурными и идеологическими вызовами настоящего. Она исследует прошлое не столько ради него самого, сколько для инструментальных целей расширения реинтерпретаций современного мира через обозначение «точек расхождения», когда настоящее могло быть иным, если бы в прошлом что-то случилось, а что-то, наоборот, не произошло. Как отмечает З. Пауэлл, альтернативная история обеспечивает акторов стратегией сравнения, позволяет читателям/зрителям учитывать различия между историческими фактами и вымыслом, сравнивая их с текущим моментом – применяя своё вовлечение в этот жанр для использования прошлого как индикатора настоящего. Использование истории в настоящем начинается с этически обоснованного выбора в отношении организации исторических фактов [Powell, 2018]. Когда создатели альтернативной истории размышляют, как могло быть иначе в прошлом, они неизменно выражают свои собственные субъективные надежды и страхи относительно настоящего и будущего. Поэтому альтернативная история становится формой моральной и исторической «нормализации» ужасного прошлого, как это происходит, например, в отношении Третьего рейха в популярной культуре, по мнению Г. Розенфельда [Rosenfeld, 2005: 15–16]. В постмодернистской перспективе прочтения произведений альтернативной истории говорится о ее ухронической природе, которая предполагает «онтологический плюрализм» и представляет собой форму «историографической метапрозы», прочтение которых в терминах мифологии Р. Барта становится формой реализации метаязыка [Thiess, 2015: 11].

Жанр массовой фантастической литературы, включая АИ, насыщен различными конспирологическими интерпретациями прошлого и «теориями заговоров» [Болтански, 2016], имеющими хождение как часть «народной» политической и исторической культуры, а в некоторых становящимися идеологическим элементом социальной мобилизации, вызывающим эффекты массового «заражения». Как считает М. Ларуэль, в исторической конспирологии люди обнаруживают форму символической компенсации потери своих ценностей, статуса и мировоззрения, а также обнадеживающие объяснения индивидуальной и коллективной драме в «объективированной» форме [Laruelle, 2012]. Включаясь в контекст альтернативной истории, читатели совершают перформативный акт, воспроизводя преобладающие идеологические идеи.

Важность социологического изучения жанра альтернативной истории связана не только с обозначившимся в ней моральным беспокойством относительно прошлого, но и с высокой погруженностью авторов книг по АИ и ядра их читательской аудитории в плотную систему коммуникаций. В рамках фэндомы отношения авторов и читателей очень тесны, но круг любителей АИ выделяется даже на этом фоне: многие произведения фактически

пишутся «совместно» с внимательными читателями, исправляющими исторические анахронизмы и «помогающими» авторам придерживаться определенной идеологической линии. Площадкой такой коммуникации служит онлайн-платформа «Самиздат» (www.samlib.ru) с развитой системой интерактивной обратной связи. Многие авторы литературы в жанре АИ обсуждают там замыслы своих книг, выкладывают на суд участников сообщества отдельные фрагменты и предлагают участникам влиять на сюжетные ходы своих произведений. Эта литература является важным социологическим феноменом не только в силу роста популярности жанровых книг, но и с точки зрения организации литературного процесса.

«Попаданческая» фантастика может пониматься как идеологическое и утопическое бессознательное, облаченное в литературные формы и артикулирующее аффективные исторические травмы общества. Проблематизация травматизированного прошлого находит своё отражение и в социологических дискуссиях. Уместно вспомнить круглые столы, организованные СоцИсом, – «Неостывающая память» о работе социальной памяти с событиями периода ВОВ [Жаворонков, Левашов и др., 2020] или «Россия: из прошлого в будущее» об исторических инвариациях предреволюционной модернизации страны [Нефедов, Розов и др., 2022]. Таким образом, необходимость сценарного осмысления прошлого в социологическом ключе остается востребованной.

Судить о популярности жанра в показателях книжных тиражей непросто – бумажные книги уже не являются единственной жизненной формой литературного произведения, особенно в массовой культуре. Вместе с бумажными книгами выходят сетевые публикации (на том же портале Samlib), официальные книжные интернет-маркетплейсы (LitRes, Labirint) продают цифровые аудиоверсии книг, есть множество официальных и пиратских библиотек цифровых версий, на которых подобная литература активно представлена. То, что крупные книжные издательства имеют в своем портфеле циклы романов, близких к изучаемому жанру, а практически все библиотеки аудиокниг содержат рубрики «попаданцы» и «альтернативная история», наполненные десятками произведений, свидетельствует о наличии в современной России массовой и стабильной потребительской аудитории этой литературы.

Эта статья не является строго эмпирическим исследованием, скорее она проблематизирует место современной массовой литературы в качестве объекта социологического исследования и обозначает реперные точки возможных направлений исследований. В основе авторских наблюдений лежат не только обобщения публикаций, связанных с социологическим осмыслением жанра альтернативной истории, но и эмпирические источники. Во-первых, автор статьи на протяжении многих лет в режиме наблюдателя-нетнографа следит в Рунете за ситуацией с жанром АИ, фокусируясь на «попаданческих» романах о позднесоветском периоде (полезным навигатором по жанру является любительская «Полная энциклопедия попаданцев в прошлое», созданная А. Вязовским на онлайн-платформе Samlib). Во-вторых, автором вместе со студентами департамента социологии НИУ ВШЭ в 2021 г. проведена серия из 10-ти интервью с авторами фантастики в жанре альтернативной истории¹.

Отечественная сцена фантастики в жанре АИ и «попаданчества»: век XXI. Наша фантастика в жанре альтернативной истории высокую популярность обрела примерно в 2006–2008 гг., потеснив ранее преобладавшую фэнтези². Признаком роста популярности жанра стало, например, появление премии имени Тита Ливия³, учрежденной в 2005 г. Форумом альтернативной фантастики (ФАИ), правда, просуществовавшей только до 2009 г.

¹ Автор благодарит студентов департамента социологии НИУ ВШЭ М. Жданкину, В. Колесникову и Н. Рязанцеву за предоставленные материалы интервью, собранные в ходе выполнения курсовой работы под научным руководством автора статьи.

² Виноградов П. Марш «попаданцев», или Ностальгия по альтернативе // Литературная газета. 2016. URL: <http://www.lgz.ru/article/15731> (дата обращения: 11.12.2022).

³ Поскольку у этого античного историка впервые встречаются рассуждения «что было бы, если...», его считают одним из основоположников АИ как метода осмысления исторических событий.

На ренессанс жанра, помимо классических произведений Стругацких и других образцов российской и зарубежной фантастики, по мнению самих авторов романов про АИ, повлияли два произведения – цикл В. Звягинцева «Одиссей покидает Итаку» (его начальный роман опубликован в 1988 г.) и роман С. Буркатовского «Главная дата» или «Вчера будет война» (2008). Также иногда называется цикл Кира Булычева «Река Хронос». Цикл В. Звягинцева находится на пересечении жанров политического детектива, криптоистории, научной фантастики, ностальгических воспоминаний и имеет запутанный сюжет, который к тому же становится всё менее ясным от книги к книге. В первой паре романов цикла есть признаки позднейшей версии этого жанра в России: ностальгическое путешествие героя в период своей юности (в середину 1960-х гг.) или в начало Великой Отечественной войны с целью выхода на руководство страны и изменения хода войны в пользу СССР, есть и элементы конспирологии – инопланетяне, негативно влияющие на развитие страны. Роман С. Буркатовского стал моделью «типового» попаданческого произведения: главный герой из нашего времени попадает в СССР перед началом Отечественной и, преодолевая неудобства и опасности, пробивается на самый верх к И. Сталину и, конечно же, Л. Берия, чтобы предупредить их о грядущей войне и поделиться другими «послезнаниями», изменив, таким образом, ход истории и дав возможность руководству страны реализовать «упущенные шансы» первого периода войны. К написанию этого романа автора побудило онлайн-сообщество «военно-исторического форума VIF2NE», где собирались любители истории того периода.

Примерно с 2010–2011 гг. стали активно выходить отдельные книги и целые серии, в сюжетах которых обыгрывалось путешествие нашего современника в советское и досоветское прошлое с целью использования знаний о будущем для исправления ошибок российской/советской истории и обращения ее хода в русло, идеологически импонирующее автору книги. Ведущие издательства запустили историко-фантастические книжные серии, основную часть которых составляли произведения именно в жанре АИ (чаще всего – «про попаданцев»): в издательстве «Эксмо» – «В вихре времен» (основана в 2010 г., более 110 романов), «Военно-историческая фантастика» (с 2008 г., более 220 книг) и «Героическая фантастика» (с 2015 г., около 80 романов), в издательстве «Альфа-книга» – «Фантастическая история» (с 2010 г., около 160 романов) и др.⁴ Длительное существование этих книжных серий с обширным числом опубликованных книг (каждый – тиражом не менее 1 тыс. экземпляров) является свидетельством популярности этого жанра литературы.

Посредством усилий главного героя таких «попаданческих» романов стране предлагалось воспользоваться «упущенными историческими шансами», чаще всего для того, чтобы Россия как империя (советская или досоветская, возможно даже времен Древней Руси) не только возродилась, но и стала гегемоном регионального или глобального масштаба [Laruelle, 2012]. Авторы экспериментируют, так что произведения АИ часто включают элементы политического детектива, авантюрного и шпионского романа, конспирологических спекуляций, личных ностальгических мемуаров о детстве и юности, мистики, военного боевика, любовного романа, фэнтези и прочих привлекательных для читателей жанров.

Кто же является «типичным» читателем подобных произведений? Надежные социологические данные по этой теме отсутствуют, но в ходе нашего исследования авторы данного жанра фантастики, регулярно в рамках фэндомов общающиеся с читателями, предложили собственные описания того, кто читает (слушает) эти книги и в каких обстоятельствах. В интервью на вопрос о «типичном» читателе авторы отзывались обычно примерно так: *«это – литература охранников автостоянок и торговых центров», «средние года, отслуживший в армии, на обычной работе, не богач и не бедняк»*. Чаще всего этот жанр обозначается как «литература проигравших» [Данилова, 2014] или «литература-компенсация» (такое определение дал один из опрошенных авторов-фантастов). Она интересует

⁴ Информация приведена по данным сервера «Лаборатория фантастики» (<https://fantlab.ru>), посвященного фантастической литературе, на январь 2023 г.

в основном тех, кто не совсем органично вписался в «современный капитализм», а если и оказался успешен с точки зрения доходов и качества жизни, всё равно испытывает дефицит причастности к чему-то общему и великому, полагая, что миссия СССР или Российской империи обладала необходимым содержанием великого смысла существования.

В большинстве романов этого жанра действуют мужчины (редкий пример, когда героем АИ является женщина, – роман С. Арсеньева «Студентка, комсомолка, спортсменка», хотя и здесь это попаданец-мужчина в женском теле), что предопределяет основную аудиторию жанра как мужскую. Косвенно об этом свидетельствуют и обложки книг, на которых преобладают изображения мужчин в военной форме, в боевых стойках, с оружием в руках на фоне боя или военной техники. По мнению опрошенных авторов, его основными потребителями являются мужчины, имеющие образование скорее среднее и среднее специальное, возможно, прошедшие армию или работавшие в правоохранительных органах на невысоких должностях, имеющие довольно консервативные взгляды на политику, историю и семейные отношения. Видимо, ядро читательской аудитории серийных попаданческих романов с акцентом на военно-патриотическое содержание составляет та аудитория, которая была в ядре сторонников В. Жириновского.

Впрочем, даже такую целевую читательскую аудиторию отталкивает сюжетный схематизм, примитивность стиля и упрощенный идеологический посыл многих современных романов в жанре АИ. Например, мнения читателей-рецензентов о популярном цикле «попаданческих» романов В. Конюшевского «Иного не дано» (2009–2011 гг., об альтернативной истории ВОВ) резко разделились. Многие укоряют автора за плохой язык, исторические анахронизмы и ошибки, неуместную в развлекательной литературе излишнюю политическую прямолинейность: *«нахватал исторических вершков, но применение их на практике вышло ужасным»*, *«полный набор штампов и идеологических клише»*, *«впечатление дешёвого попсового боевика с плохим режиссёром»* – такие отзывы можно найти на основном российском фэн-сервере «Лаборатория фантастики». С другой стороны, *«легкость»* чтения и *«жизнеутверждающая»* атмосфера романов привлекает читателей, оставивших положительные отзывы о работах В. Конюшевского.

Сегодня российские фантасты, пишущие в жанре АИ (прежде всего, «про попаданцев»), представлены десятками, а возможно, и сотнями имен. Среди них есть как признанные писатели (см., например, «Возвращение “Пионера”» (2022) Ш. Идиатуллина), так и авторы-любители, чьи произведения с трудом претендуют на литературность. Между крайностями – огромное число коммерческих авторов, пишущих бесконечные циклы похожих по сюжету и героям романов, а также тех, кто хочет в художественной форме донести до читательской аудитории свои политические взгляды. Растущая индустрия аудиокниг способствует распространению этой литературы не только на официальных онлайн-платформах (например, в «ЛитРес» (<https://www.litres.ru/>)), но и на множестве пиратских и неформальных ресурсов, где эти книги можно бесплатно слушать, не скачивая на смартфоны или компьютеры.

Социокультурные функции жанра. Жанр АИ в России имеет несколько специфических функций, связанных с травматической субъектностью постсоветского сознания. Заметная часть новой волны данного жанра включена в личную субъективно-биографическую ностальгию по позднесоветскому времени или эксплуатирует общественный ностальгический запрос, относящийся к периодам оттепели (1960-е) и застоя (1970-е).

Ностальгический импульс реализуется по сценариям бесконечного сравнения ущербного настоящего с лучшими образцами и практиками позднесоветского прошлого, где товарный дефицит и даже жизнь преступного мира окрашены в привлекательные тона навсегда ушедшего «теплого лампового мира». Бытийный и институциональный миры советского прошлого описываются одновременно и как туземные (экзотичные в силу исходной темпоральной удаленности), и как «обжитое», близкое, укорененное в личные детские воспоминания и позитивную мифологию прошлого (см., например, «Фатальное колесо» С. Сиголаева или «Случайный билет в детство» В. Стрелкова). Нередко герой, попавший в своё детство или юность 1960–1980-х гг., сравнивает уютный мир советского

«далёка» с «чужой» современностью, чья быстротечность, индивидуализм и цинизм вместе с шоком технологических инноваций вызывают тревогу и состояние экзистенциальной брошенности. Проявляются романтизированные репрезентации прошлого, основанные не только на фрагментарных картинках собственного детства, но и вдохновленные кинематографом, чей «формальный аппарат приучил нас потреблять прошлое в форме глянцевого изображения» [Джеймисон, 2019: 566]. Восторг создателей/читателей АИ перед артефактами советского мира похож на диалоги в онлайн-сообществах, посвященных ностальгии по советскому прошлому. Многие из романов вписываются в концепцию ухронии Е. Шацкого [1990], предполагающую воображаемое возвращение в прошлое из неудобного, «испорченного» настоящего – социальный и культурный эскапизм.

Яркими примерами «ностальгической» разновидности «попаданчества» могут служить романы и циклы В. Большакова «Целитель. Спасти СССР», М. Королюка «Квинт Лициний», А. Величко «Эмиссары. Фагоцит» и другие, где разочарованный в постсоветском настоящем главный герой попадает во время, близкое к собственному детству и отрочеству. Наслаждаясь жизнью в «спокойном СССР», он прикладывает усилия по изменению истории таким образом, чтобы Советский Союз не распался, проиграв холодную войну. Авторы, пишущие в этом жанре, рассматривают его как своего рода перформативный исторический эксперимент и «работу над ошибками» – перезапуск истории при тех же исходных условиях, но по другому сценарию на основе «послезнания». Как выразился один из авторов-фантастов, «это – работа над ошибками. Если ты не поймёшь, почему у нас в прошлом случилось неблагоприятное развитие событий, то ты не сможешь извлечь опыт». Другой автор даже использует для обоснования этой позиции концепты синергетики: «При серьёзной работе над попаданческой литературой [главное] – это ощущение точек бифуркации. То есть могло ли быть иначе? Что надо было сделать тогда, обладая той полнотой информации, которой мы обладаем? Насколько эту ситуацию можно было переиграть?».

Современная волна фантастики в жанре АИ является болезненной реакцией большей части российского общества на исторические разломы, связанные с распадом СССР. В развитие теории идеологии К. Мангейма это можно интерпретировать как травматизированную структуру сознания, относящуюся к своеобразию утопического мышления социального знания эпохи или определенной группы [Мангейм, 1994: 57]. Речь идет о «поколении общей судьбы» – о тех, кто пережил деградацию советской системы и переломы 1990-х гг. и в той или иной форме прошел через исторический нокаут. Это люди, чья «направленность внутреннего потока жизни», по известному выражению Г. Зиммеля, если и не предопределила общее мировоззрение, то оставила «борозду» в биографии, связанную с восприятием прошлого, и эта «борозда» дает о себе знать каждый раз при мысленном возвращении в прошлое. Социологическое теоретизирование судьбы В. Беньямина также увязывал с моральным понятием вины [Беньямин, 2021: 9]; в случае фантастики в жанре АИ это – подсознательная вина в фатальном историческом проигрыше, которое потерпела советская система. Один из авторов-фантастов сформулировал это так: «Мне было интересно изучить причины распада СССР. Я был воспитан в СССР, я остаюсь во многом советским гражданином. И мне очень больно осознавать, что моя страна распалась. И мне много лет было больно возвращаться к этой теме, лишь потом, когда немножко эта боль от распада ушла, я всё-таки нашёл в себе силы вернуться».

Функциональность «работы над ошибками» и восстанавливающей психотерапии для авторов и читательской аудитории этого жанра массовой литературы сочетается с поиском виновных (помимо самих себя) в случившихся на территории бывшего СССР масштабных геополитических разломах. На помощь приходят конспирологические теории и теории заговоров, многие из которых составляют неотъемлемую и важную часть сюжетных линий романов этого жанра. Вслед за М. Ларуэль можно отметить, что обвал государства, его идеологии и границ вместе с резкими культурными и социальными скачками 1990-х гг. стимулировали сгущение атмосферы подозрительности и нередко вызвали желание узнать, «кто дергает за ниточки» управления «мировым порядком» [Laruelle, 2012].

Криптоисторические мотивы о невидимом влиянии инопланетян, цивилизаций из параллельных миров, людей из будущего или тайных союзов (подобных Бильдербергскому клубу) на мировую геополитику с негативными (чаще всего) последствиями для России присутствуют в большинстве российских романов в жанре АИ. Да и сами «попаданцы» из настоящего в прошлое часто наделяются самыми разнообразными сверхспособностями, помогающими им самим стать тайными вершителями судеб страны и мира.

Очень логично изложил понимание социальных причин «взрыва» популярности АИ один из опрошенных авторов-фантастов: *«Человек, который немножко помнит, что происходило в 1990-е, и который увяжет это с датами первых книжек, прекрасно поймет, почему жанр стал востребован. Народ был настолько в тяжелом состоянии, настолько не удовлетворён жизнью, начиная с распада СССР и кончая где-то, наверное, 2010-ми годами, поэтому жанр не просто выстрелил, а шарахнул атомной бомбой, потому что народу хотелось хотя бы в книге узнать “а как бы могло быть, если бы...”. Если бы и итоги войны были бы другими, и передел мира был другой, и, тем более, если бы не развалился Советский Союз».*

Среди альтернативно-исторических произведений есть и романы скорее развлекательного толка, где главный герой мало озабочен спасением чего-либо. В цикле Г. Марченко «Перезагрузка или Back in the USSR» (2017 г.) главный герой попадает в 1975 г. вместе с запасом текстов позднесоветских шлягеров и беллетристики, и только став там известным и богатым поэтом-песенником и писателем, он начинает задумываться о спасении СССР. Герой же цикла Н. Дронты «В ту же реку» (2018), попав на Камчатку 1972 года, вообще быстро включается в систему незаконного оборота икры и золота, занимаясь в первую очередь личным обогащением, а не большой политикой.

В бэкграунде основного корпуса этой литературы лежит рессентимент как следствие постколониальной и постимперской травмы, фантомной боли за утраченные территории, техническую мощь и ценности, а также другие симптомы, составляющие анамнез болезненного постсоветского сознания. В названиях десятков романов и циклов АИ обыгрываются примерно одни и те же мотивы гибели и спасения империи. Начиная от эпохи князя Владимира Крестителя и до августа 1991 г. герои-попаданцы сначала обеспечивают себе необходимый экономический и социально-политический статус и власть для оказания влияния на ход истории, а затем начинают действовать, участвуя в дворцовых интригах и революциях, становясь главнокомандующими, князьями, царями или неформальными консье́ры при царственных особах и членах Политбюро компартии. Некоторые попадают в собственное детское или юношеское тело и в силу ограниченных возможностей прямого участия во власти начинают скрытно взаимодействовать со спецслужбами, направляя им анонимные сообщения или вступая в контакт с их представителями. Специальные службы вообще активно интегрированы в ядро сюжетных линий большинства романов в жанре АИ, особенно тех, чье действие разворачивается в XX в.: с ними «попаданцы» вступают в контакт или становятся их сотрудниками, так что общим местом является отведение системообразующей роли в истории страны либо самим секретным службам, либо прогрессивной части их сотрудников.

Современная волна российской фантастики в жанре альтернативной истории – это не только массовая развлекательная литература и упражнения авторов-любителей, но и аккумулятор и выразитель общественных чаяний, страхов и настроений, которые до недавнего времени находились в определенных нишах общественного сознания, хотя сейчас становятся всё более значимыми в медийной и общественной повестке.

Закключение. Эта статья пишется в «поломанное» время, когда многие из казавшихся незыблемыми правил мироустройства оказались отменены, забыты и выброшены на свалку истории. Российское общество в очередной раз находится в стрессовом состоянии, так что опросные методы изучения настроений различных групп имеют ограниченную объяснительную силу – настроения меняются быстро и непредсказуемо вместе с турбулентной новостной повесткой. В экспертных сообществах и в медиа идёт дискуссия о способности имеющих в распоряжении социологии методов понять и объяснить

изменения общественных настроений различных слоев российского общества в ситуации повышенной тревожности. Опросы и результаты качественных исследований дают картину происходящего в обществе в моменте, но в меньшей степени говорят о более глубоких, долговременных и требующих дополнительного изучения общественных настроениях и идеологических и культурных паттернах мышления. Тут могут помочь другие подходы и объекты для изучения, одним из которых является жанр АИ.

Этот популярный жанр чаще всего находится ниже ватерлинии внимания серьезных литературоведческих исследований, а социологи вообще относительно редко обращаются к литературе как источнику данных. При этом коммерческая, массовая, развлекательная, даже любительская литература, возможно, ближе к массовым умонастроениям, чем более заметные образцы большой литературы. Многочисленные криминальные и любовные сериалы 1990-х, подобные «Улицам разбитых фонарей», могут рассматриваться и в социологическом контексте как отражение духа времени, чаяний и страхов массового сознания. Задача социологов сегодня – найти дополнительные источники знания и понимания происходящего с российским обществом, понять идеологические, мифологические и ценностные корни аффективной поверхности массового сознания. Поэтому обращение к социологии массовых произведений литературы и кинематографа может оказаться продуктивным.

Фантастика в жанре АИ стала частью травматического аффекта, объединяя личную субъективно-биографическую память с откликом на общественный запрос относительно «светлого прошлого». Это формирует пространство ухронического рессентимента, предполагающего воображаемый реванш проигравших и «теории упущенного шанса» [Абрамов, 2017]. Литературные игры жанра АИ относятся на самом деле не к прошлому, а к настоящему. Они являются зеркалом общественного сознания, идеологическим калейдоскопом прошлого, призванного укрепить «российскую культурно-историческую легитимность» [Borenstein, 2019: 26]. Участники литературной игры в альтернативную историю производят субъективную и аффективную колонизацию исторического процесса, разыгрывая сценарии несостоявшегося настоящего и будущего, проявляя травмы прошлого и тем самым вольно или невольно отсылая к актуальности настоящего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Р.Н. Советские технократические мифологии как форма «теории упущенного шанса»: на примере истории кибернетики в СССР // *Социология науки и технологий*. 2017. № 2. С. 61–78.
- Беньямин В. Судьба и характер. СПб.: Азбука, 2021.
- Болтански Л. Тайны и заговоры. По следам расследований. СПб.: ЕУ, 2016.
- Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1994.
- Данилова Е.Н. Дискурс выигравших и проигравших в российских трансформациях // *Социологические исследования*. 2014. № 5. С. 16–26.
- Джеймисон Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. М.: Институт Гайдара, 2019.
- Жаворонков А.В., Левашов В.К., Образцов И.В., Ростовцева Л.И., Романовский Н.В., Трофимова И.Н., Черныш М.Ф., Демиденко С.Ю. Неостывающая память (круглый стол) // *Социологические исследования*. 2020. № 5. С. 3–17.
- Завадский А., Склез В., Суверина К. Предисловие. Разум и чувства: публичная история в музее // *Политика аффекта: музей как пространство публичной истории*. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 7–51.
- Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 52–147.
- Нефедов С.А., Розов Н.С., Трубицын Д.В., Романовский Н.В. Россия: из прошлого в будущее (круглый стол по книге Б.Н. Миронова) // *Социологические исследования*. 2022. № 3. С. 24–39.
- Хауэлл И. Апокалиптический реализм. Научная фантастика Аркадия и Бориса Стругацких. СПб.: БиблиоРоссика, 2021.
- Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прорпесс, 1990.
- Borenstein E. Plots against Russia. Conspiracy and Fantasy after Socialism. London: Cornell University Press, 2019.

- Hellekson K. *The Alternate History: Refiguring Historical Time*. Kent: The Kent State University Press, 2000.
- Laruelle M. Conspiracy and Alternate History in Russia: A Nationalist Equation for Success? // *The Russian Review*. 2012. Vol. 71. No. 4. P. 565–580.
- Powell Z.M. The Ethics of Alternate History. Melodrama and Political Engagement in Amazon's *The Man in the High Castle* // *South Atlantic Review*. 2018. Vol. 83. No. 3. P. 150–169.
- Rosenfeld G.D. *The World Hitler Never Made: Alternate History and the Memory of Nazism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Thiess D.J. *Relativism, Alternate History and the Forgetful Reader. Reading Science Fiction and Historiography*. London: Lexington Books, 2015.

Статья поступила: 28.12.22. Финальная версия: 25.01.23. Принята к публикации: 30.03.23

RUSSIAN SCIENCE FICTION IN THE GENRE OF ALTERNATIVE HISTORY AS A REFLECTION OF MASS CONSCIOUSNESS: SOCIOLOGICAL APPROACHES

ABRAMOV R.N.

National Research University Higher School of Economics, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

Roman N. ABRAMOV, Dr. Sci. (Sociol.), Professor Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Leading Research Fellow of the International Laboratory for Social Integration Research NRU HSE, Senior fellow Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow (rabramov@hse.ru).

Abstract. In Russia, fiction in the genre of alternative history has become popular over the past ten years. Book series of this kind are actively published and have a significant readership. This genre is part of ideological and utopian landscape of the Russian mass consciousness. It helps to understand imperial historical traumas, nostalgia for the Soviet past, and a high level of anxiety about the present and future. The theoretical part of the analysis is based on the G. Rosenfeld ideas about a close connection of this genre with the experience of the present and about ontological pluralization of the past. The article also includes M. Laruelle's thesis about the ideological function of this genre and its role in ideological mobilization. The concept of E. Shatsky's utopia as a chronic escapism is an important element in the analysis of this genre in Russia. Russian science fiction in the genre of alternative history mirrors ideological and utopian unconscious, which articulates affective historical traumas of society. Alternative history novels actively experiment with genres, and it contains elements of a political detective story, adventure and spy novel, conspiracy theories, personal nostalgic memoirs about childhood and adolescence, mysticism, military action movie, romance, crypto-fiction. Many authors perceive their novels as a historical experiment, and they are concerned with problematizing the causes of the collapse of the Soviet Union. The modern Russian wave of science fiction in the genre of alternative history is a more painful reaction of a part of society to the deep historical faults associated with the collapse of the USSR. The source of the analysis is the materials of interviews with the authors of works in the genre of alternative history, readers' reviews on thematic online platforms and the content of the works.

Keywords: resentment, mass consciousness, alternative history, ideology, nostalgia

REFERENCES

- Abramov R.N. (2017) Soviet Technocratic Mythologies as a Form of the "Missed Chance Theory": on the example of the history of cybernetics in the USSR. *Sociology of science and technology* [Sotsiologiya nauki i tekhnologii]. No. 2: 61–78. (In Russ.)
- Benjamin V. (2021) *Fate and character*. St. Petersburg: Azbuka. (In Russ.)
- Boltanski L. (2016) *Secrets and conspiracies. Following investigations*. St. Petersburg: EU. (In Russ.)
- Borenstein E. (2019) *Plots against Russia. Conspiracy and Fantasy after Socialism*. London: Cornell University Press.
- Danilova E.N. (2014) The discourse of winners and losers in Russian transformations. *Sociological Research* [Sotsiologicheskiye issledovaniya]. No. 5: 16–26. (In Russ.)
- Gudkov L., Dubin B. (1994) *Literature as a social institution*. Moscow: New Literary Review. (In Russ.)
- Howell I. (2021) *Apocalyptic realism. Science fiction by Arkady and Boris Strugatsky*. St. Petersburg: BiblioRossika. (In Russ.)
- Hellekson K. (2000) *The Alternate History: Refiguring Historical Time*. Kent: The Kent State University Press.

- Jameson F. (2019) *Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism*. Moscow: Gaidar Institute. (In Russ.)
- Laruelle M. (2012) Conspiracy and Alternate History in Russia: A Nationalist Equation for Success? *The Russian Review*. Vol. 71. No. 4: 565–580.
- Nefedov S.A., Rozov N.S., Trubitsyn D.V., Romanovsky N.V. (2022) Russia: from the past to the future (round table on the book by B.N. Mironov). *Sociological Research* [Sotsiologicheskiye issledovaniya]. No. 3: 24–39. (In Russ.)
- Powell Z.M. (2018) The Ethics of Alternate History. Melodrama and Political Engagement in Amazon's *The Man in the High Castle*. *South Atlantic Review*. No. 3 (83): 150–169.
- Rosenfeld G.D. (2005) *The World Hitler Never Made: Alternate History and the Memory of Nazism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shatsky E. *Utopia and tradition*. Moscow: Progress, 1990. (In Russ.)
- Thiess D.J. (2015) *Relativism, Alternate History, and the Forgetful Reader. Reading Science Fiction and Historiography*. London: Lexington Books.
- Zavadsky A., Sklez V., Suverina K. (2019) Preface. Reason and Feelings: Public History in the Museum. Politics of Affect. *Museum as a Space of Public History*. Moscow: New Literary Review: 7–51. (In Russ.)
- Zhavoronkov A.V., Levashov V.K., Obraztsov I.V., Rostovtseva L.I., Romanovsky N.V., Trofimova I.N., Chernysh M.F., Demidenko S.Yu. (2020) Non-cooling memory (round table). *Sociological research* [Sotsiologicheskiye issledovaniya]. No. 5: 3–17. (In Russ.)

Received: 28.12.22. Final version: 25.01.23. Accepted: 30.03.23.

Ю.В. ЛАТОВ

ПАРАДОКСЫ РОССИЙСКОЙ «ПОПАДАНЧЕСКОЙ» ФАНТАСТИКИ

ЛАТОВ Юрий Валерьевич – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (latov@mail.ru).

Аннотация. Автор поддерживает предложенную Р.Н. Абрамовым трактовку развития отечественной фантастики в жанре альтернативной истории как отражения массового сознания россиян, предлагая, с учетом библиометрических данных, ее существенно уточнить. Развитие этого жанра надо рассматривать в контексте эволюции исторической ментальности россиян, для которой оказалась характерна высокая приверженность виртуальным версиям исторических событий. Это находит выражение в массовой популярности не только околонучной литературы на темы российской истории (например, «новой хронологии»), но и откровенно фантастической «попаданческой» альтернативной истории. Восприятие многих периодов истории России как травмы, от которой хотелось бы избавиться путем переосмысления или «переигрывания» реальных событий, – это в значительной степени проекция на прошлое критического отношения многих россиян к постсоветскому настоящему. Решающим при этом является стремление к реваншу – изменению результатов неудачных для России исторических событий (прежде всего, военных поражений).

Ключевые слова: социология литературы • «попаданческая» альтернативная история как жанр фантастики • общественное сознание • национальная историческая ментальность

DOI: 10.31857/S013216250025451-9

Современная социология имеет тенденцию превращаться в своего рода науку о социологических опросах. Между тем есть много важных социальных проблем, осмысление которых требует не только опросов, или даже вовсе не опросов. Предложенный Р.Н. Абрамовым [2023] подход к изучению общественного сознания россиян через анализ «потребляемых» ими литературных произведений показывает креативные возможности не-опросных методов. Но возможности этого подхода требуют комплексного обоснования, осмысления и применения.

От ленинского «зеркала» – к вульгарному социологизму и к научному. В советские времена образцом социологического подхода к анализу художественных произведений являлась статья В.И. Ленина о Л. Толстом как «зеркале русской революции» (1908). Формула «имярек – зеркало такого-то социального явления/процесса» стала в СССР популярным приемом интерпретации едва ли не любых художественных произведений/направлений. Такой вульгарно-социологический подход подвергнут критике (см., напр.: [Быстров, Камнев, 2019]), поскольку он де-факто приравнивает деятеля искусства к фотографу/публицисту. Однако есть культурные явления, для понимания которых концепт «зеркала» правомерен. Речь идет в первую очередь о явлениях культуры массовой.

Сознание любого человека (в т.ч. литератора), проецирующееся на его деятельность, является сложным сочетанием общего, особенного и единичного. С некоторой долей упрощения можно сказать, что оно состоит (1) из некоторых общечеловеческих норм, (2) из ценностных норм, зависящих от уровня развития общества и места в нем конкретного индивида (формационный компонент), (3) из ценностных ориентаций, присущих той этноконфессиональной общности, в которую он входит (цивилизационный компонент),

(4) из характерных особенностей конкретной самоценной личности. Чем более исключительно творчество литератора/художника/музыканта, тем большую роль в нем играют общечеловеческие ценности и индивидуальные особенности личности великого творца. Напротив, творцы скорее среднего уровня, ориентированные на среднего же потребителя художественных произведений, действительно отражают в своем творчестве в значительной степени культурные характеристики своей среды и эпохи – типичные для них стереотипы, мотивации и оценки [Латова, 2002]. Поэтому, например, рассматривать в качестве «зеркала» Советской России 1920–1930-х гг. гораздо правомернее И. Ильфа и Е. Петрова, чем М. Булгакова.

Предложенный Р.Н. Абрамовым взгляд на современную российскую фантастическую литературу в жанре «альтернативной истории»¹ – трактовка ее как социологического феномена, проявляющего «общественные настроения, моральные дилеммы, идеологические противоречия и дух времени» [Абрамов, 2023: 106], – использует концепт «зеркала», демонстрируя возможность его интерпретации в духе научного социологизма. Однако данную интерпретацию нужно углубить и уточнить. Во-первых, следует указать органически заложенные в самом анализируемом жанре возможности и ограничения, обуславливающие его и привлекательность, и ограниченность. Во-вторых, хотя бы в первом приближении нужно уточнить количественные характеристики изучаемого жанра, из которых вытекают выводы о факторах его популярности. В-третьих, следует изменить акценты в трактовке социальной тенденции, которая стоит за популярностью альтернативной истории (АИ): Р.Н. Абрамов делает акцент на советской ностальгии, но здесь заметнее феномен российского реваншизма.

Автор будет далее опираться в первую очередь на собственные с 1980-х гг. читательские и экспертные наблюдения за развитием АИ как науки («ретропрогнозирования») и жанра фантастики, на котором можно отследить взаимовлияние инноваций в научной и в художественной культуре ([Латов²; Латов, 2019] и др.). В качестве эмпирического обоснования будут использованы библиометрические аргументы электронных баз данных российского фэндомы – тематических поисковых систем «Лаборатории фантастики» (ФантЛаб на <https://fantlab.ru>) и новейшей версии «Полной энциклопедии попаданцев в прошлое» (далее – «Энциклопедия попаданцев»)³.

Социальные истоки нового жанра. Р.Н. Абрамов справедливо указывает, что фантастика в жанре АИ имеет две основные сюжетные разновидности: в одной описывается мир, история которого с какого-то момента пошла по другому пути; в другой изменение истории – результат сознательных действий случайно (реже – сознательно) попавшего в прошлое нашего современника. Если в зарубежной фантастике чаще встречаются произведения первого («классического») типа, в отечественной абсолютно доминирует второй тип, который давно называют – с оттенком иронии – «попаданческой» фантастикой. В поисковой системе популярного электронного книжного магазина «ЛитРес» (<https://www.litres.ru>) есть рубрика «Попаданцы», отделенная от «Исторической фантастики». Подавляющая часть российской фантастики из перечисленных Р.Н. Абрамовым

¹ Строго говоря, альтернативно-историческая фантастика является поджанром социальной фантастики – одного из жанров внутри фантастики как мегажанра.

² Латов Ю.В. Ретропрогнозирование: фантастика или наука? (2000) URL: <http://institutional.narod.ru/history/latov.htm> (дата обращения: 01.03.2023).

³ Использовалась 27-я версия «Энциклопедии попаданцев», обновленная в январе-феврале 2023 г. и включающая информацию о 3267 романах российских (в основном) авторов, посвященных «попаданцам», в формах книжных и электронных контентов (<https://docs.google.com/spreadsheets/d/1gcZNVpIScCkKopDd681wAYe7pObNxeP45Ph4sHxDwbXc/edit#gid=1124919312>). Хотя в этой базе есть некоторые переведенные на русский произведения зарубежных авторов (включая М. Твена и Л. Спрэгга де Кампа), их доля мала. База не учитывает переизданий, некоторые циклы из нескольких книг учтены в ней как одно произведение, так что сделанные на ее основе количественные оценки следует рассматривать как выполненные в первом приближении.

популярных книжных серий (типа «Фантастической истории»⁴) – «попаданческая» АИ. Для понимания такой асимметрии в развитии западной и российской фантастики проследим с позиции социологии литературы в общих чертах историю рассматриваемого жанра.

Научная фантастика, к которой принадлежит «попаданческая» АИ, родилась в XIX в., усилиями в первую очередь француза Ж. Верна и британца Г. Уэллса, как литература о специалистах-профессионалах, написанная часто такими же профессионалами⁵ и предназначенная в первую очередь читателям из «продвинутых» социальных слоев. В литературоведении давно стало общим местом, что ранняя научная фантастика была инновационна системным использованием научно обоснованных гипотез и новыми главными героями. Изобретатели, инженеры, капитаны, ученые, журналисты и другие занятые креативным трудом люди с высоким образованием и/или квалификацией – это те самые профессионалы, «креаклы», системным изучением которых социологи занялись во второй половине XX в., когда эта социальная группа стала массовой и претендующей на доминирование в рождающемся постиндустриальном обществе [Латов, Тихонова, 2021]. Литераторы опередили обществоведов в «открытии» новой авангардной социальной группы не менее чем на полвека: таков интервал между началом в 1860-е гг. «Необыкновенных путешествий» Ж. Верна и технократическими концепциями Т. Веблена 1910–1920-х гг.

Хотя основоположником «попаданческой» АИ (и одновременно АИ в целом) считается американский фантаст Л. Спрэг де Камп – автор ставшего классикой жанра романа «Да не опустится тьма» (1939), на деле первые вполне приличные образцы обеих разновидностей жанра АИ создали в 1920-е гг. малоизвестные российские литераторы. Речь идет о книгах «Пугачев-победитель» (1924) эмигранта М. Первухина и «Бесцеремонный Роман» (1928) советских писателей В. Гиршгорна, И. Келлера и Б. Липатова. «Открытие» нового жанра произошло в русле общего стремления к экспериментам. После революций 1917 г. история России сделала казавшийся немислимый поворот, поэтому сознание отечественных деятелей культуры оказалось раскрепощено для смелых инноваций.

Однако окно возможностей захлопнулось к концу 1920-х. Можно согласиться с Кириллом Булычевым (И.В. Можейко), одним из ведущих советских фантастов, что фантастика как таковая оказалась «падчерицей эпохи». Это было проекцией двусмысленного положения советской интеллигенции, которая, с одной стороны, считалась авангардным создателем передовых технологий и идей, с другой же стороны, постоянно (не без оснований) подозревалась в пониженной политической лояльности, в претензии на самостоятельность от официальных идеологов. А жанр АИ, по самой своей природе популяризирующий представление о многовариантности истории и выдающейся роли отдельной личности, был несовместим с советским «официальным» обществоведением. Хотя с 1950–1960-х гг. научная фантастика полноправно вернулась в советскую литературу, примеры «игр с историей» в советской фантастике можно перечислить на пальцах одной руки.

Активное развитие отечественной фантастики в жанре АИ стартовало, справедливо отмечает Р.Н. Абрамов, в 1990-х гг. под влиянием прежде всего перевода книг Л. Спрэга де Кампа и Р. Харриса. В конце 2000-х гг. на российских читателей обрушилось буквально цунами «фантастических историй». Однако рост количества быстро обернулся катастрофическим падением качества. Из более чем 3 тыс. «попаданческих» произведений,

⁴ На ФантЛабе эта серия аннотируется так: «Основная часть серии представляет собой историю о “попаданцах” в прошлое, но иногда встречается и настоящая альтернативная история» (<https://fantlab.ru/series822>).

⁵ Среди выдающихся советских и российских фантастов много профессионалов, не связанных с литературой: геолог В.А. Обручев, палеонтолог И.А. Ефремов, инженер И.И. Варшавский, астроном Б.Н. Стругацкий, историк-бирманист И.В. Можейко, врач-психиатр С.В. Лукьяненко, историк-медиевист Д.М. Володихин, историк-китаист В.М. Рыбаков и др. В этом можно увидеть проявление типичной для российской культуры установки, что интеллигент/профессионал должен быть многогранной личностью, в то время как среди западных фантастов такие полипрофессионалы (как А. Азимов – не только знаменитый фантаст, но и профессиональный химик, популяризатор науки) скорее исключение.

отмеченных в «Энциклопедии попаданцев», оценками 4 или 5 по пятибалльной системе отмечено 420, т.е. менее 13%⁶. Налицо парадокс: совокупный тираж книг «попаданческой» АИ измеряется миллионами⁷ (не считая электронных контентов), но более чем 4/5 этого моря книг поклонники жанра оценивают не более чем на удовлетворительно.

Симптоматично, что ежегодная премия им. Тита Ливия, которую начали в 2005 г. вручать за достижения в «альтернативно-историческом формате фантастической литературы», просуществовала недолго, после 2009 г. ее вручение прекратилось. Видимо, «достижения» премировать не хотели даже фанаты жанра. Из выдающихся отечественных фантастов в «попаданческой» АИ отметился только Д.М. Володихин⁸. Его роман «Доброволец» (2007 г., дважды переиздавался) к тому же принципиально необычен для жанра: заброшенный из нашего времени для изменения Гражданской войны, главный герой осознает невозможность в одиночку что-то изменить и переживает реальные исторические события как рядовой участник Белого движения⁹.

Жанр «попаданческой» АИ в России начала нашего века приобрел, таким образом, парадоксальное свойство: на этот культурный «продукт» высок спрос, несмотря на низкое качество. Такое возможно, только если «продукт» удовлетворяет какую-то остродефицитную потребность.

Блеск и нищета «попаданческой» альтернативной истории. Для понимания социальных факторов странного сочетания популярности и низкого качества «попаданческой» АИ в современной России надо обратить внимание на возможности и ограничения, которые изначально были заложены в жанре.

«Попаданческая» АИ вызывает у читателей большой интерес в первую очередь за счет сходства с жанром робинзонады. Как известно, сюжет «Робинзона Крузо» (1719) стал откликом на западноевропейскую культурную революцию, связанную с формированием нового типа личности – инновационного индивида, желающего и способного преобразовывать враждебный окружающий мир. «Попаданческая» АИ стала реинкарнацией старого сюжета: невольнo попадая в прошлое (как Робинзон невольнo попадал на необитаемый остров), главный герой демонстрирует способность не просто выживать среди людей примитивной культуры, но модернизировать прошлое, подтягивая его к «светлому будущему»¹⁰. Это – реакция на современный социум, где отчужденный индивид обречен чувствовать одиночество в толпе и должен находить силы, чтобы бороться не

⁶ Объективность оценок составителей этой базы не следует преувеличивать. Но они коррелируют с мнениями читателей: в обсуждениях «попаданческих» книг на ФантЛабе очень часты сетования на невысокие качества – обилие сюжетных шаблонов, незнание авторами реальной истории, упрощенный стиль изложения и т.д.

⁷ Так, книги серии «Фантастическая история» издавались «Альфа-книгой» тиражами обычно 3–8 тыс., хотя наиболее популярные циклы (трилогия А. Злотникова «Царь Федор» – о «попаданце», чье сознание попало в начале XVII в. в тело Федора Годунова, сына Бориса Годунова) тиражировались до 30–35 тыс. экземпляров. Следовательно, в одной только этой серии (157 изданий с 2010 г.) вышло около миллиона экземпляров.

⁸ Для контраста отметим, что «классическая» АИ привлекла большое внимание грандов российской фантастики – это и «Евразийская симфония» Ван Зайчика (В. Рыбакова и И. Алимова), и «Чистая Земля» Г.Л. Олди (Д. Громова и О. Ладыженского), и «Искатели неба» С. Лукьяненко.

⁹ Как отметил на ФантЛабе один читатель, «к фантастике роман относится только лишь потому, что „про попаданцев – нынче книги покупают“». И автор просто воспользовался этим трендом, чтобы издать этот социально-исторический роман» (<https://fantlab.ru/work117566>).

¹⁰ Кстати, на основании робинзонадных истоков «попаданчества» следует утверждать, что в творчестве братьев Стругацких, лучших представителей советской фантастики, наиболее близким аналогом историй о «попаданцах» является не «Трудно быть богом» (1964), как полагает Р.Н. Абрамов, а «Обитаемый остров» (1969), самим названием намекающий на параллель с романом Д. Дефо. Реакции на этот роман (его двухлетнее прохождение через цензуру, высокая популярность у критиков советского режима) однозначно свидетельствуют, что он воспринимался как метафорическое описание «героического одиночества» интеллигентов, считавших себя в СССР своего рода «попаданцами» из будущего.

с враждебной природой, а с порой не менее враждебными социальными обстоятельствами. Но, сохраняя прометеев запал робинзонады, «попаданческая» АИ сохраняет и органически присущее ей высокомерие модернизированной личности в отношении аборигенов. Это – черта «свободной» личности модерна, которая желает научиться «завоевывать друзей и оказывать влияние на людей» (Д. Карнеги), но боится сама оказаться объектом влияния и завоевания.

Другое противоречие сюжетной схемы «попаданчества» – противоречие между нацеленностью «попаданца» на обновление архаичного прошлого и копирующим характером действий самого «попаданца». Он предлагает людям прошлого новые для них технологии и идеи, но сам имеет их в готовом виде, не задумываясь, что его собственные технологии и, главное, идеологемы могут быть ущербны и даже ошибочны с точки зрения более отдаленного будущего. Организация пролетарской революции, которой успешно занимался в XIX в. «бесцеремонный Роман», выглядит более чем сомнительно с современной точки зрения. Да и спасение у Л. Спрэга де Кампа остготской Италии от завоевания Византией, самой цивилизованной страной той эпохи, можно истолковать как срыв перспективы православного ренессанса. Одним словом, читателю предлагается априори верить, что хорошо/прогрессивно то, что прямо ведет к современной ему (читателю) цивилизации, и плохо/реакционно всё, что движение к ней замедляет или отклоняет. Это представление о единственно верном пути исторического развития, критически переосмысленное обществоведами лишь в конце XX в. (в рамках, например, дискуссии о «конце истории»), не вполне преодолено даже в современной культуре¹¹. Поэтому основоположников АИ трудно упрекать в том, что они не видели опасности копирующей модернизации. Однако сюжетообразующая претензия «попаданца», что он заведомо лучше предков знает, «как надо», была одной из скрытых мин, которые обусловили быстрое «приедание» читателя «попаданчеством».

Третья имманентная особенность «попаданческой» АИ – представление о правителях как почти демиургах истории. Это обусловлено не только динамикой литературного сюжета («попаданец» обязан осуществить радикальные перемены быстро, иначе читать о его приключениях неинтересно), но и историческим опытом великих реформаторов (Цезаря, Кромвеля, Петра I, Наполеона, Ленина...). Между тем давно осознано, что, с одной стороны, самый самодержавный правитель всегда «ограничен удавкой», с другой – чем радикальнее преобразования «сверху», тем выше вероятность, что за периодом революционных перемен наступит – сразу или через несколько поколений – частичный откат назад. Основоволожники «попаданческого» жанра, скорее всего, вполне осознавали эту ограниченность своей сюжетной модели и активно использовали иронию и юмор, подчеркивая условность сюжета¹². В постсоветской же литературе в «попаданческой» АИ юмора почти нет: заметно, что многие авторы хотят научить читателя «правильно любить Родину», что предполагает ответственную серьезность.

¹¹ В советской фантастике проблема ограниченности знаний «прогрессора» об общественном развитии и, как следствие, возможности принципиальных ошибок в организации «подстегивания» прогресса четко поставлена Стругацкими в романе «Трудно быть богом» – аллюзии на «прогрессорскую» миссию СССР в странах «третьего мира».

¹² Л. Спрэг де Камп закончил свой роман и вполне серьезным указанием, что устойчивы далеко не все успехи «попаданца»-реформатора и что его успехи не бесконечны: «Его работа еще не закончена. Да и не будет ей конца – пока старость, болезнь или кинжал недоброжелателя не решат все проблемы раз и навсегда. Так много всего предстоит сделать: компас, паровой двигатель, микроскоп... Закон о неприкосновенности личности! Полтора года он балансирует на краю пропасти... А если и не продержится... – что ж, по всей Италии работает семафорный телеграф... из-под печатных станков выходят книги и газеты... Что бы ни случилось с ним лично, всего этого уже не перечеркнешь». Обществовед-марксист с радостью отметит, что американский фантаст выдерживает принцип первенства развития производительных сил над эволюцией производственных отношений: сначала нужно внедрить книгопечатание и паровой двигатель, а только потом – «закон о неприкосновенности личности».

Четвертая принципиальная особенность «попаданческой» литературы – легкость превращения АИ в современную «политику, обращенную в прошлое». Неудивительно, что произведения российских литераторов-новаторов являлись прямой реакцией на недавние политические события: эмигрант М. Первухин превратил альтернативную историю восстания Пугачева в прямую метафору желаемого исхода Гражданской войны (монархисты в «Пугачеве-победителе» в конце концов берут верх), советские авторы «Бесцеремонного Романа» также прямо указали на желательность пролетарской революции в Европе на столетие раньше. Менее очевидно, что «Да не скроется тьма» Л. Спрэга де Кампа тоже была актуальным политическим высказыванием. Когда в конце 1939 г. американский фантаст описывал спасение Западной Европы от «темных веков», наступление которых связано с разгромом Византией остатков античной цивилизации, то вполне понятно, о какой именно угрозе Западу с Востока думали первые читатели этого романа. Эта ориентация сюжета на решение в прошлом проблем нынешнего дня придавала «попаданческой» фантастике одновременно силу и слабость. Когда читатель воспринимает приключения «попаданца» как аллюзию на современность, аудитория расширяется за счет тех, кому интересны не художественные достоинства книги и не ее историческая достоверность (она в рамках жанра может варьировать в *очень* широких пределах), а ее идеологичность. Но политический памфлет принципиально имеет короткую жизнь и предполагает «простоту» в расчете на не слишком притязательного читателя. Хороший писатель будет избегать прямолинейности за счет стилистического изящества и сюжетного мастерства (так произошло с «основополагающим» романом Л. Спрэга де Кампа), но коммерческий литератор может эксплуатировать политическую злобу дня, мало заботясь о долгой жизни своих книг.

Противоречивые потенции «попаданческой» литературы обусловили сначала взрыв ее популярности в России конца 2000-х гг., а потом рост разочарованности в ней.

Парадоксы хронологии «попаданчества». Для лучшего понимания развития жанра «попаданчества» рассмотрим его библиометрические характеристики.

Р.Н. Абрамов полагает, что «в бэкграунде основного корпуса этой литературы лежит рессентимент как следствие постколониальной и постимперской травмы, фантомной боли за утраченные территории, техническую мощь и ценности, а также другие симптомы, составляющие анамнез болезненного постсоветского сознания» [Абрамов, 2023: 113]. Если бы главную роль играли эти мотивы, то следовало бы ожидать, что «попаданческая» АИ станет популярна в 1990-х гг., когда «постимперские» травмы были совсем свежи и продолжали «кровоточить» (в форме, например, «чеченских войн»). Но реальная динамика публикаций «попаданческих» произведений иная (рис. 1).

Если проследить даты первых публикаций (без учета переизданий) романов о путешествиях/«попаданчестве» в прошлое, обнаруживается, что в 1990-е гг. ежегодно выходило не более пяти таких произведений¹³. В 2001–2009 гг. частота плавно повысилась до примерно 20 романов в год. Затем стремительный скачок: ежегодное количество новых романов подпрыгивает в 2010 г. вдвое и продолжает расти до абсолютного максимума (78) в 2012 г. Ежемесячная публикация многотысячными тиражами четырех – шести новых романов определенного жанра – несомненное свидетельство наличия систематически читающих именно такие произведения. В 2013–2021 гг. количество ежегодно публикуемых новых романов колеблется на уровне 40–50, пока в 2022 г. не падает вдвое.

Резкие изменения в 2010–2012 и 2022 гг. показывают, что «постимперский рессентимент» и ностальгия по СССР, акцентируемые Р.Н. Абрамовым, играли в популярности «попаданческой» АИ не самую важную роль. Такие скачки правомернее считать реакцией российских специалистов/профессионалов, остающихся главной аудиторией читателей фантастики, на «возрождение России», понимаемой как возвращение к активной

¹³ Причем и их считать «попаданческой» АИ можно часто с большой натяжкой. Например, цикл «Тайный сыск царя Гороха» А.О. Белянина относится скорее к юмористическому фэнтези.

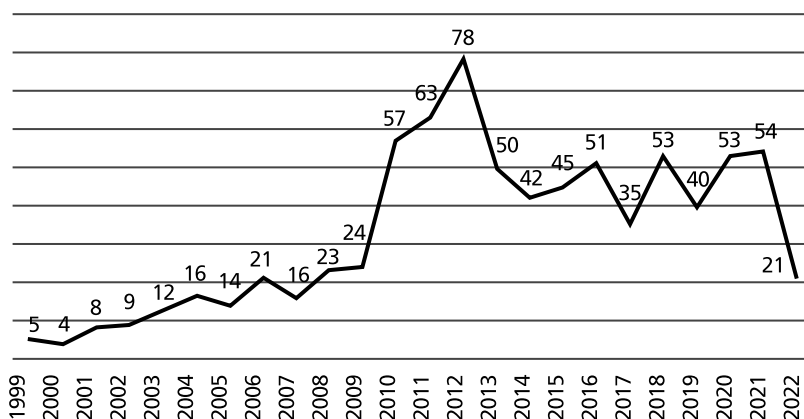

Рис. 1. Динамика первых публикаций романов российских фантастов про путешествия/«попаданчество» в прошлое, 1999–2022 гг., согласно ФантЛабу

«имперской» политике после победного для России конфликта с Грузией. То, что скачок публикаций книг о «попаданцах» начался примерно через полтора года после войны 2008 г., не должно удивлять: издательствам и авторам надо было уловить общественный запрос, написание романа и издательский цикл тоже требуют времени. Но Крымская весна 2014 г. нового роста спроса на эту разновидность историко-патриотической литературы не вызвала, а Донецкая весна 2022 г. привела к обвалу спроса на нее.

Р.Н. Абрамов полагает, что «“попаданческая” фантастика может пониматься как идеологическое и утопическое бессознательное, облаченное в литературные формы и артикулирующее аффективные исторические травмы общества» [Абрамов, 2023: 109]. Трактовка «попаданческой» АИ как реакции на «исторические травмы» правомерна, но надо уточнить, о каких травмах и реакциях на них идет речь.

Для выделения исторических событий, «переигрывание» которых высокопопулярно, рассмотрим по «Энциклопедии попаданцев» эпохи, в которые авторы «посылают» современных россиян¹⁴ (рис. 2, 3). Полученные графики можно рассматривать как диаграммы актуальности исторических эпох для российских читателей из средних слоев¹⁵.

Самой ранней исторической эпохой высокого внимания авторов «попаданческой» фантастики является XIII в., эпоха монголо-татарского нашествия, резко негативно изменившего спонтанное развитие нашей цивилизации. Затем от XVI в. к XX в. количество

¹⁴ Из анализа исключены сюжеты, когда «попаданец» оказывается в античном мире или в более глубокой древности, когда России не было. Для эпох от средневековья до XX в. далее при интерпретации предполагается, что «попаданец»-россиянин попадает в прошлое своей страны, хотя иногда «наших людей» заносит в прошлое других стран.

¹⁵ Систематическое чтение любой (в т.ч. художественной) литературы по истории предполагает интерес к ней, выходящий за пределы учебных знаний, что характерно в первую очередь для специалистов-профессионалов, людей с высоким образованием и повышенными культурными запросами. Поэтому приводимые Р.Н. Абрамовым определения типичных читателей «попаданческой» фантастики требуют уточнения. Про «охранников автостоянок и торговых центров» было сказано, скорее всего, с оттенком иронии. В перечне же признаков «средние года, отслуживший в армии, на обычной работе, не богат и не бедняк» отсутствует главное – речь идет о работе, обычной для горожанина-специалиста (не для рабочего или сельчанина). Характерно, что в роли «попаданца» чаще выступает современный специалист. Впрочем, у разных сегментов «попаданческой» литературы наверняка есть существенно разные аудитории, так что любители читать про «попаданцев» в средневековье, возможно, слабо пересекаются с читающими о «попаданцах» в Великую Отечественную войну.

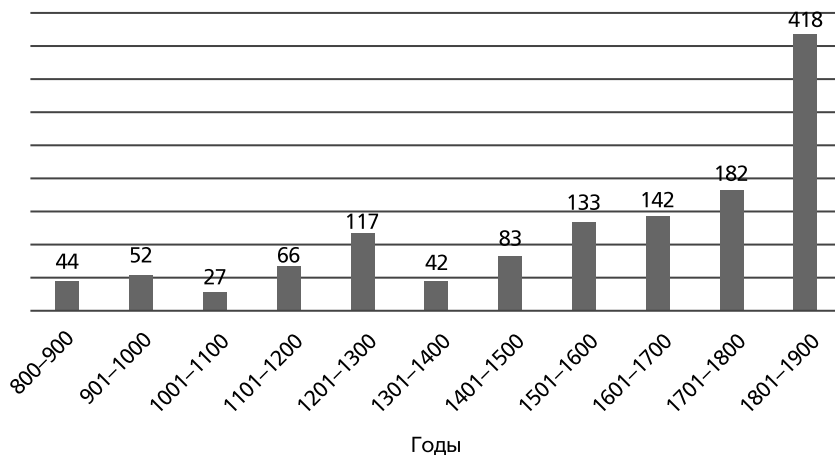

Рис. 2. Динамика произведений о «попаданцах» по историческим эпохам, в которые попадает персонаж, IX–XIX вв., по «Энциклопедии попаданцев»

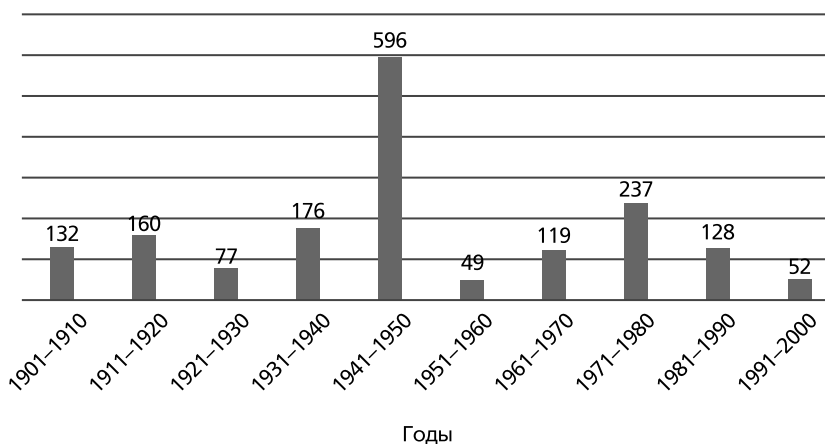

Рис. 3. Динамика произведений о «попаданцах» по историческим эпохам, в которые попадает персонаж, 1901–2000 гг., по «Энциклопедии попаданцев»

«попаданческих» произведений растет почти в геометрической прогрессии: чем ближе к нам история, тем она актуальнее.

В рамках XX в. различимы три пика: 1910-е – время революций и Гражданской войны, 1940-е – время Великой Отечественной войны, 1970-е – апогей советской эпохи. Предположение Р.Н. Абрамова о большом значении ностальгии по СССР объясняет только третий пик. Для объяснения первых двух, как и для пика XIII в., лучше подходит гипотеза о болезненности определенных периодов национальной истории для современных россиян.

«Попаданческая» АИ как проекция настоящего в прошлое. В массиве произведений «попаданческой» АИ есть парадоксы, связанные с исключением ряда исторических травм и определенных путей их преодоления (предотвращения). Например, хотя одной из явных травм являются репрессии 1930-х гг. (даже поклонники Сталина и Берии склонны осуждать «ежовщину» 1937–1938 гг.), в море «попаданческой» фантастики почти нет

«переигрывания» именно этих событий¹⁶. Трудно найти в этом море и попытки пораньше внедрить/расширить в России парламентаризм (хотя бы на уровне новгородского/псковского вече и Земских соборов) или веротерпимость (хотя бы внутри православия, чтобы избежать раскола XVII в.). Зато практически всегда «попаданец» помогает русским предкам¹⁷ выигрывать войны (с американцами, немцами, японцами, англичанами, шведами, поляками и прочими европейцами, реже с татарами, турками) и технологически возвыситься над странами Запада. Здесь необходимо уточнить, какие потребности удовлетворяет чтение «попаданческой» фантастики.

Социологи давно пишут о высоком «запросе на перемены» у современных россиян, не удовлетворенных сложившимся в 1990–2000-е гг. положением, когда Россия, потеряв после распада СССР статус одного из глобальных центров силы, сохранила отставание от Запада по социально-экономическим критериям. Естественным следствием стало массовое желание реванша – стремление «переиграть» неприятный итог XX века. Это настроение было слабым в 1990-е гг., когда большинство россиян выживали, адаптируясь к новым условиям, которые казались тогда единственно возможными. Перелом наметился в первой половине 2000-х гг., когда российская экономика преодолела трансформационный кризис, а российская политика – сепаратистскую дезорганизацию. Решающий сдвиг произошел после 2008 г., когда обнаружилось, что Россия может не только адаптироваться к новым условиям, но и настаивать на своих «правилах игры», пусть на локальном уровне.

Метод реванша, который реализовался в реальной жизни, – основанный на использовании военной силы против прозападных политических противников под централизованным управлением высшего политического руководства – оказался воспринят массовым сознанием как универсальный. Его восторженное одобрение облегчалось тем, что он хорошо сочетался с российской традицией преклонения перед носителями высшей власти (царями, генсеками), если они добиваются успехов, а также опирался на официальный дискурс, все более конфронтационный к Западу. Единожды успешно реализованный сюжет хотелось повторить вновь и вновь – в реальном настоящем и в иллюзорном прошлом.

Почувствовав массовый спрос на «переигрывание» истории поражений, крупные российские издательства начали в 2000–2010-е гг., как показывает библиометрия, едва ли не на конвейере тиражировать книги о том, как наши современники попадают в прошлое и улучшают его. Общим правилом подобного улучшения является стремление построить/сохранить великую Россию как экономически успешное (с высокотехнологичным рыночным производством), централизованно управляемое победоносное государство. Произведения, которые от этого канона отступают (не ориентируются на державно-либеральную модель), успехом у отечественных читателей пока не пользуются¹⁸. Правда, судя по спаду тиражирования «попаданчества» в 2022 г., у закрепившегося в 2010-е гг. канона наметился кризис – в этом тоже можно видеть отражение кризиса реальной жизни россиян.

«Попаданческая» фантастика в контексте исторической ментальности россиян. В современном российском обществоведении, изучающем общественное сознание, недостаточно комплексно изучен феномен *национальной исторической ментальности* – совокупности актуальных в данной стране взглядов на мировую историю в целом и на свою

¹⁶ Хотя в период 1931–1940 гг., как видно из рис. 3, пришельцев из будущего авторы посылают часто, но это связано с сюжетами о заблаговременной подготовке к Великой Отечественной войне.

¹⁷ «Попаданческая» АИ развивается как подчеркнуто русско-культурное направление. Сюжеты, когда российский автор трактует «попаданчество» с позиций озабоченности историей других народов России, редки.

¹⁸ Симптоматичен провал попытки А.И. Колганова, одного из ведущих в России обществоведов левой ориентации, издать в серии «Фантастических историй» цикл романов о «попаданце», который в 1920-х гг. пытается снизить издержки становления советского режима. Издательство хотя и выпустило две книги, но рукопись третьей отклонило, мотивируя это низким уровнем продаж первых двух (<https://fantlab.ru/work770204>). Решающую роль сыграло, видимо, не художественное качество текста, а диссонанс коммунистических убеждений автора с державно-либеральным дискурсом жанра.

историю в частности. Лишь в последние годы в России стала набирать популярность «публичная история» – изучение формирования представлений об истории под влиянием государственной политики, художественных произведений, движений реконструкторов и краеведов, семейной памяти и т.д. Изучение АИ – одно из направлений этого нового научного дискурса [Галина, Кукулин, 2021], принципиально отличного от традиционных сетований, что россияне плохо владеют научными знаниями об истории. Изучающие «публичную историю» давно перестали удивляться систематическим расхождениям между академической «историей историков» и «**коллективной памятью** общества», под которой понимаются «представления, бытующие как часть повседневной культуры и тесно сплетенные с различными житейскими воззрениями на историю» [Ермолицев, 2010]. Отечественные социологи пока чаще анализируют отдельные элементы этого явления. Целостной социологической концепции национального восприятия истории (как одного из важных элементов общественного сознания) российскими социологами не создано, хотя подходы к ней есть (см., напр.: [Бараш, 2021]). Осмысление парадоксов «попаданческой» АИ необходимо производить именно в рамках осмысления российской исторической ментальности как более общего явления (см. подходы к этому в [Фрумкин, 2016; Галина, 2017; Путило, 2020]).

Многотиражность «попаданческих» книг, недостатки большинства которых читателям хорошо видны, показывает, что спрос на эту литературу определяется не только и не столько их стилистическим изяществом и оригинальностью сюжета, сколько «общей озабоченностью историей в современной русской культуре» [Фрумкин, 2016]. Российская культура действительно историкоцентрична. Но историкоцентричность в ней сочетается с высокой виртуализацией истории.

У исторической ментальности современных россиян есть тяготение не столько к реальной истории, сколько к виртуальным (иллюзорным) версиям событий прошлого. Проявлением этой черты является высокое внимание отечественных читателей к разнообразнейшей квази- и околоисторической литературе. Фантастическая АИ, четко презентующая себя как синтез реальных фактов с художественным вымыслом, оказывается с этой точки зрения в одном ряду с литературой, маскирующейся под научную, но имеющей зачастую еще более высокий градус фантастичности. Достаточно вспомнить о массово тиражируемой «новой хронологии», которая с самого начала воспринималась нормальными историками как не более чем сборники преднамеренных ошибок. В отличие от «попаданческой» фантастики, «новая хронология» *a la* Фоменко презентуется ее адептами как оригинальная научная теория, доказывающая величие средневековой Руси, которое якобы в новое время тайно извращено западными историками и их российскими пособниками. В сравнении с «новой хронологией», популяризацией «Велесовой книги» и т.д. ближе к исторической науке стоят «мифоборческие» книги В.В. Мединского, в которых, по отзывам критиков, «"партия власти" правит историю» [Буровский и др., 2012]. Автор не раз переизданной серии «Мифы о России» честно признавался, что он не против исторических мифов и стремится научно критиковать «плохие» мифы, а «хорошие», способствующие национальному единству, наоборот, укреплять.

Такая высокая популярность полу-, около- и ненаучной литературы о «другой» (более «правильной» и привлекательной) истории¹⁹ заставляет задуматься об особенностях исторической ментальности современных россиян. Наше прошлое остается для слишком многих болезненно-травмирующим. Россияне с элементарно развитым историческим сознанием не столько гордятся успехами «героев былых времен», сколько сожалеют об упущенных возможностях. Восприятие значительной части отечественной истории как травмы, от которой хотелось бы избавиться, является в значительной степени проекцией

¹⁹ У критиков подобной «исторической» литературы для ее обозначения используется термин «фольк-хистори» [Володихин, 2000]. Это явление трактуется как явление массовой культуры, но связь популярности «фольк-хистори» с национальной ментальностью и, таким образом, ее объективная обусловленность критиками, профессиональными историками, не акцентируется.

на прошлое отношения многих россиян к настоящему. Кому не нравится реальное настоящее России, тому не нравится и ее реальное прошлое²⁰. Откровенно фантастические, квазинаучные и полунаучные виды «правильной» истории (соответствующей не столько объективным фактам, сколько желаниям современных людей) стали своего рода «опиумом для народа» – болеутоляющим, которое снижает болезненность восприятия современной ситуации, хотя и не лечит. Такая интерпретация хорошо объясняет массовый спрос россиян на «попаданческую» АИ и другие версии пусть иллюзорной, но «правильной» национальной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Р.Н. Российская фантастика в жанре альтернативной истории как отражение массового сознания: социологические подходы // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 106–116. DOI: 10.31857/S013216250024079-9
- Бараш Р.Э. Историческая память и историческая компетентность россиян: социологическое измерение // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 4. С. 93–103.
- Буровский А., Кремлев С., Нерсесов Ю. и др. Анти-Мединский. Опровержение. Как партия власти правит историю. М.: Эксмо, 2012.
- Быстров В.Ю., Камнев В.М. Вульгарный социологизм: история концепта // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 3. С. 286–308.
- Володихин Д. Феномен фольк-хистори // Отечественная история. 2000. № 4. С. 16–24.
- Галина М. Вернуться и переменить. Альтернативная история России как отражение травматических точек массового сознания постсоветского человека // Новое литературное обозрение. 2017. № 4 (146). С. 258–271.
- Галина М., Кукулин И. Альтернативная история // Все в прошлом: теория и практика публичной истории / Под общ. ред.: А. Завадский, В. Дубина. М.: Новое издательство, 2021. С. 155–186.
- Ермольцев Д. Книга Ферро и российский опыт рассказов о прошлом // Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Книжный Клуб 36°6, 2010.
- Латов Ю.В. Ретропрогнозирование как элемент национальной исторической ментальности // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 99–114.
- Латов Ю.В., Тихонова Н.Е. Новое общество – новый ресурс – новый класс? (К 60-летию теории человеческого капитала) // Terra Economicus. 2021. Т. 19 (2). С. 6–27.
- Латова Н.В. Чему учит сказка? (О российской ментальности) // Общественные науки и современность. 2002. № 2. С. 180–191.
- Путило О.О. Образ альтернативной России в альтернативно-исторической фантастике // Вестник славынских культур. 2020. Т. 55. С. 151–162.
- Фрумкин К.Г. Альтернативно-историческая фантастика как форма исторической памяти // Историческая экспертиза. 2016. № 4. С. 17–28.

Статья поступила: 19.03.23. Принята к публикации: 30.03.23.

²⁰ «Поскольку мы не удовлетворены современностью, постольку естественно эта наша неудовлетворенность проецируется назад по шкале времени, превращаясь в желание внести исправления в предысторию» [Фрумкин, 2016: 21].

PARADOXES OF THE RUSSIAN POPADANETS' SCIENCE FICTION

LATOV Yu.V.

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia**Yuri V. LATOV, Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (latov@mail.ru).*

Abstract. The author supports proposed by R.N. Abramov interpretation of the Russian science fiction development in the genre of alternative history as a reflection of the mass consciousness dynamics of Russians, but attempts, taking into account bibliometric data, to significantly clarify it. The development of this genre should be seen in the context of the evolving historical mentality of "post-Soviet" Russians, which turned out to be characterized by a commitment to virtual versions of historical events. This finds expression in the mass popularity of not only pseudo-scientific literature on the topics of Russian history (for example, so called "new chronology"), but also frankly fantastic "popadanets's" alternative history. The perception of many periods of Russian history as a trauma that one would like to get rid of by rewriting or "replaying" real events is, to a large extent, a projection onto the past of the critical attitude of many Russians to the post-Soviet present. The decisive motive in this case is a desire for revenge – to change the results of historical events that were unsuccessful for Russia (first of all, military defeats).

Keywords: sociology of literature, "fallen" alternative history as a genre of fantasy, public consciousness, national historical memory.

REFERENCES

- Abramov R.N. (2023) Russian Science Fiction in the Genre of Alternative history as a Reflection of Mass Consciousness: a Sociological Dimension. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research]. No. 4: 106–116. (In Russ.)
- Barash R.E. (2021) Historical Memory and Historical Competence of Russians: Sociological Dimension. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofa* [Digital Scientist: Philosopher's Laboratory]. Vol. 4. No. 4: 93–103. (In Russ.)
- Burovsky A., Kremlev S., Nersesov Yu. et al. (2012) *Anti-Medinsky. Refutation. How the ruling party rules history*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Bystrov V.Yu., Kamnev V.M. (2019) Vulgar sociology: the history of the concept. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review]. Vol. 18. No. 3: 286–308. (In Russ.)
- Ermoltsev D. (2010) Ferro's book and Russian experience of stories about the past. In: Ferro M. *How stories are told to children in different countries of the world*. Moscow: Book Club 36'6. (In Russ.)
- Frumkin K.G. (2016) Alternative historical fiction as a form of historical memory. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise]. No. 4: 17–28. (In Russ.)
- Galina M. Return and change. Alternative history of Russia as a reflection of the traumatic points of the mass consciousness of the post-Soviet person. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review]. 2017. No. 4 (146): 258–271. (In Russ.)
- Galina M., Kukulin I. (2021) Alternative history. In: *Everything in the past: theory and practice of public history*. Ed. by A. Zavadsky, V. Dubina. Moscow: New publishing house: 155–186. (In Russ.)
- Latov Yu.V. (2019) Retroforecasting as an element of national historical mentality. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. No. 1: 99–114. (In Russ.)
- Latov Yu.V., Tikhonova N.E. (2021) New society – new resource – new class? (On the 60th anniversary of the human capital theory). *Terra Economicus*. Vol. 19 (2): 6–27. (In Russ.)
- Latova N.V. (2002) What does a fairy tale teach? (About the Russian mentality). *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. No. 2: 180–191. (In Russ.)
- Putilo O.O. (2020) The Image of Alternative Russia in Alternative Historical Fiction. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures]. Vol. 55: 151–162. (In Russ.)
- Volodikhin D. (2000) The phenomenon of folk history. *Otechestvennaya istoriya*. [Domestic history]. No. 4: 16–24. (In Russ.)

Received: 19.03.23. Accepted: 30.03.23.

Социология международного положения

© 2023 г.

ЦИНЬ ЛИ, Н.С. БАБИЧ

ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ И США В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

ЦИНЬ ЛИ – кандидат филологических наук, старший преподаватель Института иностранных языков Юго-Восточного университета, Нанкин, Китайская Народная Республика (chineseli@mail.ru); БАБИЧ Николай Сергеевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент кафедры социологии РУДН, Москва, Россия (sociolog@mail.ru).

Аннотация. Острое российско-американское противостояние повысило актуальность выявления международного общественного мнения о России и США, в особенности в таких странах, как КНР. Авторы статьи обобщили материалы восьми широкомасштабных проектов исследований общественного мнения китайцев, охватывающих 2004–2022 гг., в том числе время перед началом СВО и после него. Анализ данных опросов показывает, что общественное мнение граждан КНР в 2004–2021 гг. относилось к России стабильно гораздо более благожелательно, чем к Америке: значительное большинство респондентов систематически высказывало в адрес РФ положительные установки, отрыв которых от установок к США часто превышал 50 п.п. С началом СВО это позитивное отношение в отдельных аспектах ухудшилось, в других – улучшилось, но во всех аспектах изменение было незначительным, а отношение к США столь же незначительно ухудшилось. Можно уверенно говорить, что общественное мнение современного Китая очень позитивно относится к России, скорее негативно – к США, и начало СВО практически не изменило этой ситуации, текущие события не воспринимаются китайской общественностью как чрезвычайные, требующие пересмотра взглядов на международные отношения.

Ключевые слова: общественное мнение в КНР • специальная военная операция • отношение к России • отношение к США

DOI: 10.31857/S013216250025452-0

Объект анализа. Начало Россией специальной военной операции (СВО) на Украине привело в движение мощные политические и экономические силы, резко углубив давно складывавшееся новое разделение международных сил, в котором, с одной стороны, оказываются США со своими союзниками, а с другой – Китай и Россия [Foa et al., 2022]. В такой конфигурации взаимное восприятие этих трех игроков, прочность связей между ними и общность/противоречие их интересов могут стать факторами, определяющими будущее каждой из этих трех стран и всей международной системы.

При финансовой поддержке соавтора Цинь Ли фондами фундаментальных исследований для китайских центральных университетов (проект № 2242020S20050 и проект № 2242020R10030) и фондами проекта провинции Цзянсу «Двойная творческая докторская степень» (JSSCBS202030305).

Одним из полей противоборства в новой напряженной ситуации стало и общественное мнение, которое под влиянием западных СМИ во многих странах достаточно существенно смещается не в пользу России. Так, международный опрос, проведенный Исследовательским центром Пью с 14 февраля по 11 мая 2022 г., показал, что в 18-ти охваченных им государствах проамериканской политической ориентации (Австралия, Великобритания, Япония и т.п.) неблагоприятное и очень неблагоприятное мнение о России высказывают в среднем около 85% респондентов, что является рекордным максимумом негативных оценок России [Wike et al., 2022: 26–27]. Отношение к США и НАТО при этом оказывается весьма позитивным (соответственно 61 и 65% благоприятных ответов).

В то же время вполне возможно, что в Китае, вне сферы прямого влияния западных СМИ, динамика отношения к России и США имеет качественно иной характер. В то же время надо учитывать, что хотя современная фаза отношения китайского общества к России чаще всего рассматривается как «благоприятная» [哈 (Li), 2012], история российско-китайских взаимоотношений весьма непростая. Она включает не столь давние (в конце 1960-х гг.) эпизоды острого противостояния, а на уровне массового сознания – такие явления, как опасения «китайской экспансии» в России и «угрозы с севера» в КНР [Янков, 2010]. Эти опасения отчасти подкрепляются и позициями интеллектуалов, которые, например, в Китае иногда интерпретируют российскую политику как традиционно империалистическую [Тен, 2016]. Все это свидетельствует, что общественное мнение КНР не является заведомо благоприятным для Российской Федерации. Тем важнее как можно более достоверно определить его состояние и динамику в связи с текущими событиями.

В этом направлении мы планируем на материале массовых опросов населения Китая решить две исследовательские задачи. Во-первых, установить, насколько это возможно, длительные тенденции развития отношения к России и США в общественном мнении КНР с начала 2000-х гг. до настоящего времени. Во-вторых, проанализировать, как повлияло на отношение китайцев к России и США начало СВО и сопровождающие его события. Решение первой задачи интересно само по себе, но оно необходимо и для правильного описания контекста текущей ситуации при решении второй задачи. Например, падение или рост благоприятных оценок в 2022 г. со стороны населения Китая на 10% может свидетельствовать о значительных изменениях в отношении к России, если в предыдущие годы фиксировались значительно меньшие колебания. И наоборот, если различия в 10% являются обычными для годовой динамики, то такие колебания в 2022 г. будут означать практическое сохранение отношения на прежнем уровне.

Методика исследования. Опросы общественного мнения представляют собой хотя и не совершенный, но уникальный по своим возможностям способ изучения состояния массового сознания, который вполне применим и к современному Китаю, несмотря на особенности социальной и политической системы в этой стране [Ли, Бабиц, 2023]. Население, представленное опросами, проводимыми в КНР, в целом оказывается достаточно информированным в международных вопросах, в том числе относительно отношений с США [Fang et al., 2022] и Россией [Van der Noll et al., 2016].

Однако интересующий нас феномен – отношение к России и США в общественном мнении – имеет две характеристики, комбинация которых составляет некоторую проблему. Во-первых, совершенно очевидно, что этот феномен является многомерным по своей природе. Один и тот же человек может испытывать к чужой стране широкую гамму чувств и придерживаться различных убеждений, не обязательно коррелирующих друг с другом. Например, вполне возможно восхищаться ее культурой, полагать, что она играет важную благоприятную роль в международных отношениях, но при этом считать ее непосредственной военной угрозой для своего государства. В то же время, во-вторых, ожидаемый результат анализа отношения китайского общественного мнения к России и США должен иметь скорее одномерный характер, то есть отвечать на вопрос о том, насколько это отношение благоприятно и улучшилось оно или ухудшилось в целом.

Сочетание требований многомерности и одномерности определяет выбор систематического обзора в качестве методики исследования. Этот обзор понимается нами как стратегия объединения результатов различных исследований, посвященных одному и тому же вопросу, при том что каждое отдельное исследование охватывает свой специфический аспект отношения к России и США и заведомо имеет некоторую погрешность, сокращающуюся при обобщении различных результатов. Такой подход предполагает сбор как можно большего количества измерений отношения к России и США в общественном мнении КНР, произведенных разными организациями по разным методикам. При этом все эти методики должны быть в некоторой степени сопоставимы, то есть, как минимум, представлять собой реализацию метода массового опроса на выборке, благодаря соблюдению статистических процедур репрезентирующей все совершеннолетнее население КНР, либо его значительную часть. Поскольку нас интересует динамика, в том числе связанная с началом СВО, для аналитических обобщений нужны ряды данных за последние 10–20 лет, а также за периоды накануне и после февраля 2022 г.

Характеристика собранных данных. Данные об установках населения крупнейших стран мира друг к другу оказываются гораздо более фрагментарными, чем этого можно было бы ожидать, исходя из важности международных отношений. В частности, интересующие нас индикаторы отсутствуют в таких крупных международных сравнительных исследованиях, как «Всемирное исследование ценностей», «Международное социальное исследование» и «Азиатский барометр». В «Опросе о глобальных установках» Исследовательского центра Пью отношение китайского населения к России измерялось в последний раз в 2015 г. А, например, в регулярных исследованиях Gallup World Poll, посвященных отношению к лидерству разных стран в мире, китайским респондентам соответствующие вопросы просто не задаются из-за их якобы «сенситивной природы» [Gallup inc., 2014: 9]. Тем не менее нам удалось обнаружить восемь заслуживающих доверия общенациональных опросов населения КНР, затрагивающих китайско-российские и китайско-американские отношения (табл. 1).

Они были проведены следующими организациями:

1) Всемирная служба BBC – международное подразделение Британской вещательной корпорации, финансируемое государством средством массовой информации и политического влияния Великобритании, которое в 2004–2017 гг. выступало заказчиком международных опросов, проводившихся компанией Globescan;

2) Исследовательский центр Пью – базирующаяся в Вашингтоне общественная организация, специализирующаяся на социальных исследованиях, финансируемая благотворительными фондами семьи американских нефтепромышленников Пью;

3) Genron NPO – японский неправительственный (но близкий к истеблишменту) аналитический центр в области международной политики, он проводит ежегодные опросы населения КНР в сотрудничестве с издательством China International Publishing Group, которое управляется отделом по общественным связям ЦК КПК;

4) Global Times – англоязычная газета КНР, имеющая собственное подразделение опросов общественного мнения и являющаяся структурным подразделением печатного органа ЦК КПК «Жэньминь жибао»;

5) Ipsos – международная частная исследовательская компания со штаб-квартирой в Париже;

6) Центрально-европейский институт азиатских исследований (Central European Institute of Asian Studies, CEIAS) – аналитический центр, объединяющий исследователей из Чехии, Словакии и Австрии;

7) Центр Картера – американская общественно-политическая организация, связанная с Демократической партией США;

8) Фонд «Альянс демократий» – некоммерческая организация, занимающаяся «продвижением демократии и свободных рынков» во всем мире, связанная с правительствами стран НАТО.

Как видно из приведенного списка, среди восьми исследований лишь одно полностью контролируется китайской стороной, еще в одном случае опросы проводятся совместными усилиями, а шесть могут быть связаны с заведомо «прозападной» политической ориентацией организаторов. «Альянс демократий» даже официально провозглашает своей целью противостояние влиянию Китая и России. Тем не менее, с учетом возможной политической ангажированности, все перечисленные организации являются уважаемыми институциями, придерживающимися академических стандартов в проведении опросов общественного мнения и обладающими соответствующими компетенциями. Поэтому собранным ими данным вполне можно доверять. Кроме того, сопоставление данных, полученных китайской правительственной газетой «Global Times» и китайским же издательством China International Publishing Group, с результатами опросов иностранных прозападных организаций (в особенности проведенными либо по телефону, либо через Интернет напрямую из-за рубежа) позволяет провести перекрестную проверку на предмет отсутствия идеологических искажений в выводах исследований.

Таблица 1

Опросы населения КНР об их отношении к другим странам

Организация	Сроки опросов	Методы опросов	Характеристики выборки	Источники данных *
Всемирная служба BBC	Первый опрос 4–20 декабря 2004 г. Последний опрос 24 февраля – 25 апреля 2017 г.	Телефонный	1000–1800 человек в 9–18 крупных городах (в зависимости от года). Ошибка выборки 2,5–4%	BBC World Service, 2005–2014, 2017
Центр Пью	Первый опрос 2 апреля – 28 мая 2007 г. Последний опрос 15 апреля – 27 мая 2015 г.	Личное интервьюирование по месту жительства	Около 3000–3500 человек (в зависимости от года), многоступенчатая территориальная вероятностная выборка, взвешенная по социально-демографическим параметрам, репрезентирующая более 60% взрослого населения КНР (прежде всего, проживающих в крупных городах и близлежащих населенных пунктах). Ошибка выборки 3,3–3,5%	Pew Research Center, 2023a, b
Genron NPO	Первый опрос 9 июня – 8 июля 2013 г. Предпоследний опрос 25 августа – 25 сентября 2021 г. Последний опрос 21 августа – 12 сентября 2022 г.	Личное интервьюирование по месту жительства	Около 1500 человек (в зависимости от года) в 10 крупных городах. Ошибка выборки не приведена	Genron NPO, 2013–2022
Global Times	Первый опрос 10–15 декабря 2021 г. Второй опрос 8–15 декабря 2022 г.	Онлайн	Около 2000 человек в 16 городах в семи основных регионах Китая. Ошибка выборки не приведена	Global Times, 2021–2022

Окончание таблицы 1

Организация	Сроки опросов	Методы опросов	Характеристики выборки	Источники данных *
Ipsos	Первый опрос 24 сентября – 8 октября 2021 г. Второй опрос 23 сентября – 7 октября 2022 г.	Онлайн	1000 человек, выборка взвешена по полу, возрасту и образованию, но смещена в сторону городского населения. Ошибка выборки 3,5%	Bricker, 2021–2022
Центрально-европейский институт азиатских исследований	9–23 марта 2022 г.	Онлайн	3039 человек, выборка репрезентирует население КНР по полу, возрасту и региону. Ошибка выборки не приведена	Turcsanyi et al., 2022
Фонд «Альянс демократий»	30 марта – 10 мая 2022 г.	Онлайн	1000 человек, выборка взвешена по полу, возрасту и образованию. Ошибка выборки 3,2%	Alliance of Democracies, 2022
Центр Картера	28 марта – 5 апреля 2022 г.	Онлайн	4886 человек, выборка взвешена по полу и возрасту, репрезентирует пользователей Интернета в КНР. Ошибка выборки не приведена	Carter Center, 2022

Примечание. * См. в Приложении.

Три исследования (BBC, Центра Пью и Genron NPO) имели длительный повторяющийся характер и позволяют оценить изменение установок к России и США на протяжении 8–12 лет, причем исследование Genron NPO захватывает и период 2021–2022 гг. Еще два опроса (Global Times и Ipsos) проводились незадолго до начала СВО и по прошествии почти года после ее начала, так что они содержат информацию об изменении установок к России и США под влиянием СВО. Наконец, три более «сиюминутных» опроса (Центрально-европейского института азиатских исследований, Центра Картера и Фонда «Альянс демократий») были проведены после начала СВО и позволяют определить отношение населения КНР в некоторых аспектах без точных сравнений по времени. Все они, кроме опроса Центра Картера, позволяют осуществить сравнение отношения китайцев к России и США.

Все восемь исследований проведены по общенациональным выборкам населения Китая, имеющим достаточно большой объем. Однако пять из них реализованы методом онлайн-опроса. Все восемь охватывают в первую очередь население крупных городов КНР. По этой причине только для четырех опросов авторами исследований представлены оценки статистической погрешности (ошибки выборки), которые также следует рассматривать как погрешность относительно городского населения. Впрочем, сельское население может слишком мало интересоваться международными вопросами для составления релевантного мнения о них, поэтому данное обстоятельство нельзя считать критическим недостатком.

Долгосрочные тенденции отношения китайцев к России и США. Наиболее ранние данные мониторинговых опросов относятся к исследованиям Всемирной службы BBC, начавшимся еще в 2004 г. (табл. 2). Они ежегодно проходили в 2004–2010 гг. в ноябре, в 2011–2012 гг. один опрос захватил сразу два года, так как был проведен

Таблица 2

**Динамика отношения населения КНР к России и США, по данным Всемирной службы ВВС,
2004–2017 гг., %**

Год	Следующие страны оказывают в основном позитивное или в основном негативное влияние на положение дел в мире?						Δ ИБ
	Россия			США			
	В основном позитивное	В основном негативное	ИБ	В основном позитивное	В основном негативное	ИБ	
2004	64	16	48	40	42	–2	50
2005	56	16	40	22	62	–40	80
2006	59	26	33	28	52	–24	57
2007	69	14	55	38	46	–8	63
2008	74	18	56	34	58	–24	80
2009	55	19	36	29	44	–15	51
2010	47	40	7	33	53	–20	27
2011–2012	52	27	25	29	48	–19	44
2013	44	27	17	20	57	–37	54
2014	55	17	38	18	59	–41	79
2017	74	18	56	33	61	–28	84

в декабре-январе, и в 2013, 2014 и 2017 гг. даты сменились на февраль. Хотя это, вероятно, совпадение, но нельзя не заметить, что эта серия опросов прекратилась после 2017 г., когда было зафиксировано существенное ухудшение отношения к Великобритании и США. Основным показателем, характеризующим это отношение, выступал вопрос «Следующие страны оказывают в основном позитивное или в основном негативное влияние на положение дел в мире?». Для осуществления простейшего анализа мы рассчитали индекс благоприятствования (ИБ), представляющий собой разность между положительными и отрицательными оценками. Как показывают данные табл. 2, отношение населения Китая к России и США характеризовалось значительной неравномерностью; индекс благоприятствования для России колебался от 7 до 56 п.п. в течение 2–3 лет, а аналогичный показатель для США – от –2% до –40% за год. За период наблюдений нельзя сделать вывод об устойчивом улучшении или ухудшении отношения китайцев к этим странам, динамика имеет скорее волнообразный характер. Однако за все время 2004–2017 гг. индекс благоприятствования для России находился в положительной, а для США – в отрицательной зоне: американское влияние на положение дел в мире традиционно оценивалось китайцами гораздо хуже, чем российское, причем к концу этого периода разница между ними (Δ ИБ) достигла максимального значения (84 п.п.).

Прямой вопрос о положительном или отрицательном отношении к стране задавался также в регулярных опросах Центра Пью, которые показывают в целом ту же картину, хотя и более смягченную в отношении США. Ведь одно дело считать вредным международное американское влияние, и другое – отрицательно относиться к этой стране как таковой. Такие установки готовы были выражать гораздо меньше жителей КНР. Тем не менее в табл. 3 мы видим ту же самую неравномерность, волнообразную динамику и традиционно лучшее отношение к России по сравнению с отношением к США в течение всего периода (за исключением 2010 г.). Вообще временное ухудшение отношения китайцев к России в 2010 г. представляет собой некоторую загадку; в литературе, отчетах об опросах и в новостных сообщениях авторам пока не удалось найти ему объяснения, хотя оно прослеживается и в данных ВВС, и в данных Центра Пью.

Один из наиболее острых вопросов международных отношений – прямая военная угроза – измеряется в исследованиях Genron NPO. В отличие от двух предыдущих рядов данных, обрывающихся в 2010-х гг., этот доходит буквально до сегодняшнего дня

Таблица 3

Динамика отношения населения КНР к России и США, по данным Исследовательского центра Пью, 2007–2015 гг., %

Год	Вы положительно или отрицательно относитесь к...?						Δ ИБ
	Россия			США			
	положительно	отрицательно	ИБ	положительно	отрицательно	ИБ	
2007	54	32	22	34	57	-23	45
2009	46	43	3	47	46	1	2
2010	49	40	9	58	37	21	-12
2011	47	37	10	44	46	-2	12
2012	48	38	10	43	48	-5	15
2013	49	39	10	40	53	-13	23
2014	66	23	43	50	43	7	36
2015	51	37	14	44	49	-5	19

Таблица 4

Сравнительное отношение населения КНР к России и США, по данным Genron NPO, %

Год	Какая из стран представляет военную угрозу Китаю?						Δ ИБ
	Россия			США			
	Не назвали	Назвали	ИБ	Не назвали	Назвали	ИБ	
2013	85,1	14,9	70,2	28,4	71,6	-43,2	113,4
2014	84,4	15,6	68,8	42,2	57,8	-15,6	84,4
2015	91,4	8,6	82,8	26,2	73,8	-47,6	130,4
2016	84,9	15,1	69,8	30,6	69,4	-38,8	108,6
2017	91,1	8,9	82,2	34,3	65,7	-31,4	113,6
2018	90,5	9,5	81,0	32,3	67,7	-35,4	116,4
2019	83,6	16,4	67,2	25,8	74,2	-48,4	115,6
2020	84,6	15,4	69,2	15,9	84,1	-68,2	137,4
2021	91,0	9,0	82,0	19,0	81,0	-62,0	144,0
2022	87,2	12,8	74,4	11,0	89,0	-78,0	152,4

(последний опрос был проведен осенью 2022 г.). Он показывает (табл. 4) те же долгосрочные тенденции установок рядовых китайцев – неравномерную волнообразную динамику с гораздо большим позитивом в отношении России, чем США. В 2022 г. разница между индексами благоприятствования этим странам по вопросу о военной угрозе достигла исторического максимума (более 150 п.п.).

Обобщая результаты трех длительных повторяющихся исследований, можно сделать уверенный вывод, что в период, как минимум, с 2004 по 2022 г. китайское общественное мнение было стабильно настроено в пользу России, по сравнению с США. Единственным исключением являются некоторые аспекты установок в 2010 г., когда отношение к России кратковременно ухудшилось.

Отношение китайцев к России и США в контексте СВО. Рассмотрение сегодняшней ситуации начнем с анализа трех единичных исследований, которые позволяют взглянуть на отношение китайцев к России и США «в моменте». Особенно интересно то, что этот момент для всех трех исследований наступил весной 2022 г., вскоре после начала СВО. По данным всех трех опросов, проведенных в этот период, у населения КНР сохранилось положительное восприятие России и, в целом, скорее отрицательное – США (табл. 5).

Хотя представленные в табл. 5 исследования пока не повторялись, из измеренных в них индикаторов два – ответы на вопросы «Насколько положительно или отрицательно вы относитесь к следующим странам?» и «Каково ваше общее восприятие России

Таблица 5

**Отношение населения КНР к России и США,
по данным единичных опросов весны 2022 г., в %**

Характеристики социологических опросов	Проводившие опросы организации		
	Центрально- европейский институт азиатских исследований	Центр Картера	Фонд «Альянс демократий»
Формулировка вопроса	Насколько положи- тельно или отрица- тельно вы относитесь к следующим странам?	Соответствует ли под- держка России в рос- сийско-украинском конflikте националь- ным интересам Китая?	Каково ваше общее восприятие России (США)?
Доля благоприятных для России ответов	80	75	59
Доля неблагоприятных для России ответов	12	25	10
ИБ России	68	50	49
Доля благоприятных для США ответов	31	–	11
Доля неблагоприятных для США ответов	60	–	69
ИБ США	–29	–	–58
Δ ИБ	97	–	107

(США)?» – могут быть с известными оговорками сопоставлены с ретроспективным рядом данных «Опроса о глобальных установках» Исследовательского центра Пью (табл. 3). Такое сопоставление показывает, что с 2015 г. позитивное отношение к России выросло на величину от 17 п.п. (по данным «Альянса демократий») до 29 п.п. (по данным Центрально-европейского института азиатских исследований). При этом отношение к США ухудшилось на величину от 14 п.п. до 34 п.п. По сравнению с данными Центра Пью 2015 г. существенно увеличился разрыв в индексах благоприятствования России и США. Эта динамика прямо подтверждается и самооценками участников опроса, организованного Центрально-европейским институтом азиатских исследований: 79% из них улучшили свое отношение к России за последние 3 года и только 7% ухудшили; в то время как в отношении США наблюдается обратная картина: у 60% отношение ухудшилось и только у 24% оно улучшилось за три года [Turcsanyi et al., 2022: 5–6].

Но, быть может, до начала СВО отношение в КНР к России было еще более выигранным? На этот вопрос позволяют ответить сопоставимые опросы, проведенные осенью или в начале зимы в 2021 и 2022 гг. Их результаты обобщены в табл. 6.

Таблица 6

**Отношение населения КНР к России и США, по данным повторяющихся социологических
опросов 2021–2022 гг., %**

Организация	Формулировка вопроса	Показатели	2021	2022
Ipsos	В ближайшие 10 лет следующие страны будут оказывать положительное или отрицательное влияние на события в мире?	Доля благоприятных для России ответов	85	74
		Доля неблагоприятных для России ответов	15	26
		ИБ России	70	48
		Доля благоприятных для США ответов	41	38
		Доля неблагоприятных для США ответов	59	62
		ИБ США	–18	–24
		Δ ИБ	88	72

Окончание таблицы 6

Организация	Формулировка вопроса	Показатели	2021	2022
Genron NPO	Какая из стран представляет военную угрозу Китаю?	Доля благоприятных для России ответов	91	87
		Доля неблагоприятных для России ответов	9	13
		ИБ России	82	74
		Доля благоприятных для США ответов	19	11
		Доля неблагоприятных для США ответов	81	89
		ИБ США	-62	-78
Global Times	Какие из трех направлений двусторонних взаимоотношений, по вашему мнению, наиболее важны (с Россией, США, ЕС)?	Δ ИБ	144	152
		Доля благоприятных для России ответов	56	58
		Доля неблагоприятных для России ответов	44	42
		ИБ России	12	16
		Доля благоприятных для США ответов	42	37
		Доля неблагоприятных для США ответов	58	63
Средние значения по трем исследованиям		ИБ США	-16	-26
		Δ ИБ	28	42
		Доля благоприятных для России ответов	77	73
		Доля неблагоприятных для России ответов	23	27
		ИБ России	55	46
		Доля благоприятных для США ответов	34	29
		Доля неблагоприятных для США ответов	66	71
		ИБ США	-32	-43
		Δ ИБ	87	89

Данные табл. 6 показывают, что отношение к России в Китае после начала СВО изменилось неравномерно и слабо. По одним показателям (военная угроза и позитивное международное влияние) «рейтинг» России несколько упал, но по другим (важность двусторонних связей) – вырос. И те и другие изменения не превышают 11 п.п. и не являются значительными в историческом контексте, поскольку для показателей благоприятности установок в период с 2004 г. был вполне обычен рост/падение на 10–20 п.п. год к году, причем безотносительно к столь значительным обострениям международных отношений, как то, что мы наблюдаем сегодня. За этот же период 2021–2022 гг. отношение к США ухудшилось во всех трех опросах, но это ухудшение также не было значительным по историческим меркам. В целом разрыв между индексами благоприятствования США и России остался на примерно том же уровне, что и раньше.

Заключение. Сопоставление показателей отношения китайцев к России и США в 2004–2022 гг. обнаруживает, что общественное мнение в КНР (насколько оно может быть измерено в массовых опросах) до начала СВО было настроено к России исключительно благожелательно по сравнению с отношением к США: большинство китайцев высказывало в адрес РФ положительные установки, отрыв которых от положительных установок по отношению к США часто превышал 50 п.п. С началом СВО на Украине это позитивное отношение изменилось лишь незначительно. В частности, индексы благоприятствования России уменьшились на величину, обычную для годовой динамики. Аналогично незначительно ухудшилось отношение к США, а разрыв между Россией и США при этом остался на прежнем уровне. В целом результаты опросов показывают, что в общественном мнении КНР текущая ситуация рассматривается скорее как нормальная и не требующая мобилизации установок, занятия каких-то жестких коллективных позиций.

Учитывая количество обобщенных исследований, их разную политическую ориентацию при достаточно высокой методической культуре их организаторов, разные методы опросов и разброс в датах их проведения, полученные выводы можно считать вполне надежными. Их ограничения связаны с тем, что все выборки, на которые мы можем

опереться, обладают выраженным смещением в сторону более образованного и активно в Интернете городского населения. С одной стороны, это означает, что анализируемое нами мнение более фундировано, так как оно производится социальными стратами, наиболее способными к этому. Однако, с другой стороны, это создает определенную опасность для достоверности показателей, поскольку недоступная для опроса часть генеральной совокупности граждан КНР в принципе может иметь существенно отличающиеся установки. При измерении установок в отношении России и США эта опасность невелика, так как более образованные городские жители КНР в целом занимают более прозападные идеологические позиции [Pan et al., 2018]. Хотя это не означает автоматически более высокую поддержку России среди сельского населения, можно сделать вывод, что общие оценки благоприятного отношения к ней в проанализированных данных не должны быть сильно завышены, а отношения к США – занижены.

ПРИЛОЖЕНИЕ

- Alliance of Democracies (2022) Democracy Perception Index. URL: <https://www.allianceofdemocracies.org/initiatives/the-copenhagen-democracy-summit/dpi-2022/> (accessed 17.02.2023).
- BBC World Service (2005) Public opinion poll report. URL: https://worldpublicopinion.net/wp-content/uploads/2017/12/LeadWorld_Apr05_rpt.pdf (accessed 17.02.2023).
- BBC World Service (2006) Public opinion poll report. URL: https://web.archive.org/web/20060619170009/http://www.worldpublicopinion.org/pipa/articles/home_related/168.php?nid=&id=&pnt=168&lb=hm pg#Russia (accessed 17.02.2023).
- BBC World Service (2007) Public opinion poll report. URL: https://web.archive.org/web/20070309125245/http://www.worldpublicopinion.org/pipa/pdf/mar07/BBC_VIEWSCountries_Mar07_pr.pdf (accessed 17.02.2023).
- BBC World Service (2008) Public opinion poll report. URL: https://worldpublicopinion.net/wp-content/uploads/2016/06/BBCVals_Apr08_rpt.pdf (accessed 17.02.2023).
- BBC World Service (2009) Public opinion poll report. URL: https://web.archive.org/web/20091120114518/http://www.worldpublicopinion.org/pipa/pdf/feb09/BBCVals_Feb09_rpt.pdf (accessed 17.02.2023).
- BBC World Service (2010) Public opinion poll report. URL: https://worldpublicopinion.net/wp-content/uploads/2017/12/BBCViews_Apr10_rpt.pdf (accessed 17.02.2023).
- BBC World Service (2011) Public opinion poll report. URL: <https://globescan.com/2011/03/07/international-views-of-us-continue-to-improve/> (accessed 17.02.2023).
- BBC World Service (2012) Public opinion poll report. URL: <https://globescan.com/2012/05/10/views-of-europe-slide-sharply-in-global-poll-while-views-of-china-improve/> (accessed 17.02.2023).
- BBC World Service (2013) Public opinion poll report. URL: <https://globescan.com/2013/05/22/views-of-china-and-india-slide-while-uks-ratings-climb/> (accessed 17.02.2023).
- BBC World Service (2014) Public opinion poll report. URL: https://globescan.com/wp-content/uploads/2014/06/2014_country_rating_poll_bbc_globescan.pdf (accessed 17.02.2023).
- BBC World Service (2017) Public opinion poll report. URL: <https://globescan.com/2017/07/04/sharp-drop-in-world-views-of-us-uk-global-poll/> (accessed 17.02.2023).
- Bricker D. (2021) Ipsos World Affairs. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-11/World-Affairs-Global-Survey-2021-Halifax-Security-Forum.pdf> (accessed 17.02.2023).
- Bricker D. (2022) Ipsos World Affairs. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2022-11/HISF%2022%20-%20Full%20Report.pdf> (accessed 17.02.2023).
- Carter Center. (2022) Chinese Public Opinion on the War in Ukraine. URL: <https://uscnpm.org/2022/04/19/chinese-public-opinion-war-in-ukraine/> (accessed 17.02.2023).
- Gallup inc. (2014) Rating World Leaders Report. URL: https://www.gallup.com/file/services/182771/Rating_World_Leaders_Report_FINAL.pdf (accessed 17.02.2023).
- Genron NPO (2013) Japan-China Public Opinion Survey 2013. URL: https://www.genron-npo.net/en/opinion_polls/archives/5260.html (accessed 17.02.2023).
- Genron NPO (2014) Japan-China Public Opinion Survey 2014. URL: https://www.genron-npo.net/en/pp/docs/10th_Japan-China_poll.pdf (accessed 17.02.2023).
- Genron NPO (2015) Japan-China Public Opinion Survey 2015. URL: https://www.genron-npo.net/pdf/2015forum_en.pdf (accessed 17.02.2023).
- Genron NPO (2016) Japan-China Public Opinion Survey 2016. URL: https://www.genron-npo.net/pdf/2016forum_en.pdf (accessed 17.02.2023).

- Genron NPO (2017) Japan-China Public Opinion Survey 2017. URL: <https://www.genron-npo.net/en/archives/171216.pdf> (accessed 17.02.2023).
- Genron NPO (2018) Japan-China Public Opinion Survey 2018. URL: <https://www.genron-npo.net/en/archives/181011.pdf> (accessed 17.02.2023).
- Genron NPO (2019) Japan-China Public Opinion Survey 2019. URL: <https://www.genron-npo.net/en/archives/191024.pdf> (accessed 17.02.2023).
- Genron NPO (2020) Japan-China Public Opinion Survey 2020. URL: https://www.genron-npo.net/en/201117_en.pdf (accessed 17.02.2023).
- Genron NPO (2021) Japan-China Public Opinion Survey 2021. URL: <https://www.genron-npo.net/en/pp/docs/211025.pdf> (accessed 17.02.2023).
- Genron NPO (2022) 第18回日中共同世論調査 (2022年) 結果. URL: <https://www.genron-npo.net/world/archives/13950-2.html> (accessed 17.02.2023).
- Global Times. (2021) Global Times survey URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202112/1243624.shtml> (accessed 17.02.2023).
- Global Times. (2022) Global Times survey URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202212/1282601.shtml> (accessed 17.02.2023).
- Pew Research Center. (2023a) Global Indicators Database. Opinion of Russia. URL: <https://www.pewresearch.org/global/database/indicator/27/country/cn> (accessed 17.02.2023).
- Pew Research Center. (2023b) Global Indicators Database. Opinion of the United States. URL: <https://www.pewresearch.org/global/database/indicator/1/country/cn> (accessed 17.02.2023).
- Turcsanyi R.Q., Dubravcikova K., Kironka K., Wang T., Iocovozzi J., Gries P., Vasekova V., Chubb A. (2022) *Chinese views of the world at the time of the Russia-Ukraine war. Evidence from a March 2022 public opinion survey*. Olomouc: Palacky University and CEIAS. URL: https://ceias.eu/wp-content/uploads/2022/05/CN-poll-report-final_may11.pdf

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Ли Ц., Бабич Н.С. Достоверность опросов общественного мнения в Китае // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 38–43. [Li Qin, Babich N.S. (2023) Reliability of opinion polls in China. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 38–43. (In Russ.)]
- Тен Н.В. От Пушкина до Путина: образ России в современном Китае (1991–2010). М.: НЛО 2016. [Ten N.V. (2016) *From Pushkin to Putin: The Image of Russia in Modern China (1991–2010)*. Moscow: NLO. (In Russ.)]
- Янков А.Г. Синофобия-русophobia: реальность и иллюзии // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 65–71. [Yankov A.G. (2010) Sino phobia vs. Russo phobia: realities and illusions. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 65–71. (In Russ.)]
- Fang S., Li X., Liu A.Y. (2022) Chinese public opinion about US – China relations from Trump to Biden. *The Chinese Journal of International Politics*. No. 1: 27–46. DOI: 10.1093/cjip/poac001.
- Foa R.S., Mollat M., Isha H., Romero-Vidal X., Evans D., Klassen A.J. (2022) *A World Divided: Russia, China and the West*. Cambridge, United Kingdom: Centre for the Future of Democracy.
- Pan J., Xu Y. (2018) China's ideological spectrum. *The Journal of Politics*. No 1: 254–273. DOI: 10.1086/694255.
- Pew Research Center. (2023a) Global Indicators Database. Opinion of Russia. URL: <https://www.pewresearch.org/global/database/indicator/27/country/cn> (accessed 17.02.2023).
- Van der Noll J., Dekker H. (2016) A comparative analysis of Chinese urban citizens' attitudes towards the EU, the United States, Russia and Japan. *International Relations*. Vol. 30. No. 4: 456–472. DOI: 10.1177/0047117816649249.
- Wike R., Fetterolf J., Fagan M., Gubbala S. (2022) *International Attitudes Toward the U.S., NATO and Russia in a Time of Crisis*. Washington, DC: Pew Research Center. URL: https://www.pewresearch.org/global/wp-content/uploads/sites/2/2022/06/PG_2022.07.22_U.S.-Image_FINAL.pdf (accessed 17.02.2023).
- 李随安. 中国的俄罗斯形象 (1949–2009). 哈尔滨: 黑龙江教育出版社, 2012. [Li Sui'an. (2012) *The Image of Russia in China (1949–2009)*. Harbin: Heilongjiang Education Press. (In Chin.)]

Статья поступила: 27.02.23. Принята к публикации: 28.03.23.

ATTITUDES TOWARDS RUSSIA AND THE USA IN THE PUBLIC OPINION OF MODERN CHINA

LI QIN*, BABICH N.S.*****

Southeast University, PRC; **Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Russia; *RUDN University, Russia*

Qin Li, PhD (Philol.), Senior Lecturer, Institute of Foreign Languages, Southeast University, Jiangsu Province, Nanjing, PRC (chineseli@mail.ru); Nikolay S. BABICH, Cand. Sci. (Sociol.), senior research fellow, Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Associate Professor at the Department of Sociology, RUDN University, Moscow, Russia (sociolog@mail.ru).

Acknowledgements. Co-author of this article Li Qin was supported by Fundamental Research Funds for Chinese Central Universities (Project No. 2242020S20050 and Project No. 2242020R10030) and Jiangsu Province Project "Double Creative PhD" (JSSCBS202030305).

Abstract. The acute Russian-American confrontation made it important to reveal the attitude of international public opinion towards Russia and the United States, especially in countries such as China. But the specifics of the attitudes of the population towards foreign states makes it necessary to analyze many aspects of these attitudes, preferably over a long period of time. Since public opinion poll data are usually severely limited both in the number of indicators and in temporal coverage, there is a need to summarize as many polls conducted by different organizations as possible. In this article, such a generalization is made on the basis of eight large-scale public opinion surveys covering the period from 2004 to 2022, including the time shortly before and after the start of the SMO (special military operation). An analysis of survey data reveals that public opinion in the PRC from 2004 to 2021 consistently treated Russia much more favorably: a large majority systematically expressed positive attitudes, the gap of which from attitudes towards the United States frequently exceeded 50%. With the onset of SMO, this positive attitude worsened in some aspects, improved in others, everywhere by an insignificant amount. Attitudes towards the United States also slightly worsened. Thus, we can confidently say that the public opinion of modern China has a very positive attitude towards Russia, rather negative towards the United States, the beginning of the SMO, in general, did not change this situation, and the current events are not perceived by the Chinese public as extraordinary, requiring revision of views on international relations.

Keywords: public opinion, PRC, special military operation, attitude towards Russia, attitude towards USA.

Received: 27.02.23. Accepted: 28.03.23.

© 2023 г.

Д.Г. ПОДВОЙСКИЙ

МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ, ... ПЛЕМЕНА, НАРОДЫ: КАК ЖИВЕТСЯ ЧЕЛОВЕКУ СРЕДИ ЕГО КОНСТРУКТОВ? (Часть 2)

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (dpodvoiski@yandex.ru).

Аннотация. Во второй (заключительной) части очерка, посвященного анализу социально-конструктивистских объяснений гендерных и этнонациональных феноменов, автор обращается к идеям классиков этносоциологического конструктивизма – Б. Андерсона, Э. Геллнера и Э. Хобсбаума, в том числе к аргументации, представленной в концепции «воображаемых сообществ». Дается общая характеристика механизмов и технологий практического (в том числе символически-дискурсивного) «производства» этнических идентичностей, построения и «изобретения» наций и народов – как процедур, осуществляемых интеллектуалами и политиками в разных регионах мира. Выявляется «специфически современный» (коренящийся в природе обществ модерна) контекст формирования национальных государств и национализма как особого политического движения и идеологической доктрины.

Ключевые слова: социальный конструктивизм • этнос • нация • примордиализм • национализм • «воображаемые сообщества» • историческая память • идентичность • стереотип • этносоциология

DOI: 10.31857/S013216250022101-4

«Воображаемые сообщества» и технологии их сборки. Экспликацию логики конструктивистского подхода в исследованиях этничности проще всего проводить с опорой на ключевые идеи наиболее авторитетных его представителей – Б. Андерсона, Э. Геллнера и Э. Хобсбаума. Среди прочего, широкую известность приобрели показательно конструктивистские концепции «воображаемых сообществ» и «изобретенных традиций».

Андерсон, вводя понятие «воображаемого сообщества», следующим образом определяет свои исследовательские задачи: «Отправной точкой для меня стало то, что национальность <...>, а вместе с ней и национализм являются особого рода культурными артефактами. И чтобы надлежащим образом их понять, мы должны внимательно рассмотреть, как они обрели свое историческое бытие, какими путями изменялись во времени их смыслы и почему сегодня они обладают такой глубокой эмоциональной легитимностью. <...> [С]отворение этих артефактов к концу XVIII в. было спонтанной дистилляцией сложного “скрещивания” дискретных исторических сил, но стоило лишь им появиться, как они сразу же стали “модульными”, пригодными к переносу (в разной степени сознательному) на

огромное множество социальных территорий и обрели способность вплавлять в себя либо самим вплавляться в столь же широкое множество самых разных политических и идеологических констелляций. <...> [Я] предлагаю следующее определение нации: это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное. Оно *воображенное*, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности... Геллнер <...> высказывает сопоставимую точку зрения, утверждая: "Национализм не есть пробуждение наций к самосознанию: он *изобретает* нации там, где их не существует". Однако в этой формулировке есть один изъян. Геллнер настолько озабочен тем, чтобы показать, что национализм прикрывается маской фальшивых претензий, что приравнивает "изобретение" к "фабрикации" и "фальшивости", а не к "воображению" и "творению"... На самом деле, все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а, может быть, даже и они), – воображаемые... Сегодня мы можем представить французскую аристократию *ancien regime* как класс; но, разумеется, воображена она была в качестве такового лишь в очень позднее время. На вопрос: "Кто такой граф де Х?" – нормальным был бы не ответ "член аристократии", а ответ "хозяин поместья Х", "дядя барона де Y" или "подопечный герцога де Z" ...» [Андерсон, 2016: 44–45, 47–48].

К каким выводам подталкивает Андерсон? Допустим, методологический индивидуализм прав: в социальном мире существуют только люди с их руками, ногами и головами. Хотя, скорее всего, он лишь ограниченно прав. Ведь живут эти «отдельно взятые» человеческие существа друг у друга под боком и каждый день как-то взаимодействуют между собой. И еще у них есть весьма «богатое воображение». Мы не поймем этих людей, не объясним их поведения без учета того, что они там себе вместе вообразили.

Используя метафору Андерсона, можно сказать, что любая группа, где нет непосредственного контакта, есть продукт воображения людей, политиков или обществоведов, т.к. с социально-номиналистической точки зрения реальны только ее члены, а не она сама. Группы как особые реальности существуют прежде всего в головах – простых обывателей, граждан, подданных, чиновников, активистов, идеологов, социологов, философов, историков. Поэтому в когнитивной перспективе методологического индивидуализма наций, как и классов или иных «вымышленных» категорий лиц с определенными социальными характеристиками, например, пролетариата или буржуазии, феодалов-аристократов (как в иллюстрации из цитаты Андерсона), русских, японцев или американцев, и т.п. «как особых сущностей» – не существует.

Однако здесь опять включает свою игру «коварная» теорема Томаса. Если люди считают себя членами группы Х, это будет сказываться на их поведении и мышлении, индивидуальном и коллективном, по отношению к «своим», «другим», «чужим» и т.д. (вернее – тем, кого определили как «своих», «чужих», «врагов», «друзей», «союзников», «соперников» и т.д.). Если даже сами группы «онтологически», «субстанциально» нереальны, все же, с другой стороны, вполне реальны (и эмпирически наблюдаемы) типические социально обусловленные ментальные и поведенческие качества людей, не выводимые из их индивидуально-психологических и биологических признаков и формирующиеся только как следствие их со-участия в этих самых загадочных «коллективно воображаемых» структурах. Приходится констатировать: человеческие конструкции, в том числе так называемые «воображаемые сообщества», повсюду продолжают жить своей жизнью и властвовать над людьми. Сила тяжести, давления социальных конструктов определена во многом тем, что они формируются достаточно медленно (по меркам продолжительности индивидуального человеческого существования), вплетаясь в ткань исторических судеб сменяющих друг друга поколений.

И еще раз следует повторить: крайний конструктивизм (своего рода пародия на конструктивизм, позиция, которая должна быть решительно отвергнута) представляет все явления как продукты искусственного создания, результаты умышленного

и целенаправленного творчества людей, практически не обращая внимания на объективно-коллективный и исторический характер подобных процессов, реальную принудительность их последствий, «несвободность» контекстов и фонов, условий и обстоятельств, в которых люди что-то конструируют, на социальную и иную детерминированность направленности и характера человеческих действий.

Э. Геллнер говорит: не нация рождает национализм, а национализм делает нацию. Здесь работает некое подобие психологического механизма проецирования установки на ее предмет, например, ненависти и любви на того, кого ненавидишь или любишь. Но это, конечно, не значит, что создать нацию – пара пустяков. Не для всякой стройки всякий материал годится. Т.е. не из всего подряд можно слепить такую конструкцию, как народ. Нужен особый рецепт раствора – чтобы схватилось, застыло, окаменело. И еще для строительства здания требуется подходящая почва, более или менее пригодный социальный и культурный грунт.

Андерсон, отдавая должное линии умеренного примордиализма (адресуя читателя к работам Э. Смита), пишет: «Полностью признавая, что в некоторых важных аспектах национализм – это явление современное, он [Смит. – Прим. Д.П.] настаивал на том, что националистические притязания не могут быть поняты со всей серьезностью, если трактовать их сугубо функционально и считать, что они возникают ex nihilo <...> Национализм обязательно и естественным образом строится на основе гораздо более старых этнических сообществ, первыми примерами которых, возможно не без некоторой доли случайности, стали армяне и евреи» [Нации и национализм, 2002: 19].

Сам Смит, готовый слушать и, действительно, слышащий многие аргументы конструктивизма, замечает: «Как признается Хобсбаум, только некоторые традиции находят отклик у масс, и только немногие из них выдерживают проверку на прочность. Нация, указывает он, – это самая значимая из долговременных “изобретенных традиций”. Если так, то в каком смысле следует считать ее “вымышленной” или “построенной”? Почему это “изобретение” так часто и в столь различных культурных и общественных условиях умеет затронуть такие потаенные струны, вызывая при этом столь долгий отзвук? Ни один артефакт, как бы хорошо он ни был состряпан, не выдержал бы столь много злоключений разного рода или не подошел бы к столь многим различным условиям. Определенно к формированию нации имеет отношение нечто большее, чем националистические подделки, и “изобретение” здесь должно пониматься в другом своем смысле – как новаторская рекомбинация существующих элементов» [Нации и национализм, 2002: 256].

В этом отрывке просматривается беспроегрывный мыслительный ход, использованный в свое время Э. Дюркгеймом, своего рода социологическая адаптация гегелевского принципа «все действительное разумно»: «Принципиальная установка социологии заключается в том, что человеческие институты не могут основываться на заблуждении и обмане: в противном случае они не могли бы существовать достаточно долго. Если бы такой институт не основывался на природе вещей, он столкнулся бы с таким сопротивлением реальности, которое не смог бы преодолеть» [Дюркгейм, 2018: 29]. Если что-то (традиция, обычай, ритуал, институт, система коллективных представлений...) в истории человеческих обществ возникает, укореняется и прорастает, значит – не на пустом месте, если продолжает свое существование – значит неспроста. И у этой тривиальной «функционалистской» истины есть свои резоны.

Каковы слагаемые, ингредиенты, из которых полусознательно/полустихийно складывались большие и малые народы? – Государственность, территория, язык, общие или сходные верования, традиции и мифы, этнокультурная идентичность и национальное самосознание, фенотипические признаки населения (доминирующий антропотип)... etc.? Все это отчасти..., но ни один фактор в данном «букете» не является абсолютно решающим и необходимым сам по себе для процессов этно- и нациогенеза, рассматриваемых in abstracto. В разные эпохи в разных регионах мира было по-разному. Даже беглый и весьма поверхностный взгляд на историю убеждает: не существует никакого единого

варианта или рецепта сотворения ни политических наций, ни этнонаций (ни иных этнических сообществ).

Родной язык имеет огромное значение для символического и коммуникативно-прагматического конституирования этнического сообщества (как маркер принадлежности к определенной культурно-лингвистической общности и как средство повседневного общения ее членов между собой). Утрата языка провоцирует ускорение ассимиляционных процессов. Красиво и пронзительно сказано: когда умирает народ, тогда умирает язык; когда умирает язык, тогда умирает народ. Но все же так происходит не всегда. Существуют нации, скрепляющиеся не по языковому признаку, или – не по нему в первую очередь, двуязычные или полилингвистические сообщества.

Традиция государственности (сохранившейся от былых времен, унаследованной от «отцов и дедов», или, возможно, некогда утраченной, оплаканной, но не забытой) важна. Но хорошо известны случаи, когда очень старым этническим сообществам удавалось сохранять свою культурную самотождественность на протяжении столетий или даже тысячелетий без собственной государственности. Кочевые и диаспорные народы реализуют иную модель связи с территорией, нежели народы оседлые, которые в свою очередь далеко не всегда автохтонны для той или иной местности. Нередко регион исхода оказывается удаленным от региона оседания на сотни и тысячи километров. Накатывающие друг на друга миграционные волны разных эпох превращают ойкумену в запутанный полиэтнический клубок, своего рода лоскутное одеяло. Поэтому про большинство территорий на земном шаре очень трудно сказать определенно: чьи они по «историческому праву», кто тут туземец и абориген, кто мигрант, кто коренной, а кто пришлый? Тип внешности (он выглядит как типичный француз, итальянец, грузин...) в этнических образованиях численностью в миллионы человек не может быть гомогенным, напротив, является весьма дифференцированным. Далеко не всегда народы формируются как моноконфессиональные духовные общности.

Во многих случаях региональная и более широкая национальная идентичности образуют весьма причудливые смешения и сочетания, притом потенциально взрывоопасные, могут провоцировать сепаратистско-централистские конфликты, если, например, локальная общность захочет повысить свой ранг путем реформатирования «этнической общности» в «народ» (что идеологически нетрудно осуществить, поскольку четкого дифференцирующего водораздела этих понятий не существует).

Можно также легко поссориться на почве того, какая именно современная общность имеет право считаться наследницей, правопреемницей, биологическим или духовным потомком и продолжателем славной традиции и деяний N? Кто чей предок? И претендентов (каждый – с убедительными аргументами) может быть несколько. Откуда есть пошла земля русская – из Киева, Новгорода, Старой Ладogi? Кто такие современные киевляне и черниговцы, москвичи и питерцы, суздальцы и костромичи... [etc.], так сказать, по происхождению – поляне, древляне, кривичи, вятичи, ижора, меря, мещера... [etc.], и когда они, точнее их предки, превратились в русских или украинцев? Кем по национальности были Владимир Святославич и Ярослав Мудрый (если использовать возникшую много столетий спустя систему этнической номинации)? Кто «по праву» наследует традицию Киевской Руси и в чем эта традиция заключается? Вопросы вообще-то мало корректные, и лишь мерой исторической условности отличающиеся от вопроса: а куда выгнали чужь белоглазую, чьи потомки могут в любой момент выползти из нор и болот и заявить свои права на большую часть Европейской России как «подлинно хтонические» хозяева краев, освоенных когда-то восточными славянами? Историю и этническую картографию почти любого народа и региона можно подобным образом иронически деконструировать...

Эти примеры лишний раз указывают на то, что сшиваться, склеиваться или, наоборот, кроиться на части материя этничности может весьма по-разному. Одно-единственного рабочего лекала или шаблона нет.

К этому прибавляется и следующее важное соображение. Длительность исторической сборки социального тела этнической конструкции также может быть очень разной, но она сама едва ли является критерием, при помощи которого мы способны различать «настоящие», «нормальные», «полноценные» этносы–народы–нации и «неполноценные», «недоделанные». Каждое из когда-либо существовавших этнических сообществ проживало процесс самостановления по-своему, причем с неочевидным, непредзаданным результатом, который нельзя было предсказать заранее. Этно-культурно-политическая карта мира и его регионов, несомненно, могла быть какой-то другой, не такой, какой она стала, и ее сложившийся (отчасти меняющийся) рисунок зависел и продолжает зависеть от огромного количества причин. Одни народы появлялись, другие исчезали, и не только из-за физического исчезновения их представителей, естественной убыли населения. Каким-то этническим единицам повезло больше, каким-то меньше. Где-то этногенез сопровождался становлением политико-государственных структур, где-то сочетался с активными духовными поисками тех или иных слоев, институционализацией религиозной жизни и значительными культурными достижениями. Наконец, на возводимые людьми «священные алтари» наций в разных местах в разное время потребовалось пролить неодинаковое количество человеческой крови.

Само различие «старых» и «новых» наций не является совершенно бессмысленным, однако его не следует понимать в том смысле, что, мол, старые нации являются какими-то более естественными, чем те, процесс становления которых разворачивался на глазах (и при участии) людей последних двух столетий (как будто бы нации второго типа слепили буквально на коленке, на скорую руку, на раз-два). Э. Смит, ссылаясь на Х. Сетона-Уотсона и Ч. Тилли, пишет: «Нельзя обходить вниманием различия ... между медленно возникавшими и существующими уже в течение достаточно долгого периода нациями (и государствами) Западной и Северной Европы и более поздними "нациями, созданными по расчету" в эру национализма. Очевидно, что на Западе процесс "формирования нации" был непредвиденным и непреднамеренным, государства сколачивались вокруг доминировавших этнических сообществ и, в свою очередь, постепенно становились национальными. В других частях мира подобные процессы были невозможны без внешних стимулов и целенаправленных усилий» [Нации и национализм, 2002: 258].

Нации эпохи модерна (будь то гражданско-политические или с претензией на общие этнические корни народа) строились и перестраивались особым образом – использовался ли при этом строительный материал, из которого уже что-то «грандиозное» раньше возводилось, или нет. Собственно, и сам национализм как установка строителей наций – в этом сходится большинство исследователей – есть идеология сравнительно новая, специфически модернистская, явившаяся продуктом становящихся индустриальных, урбанизированных, массовых обществ. Национализмы разных сортов формируются параллельно с формированием национальных государств, разрушением полиэтнических империй и борьбой колоний за политическую независимость от метрополий. Национализм как идеология родом не из сельской местности, а из города (хотя деревенскую ментальность и образ жизни он мог порой превозносить и восхвалять). Для продвижения национализма в массы и пробуждения в них национальных чувств важны повышение уровня грамотности и доступность культурных благ (чтобы националистические идеи становились ходовыми, успешно распространялись, циркулировали). Цель национализма, как правило, – утверждение политической независимости или автономии общности, определяемой как нация. В ряде случаев эта независимость уже условно была в наличии (если не было проблем с «иноземным владычеством»), но чаще – за нее приходилось бороться.

Тот же Геллнер противопоставляет идеальные типы развитого традиционного и индустриального обществ. В первом чувства культурного единства в пределах политического союза не было, доминировали статусные и узколокальные идентичности, имела место культурная лоскутность. И лишь в современном обществе – с его универсализмом, в т.ч. образовательным и языковым, необходимым для выполнения высокоспециализированных

функций умственного труда и коммуникации по этому поводу, всеобщей грамотностью и относительной стандартизацией жизненных практик, высокой мобильностью и частично размытыми межгрупповыми границами, – формируется своего рода общее культурное поле, которое занимает идея нации. Т.е. на эту идею именно в обществе второго типа возникает актуальный запрос. Причем наиболее остро проблемы национализма и выработки национального самосознания заявляют о себе в процессе перехода – от первого типа общества ко второму. «В доиндустриальном мире очень сложные образцы культуры и власти существовали в переплетении, но не смыкались друг с другом и не приводили к возникновению национальных государств. В условиях индустриализма и культура, и власть претерпевают стандартизацию, начинают служить основанием друг для друга и в конечном счете смыкаются. Политические единицы обретают четкие очертания, совпадающие с границами культур. Каждая культура требует себе политической крыши...» [Нации и национализм, 2002: 198].

Так, воображаемому предку современного русского человека, жившему в допетровскую эпоху, было бы, наверное, довольно трудно объяснить: что значит быть русским. Раньше люди не опознавали себя по «интегральному» национальному признаку, как это происходит сегодня. Ключевые идентификации людей в доиндустриальных обществах носили по преимуществу локальный характер. В одной из ранних переписей населения крестьяне на вопрос об идентификации, – видимо, не до конца понимая, что от них хотят, но в то же время довольно точно отвечали: «тутошные мы» (т.е. местные, живем мы тут). И если бы последовал уточняющий вопрос, они, должно быть, расшифровали: вот здесь... живем, работаем, кормимся и молимся., на этой земле сеньора нашего, милостью божьей – графа такого-то, маркиза Карабаса, князя Милославского., и т.п.

Но с течением времени людям постепенно растолковали, что такое иметь национальность или принадлежать к нации. И это новое знание оказалось максимально востребованным в изменившихся (и продолжающих постоянно изменяться) условиях модернизирующихся обществ.

Одно из возможных функционально нагруженных определений нации звучит так: «Нация предстает как такое сообщество, которое удовлетворяет потребности индивида или коллектива в душевном тепле, стабильности и силе, значение которых возрастает по мере того, как утрачивают свое бывшее значение семейные и соседские узы» [там же: 237]. В символическом арсенале многих политически организованных сообществ современности используется образ нации как родины-матери, по отношению к которой приличествует испытывать чувства благоговейного трепета и сыновней любви. Наряду с этим культурным конструктом может выстраиваться и более конкретный культ лидера нации (если таковой имеется) – живого или вечно живого, мудрого отца, «вождя и учителя», *pater patria*, эдакого мега-альфа-самца или супер-биг-мена (возможны варианты образа). Так, собственно, формируется *патриотизм* как любовь к родине, отличающийся от сопоставимых по силе социально-альтруистических чувств, знакомых людям прошлого (например, от античного патриотизма греков и римлян, или феодальной верности королю или старшему сеньору в системе вассалитета). Все эти новые идеалы (долг перед Родиной, служение Отчизне) и сопровождающие их возвышенные эмоции были призваны отчасти компенсировать экзистенциальную неприкаянность человека модерна, его духовное сиротство и безотцовщину. Людям, утратившим привязанности к *Gemeinschaft* ам бывших времен (патриархальной семье/отчому дому, религиозной и соседской общине, господскому поместью/феодалному замку как центру социального космоса деревенской жизни, и т.п.), нужно было что-то предложить взамен. Свято место пусто не бывает, поэтому Нечто должно было заполнить вакуум, образовавшийся в результате ослабления традиционных социальных связей и духовных авторитетов. И этим Нечто стали Народ, Нация, Отечество и подобные продукты и фетишизированные конструкции коллективного сознания.

То есть и политические нации, и этнонации, и более мелкие «этничности» создавались и продолжают создаваться не только в политических, но и в социальных,

и психологических целях: они образуют символическую почву для обретения идентичности в обществе, не дающем других оснований, на которых такая идентичность могла бы быть построена. Общество модерна разрушает старые социальные связи семейного, религиозного, общинного, соседского типа, но что-то должно было их заменить. В XIX–XX столетиях утверждаются идеи больших гражданских наций. В последние десятилетия начинают просматриваться новые тренды, в т.ч. «глокализация», этнический ренессанс как «последнее убежище» от одиночества, атомизации, страхов, рисков, привносимых в жизнь людей «текучей современностью».

Этнические ренессансы новейшего времени по всему миру суть формы защитной компенсаторной реакции на риски индивидуализированного общества, где люди хотят обрести чувство психологической поддержки, защиты и принадлежности к группе в условиях доминирования формальных институтов, вторичных структур, в окружении вездесущих чужаков. Желание найти «свой угол», оказаться «среди своих» в стремительно меняющемся мире, – где, как кажется многим, «уже ничто не свято», – подпитывает ностальгию по примордиальным сообществам (обычно изрядно мифологизируемым) и рождает стремление оказаться в их крепких и заботливых объятиях.

Как разбудить прекрасную принцессу? Национальные движения лепили народы и нации своими руками из имевшегося в их распоряжении социоэтнокультурного материала, и на их языке это называлось национальным возрождением или пробуждением. «Термин “пробуждение” чрезвычайно характерен для самоописания этих движений, – подчеркивает Геллнер. – Он намекает на существование неких перманентных, не дремлющих “рациональных” целостностей, которые только ждут, что их кто-то разбудит. В действительности, конечно, эти целостности не пробуждались, а создавались. <...> Нации стали рассматриваться как реалии социального мира, существующие от века. И если на более ранних исторических этапах они не проявляли себя открыто, то только потому, что они еще “спали”, а главная задача националиста состоит в том, чтобы их “разбудить”» [там же: 168, 172–173]. При таком взгляде на вещи нация представляла как заколдованная принцесса (или класс у Маркса – сначала «в себе», потом «для себя»), т.е. как объективно существующая общность, но латентная, не проявленная на уровне группового самосознания, которая спит и ждет чьего-то волшебного поцелуя (партии, группы реформаторов, революционеров и сочувствующих им интеллектуалов-гуманитариев, национально-освободительного движения и т.п.).

Огромное значение имели усилия, направленные на конструирование исторической памяти народа. В этом контексте обычно припоминают метафору Э. Ренана, утверждавшего, что «народная традиция должна была получить не дар памяти, а дар забвения... На Востоке вспоминают то, чего не было, на Западе – забывают то, что было... Единство нации обеспечивается не памятью, а ее потерей» [там же: 192–193]. В общем, что надо – помним, что не хотим – не помним, что-то по ходу выдумываем, выставляем события в выгодном для себя свете, интерпретируем, как нам удобно.

Политики и интеллектуалы как архитекторы и инженеры строительства народов и наций прекрасно понимали: если у национальной общности будут обнаружены исторические корни и племенная этническая почва, тем обоснованнее для здравого смысла будут звучать ее претензии на существование, автономию, самостоятельность и т.п. «У национализма, – заметил Хобсбаум, – есть много веских оснований желать, чтобы его отождествляли с принципом этнической принадлежности, – хотя бы потому, что он обеспечивает “нацию” исторической родословной, которая в подавляющем большинстве случаев у нее, безусловно, отсутствует» [там же: 335]. Как бы то ни было, даже местами поддельная, изобилующая лакунами, но складно и доходчиво изложенная (дискурсивно преподнесенная обывателю) генеалогия народа вносит неоценимый вклад в общее дело строительства наций (все равно никто, кроме узкой кучки независимых экспертов-историков, – если таковые найдутся, – не отличит правды от вымысла и не разберется, в чем подвох).

Нельзя не согласиться с Хобсбаумом: «Прошрое и есть то, что создает нацию; именно прошрое нации оправдывает ее в глазах других, а историки – это люди, которые “производят” это прошрое» [там же: 332]. Историки конструируют авторитетные версии национального прошлого, легитимируя его таким способом. Нация без прошлого может показаться химерой, мыльным пузырем (особенно если смотреть на нее с колокольни идейного противника), поэтому интеллектуалы особого сорта осваивают ремесло по изготовлению апологетических моделей истории одних народов и, в случае надобности, разоблачительно-критических вариантов истории других. Делается это далеко не всегда «под заказ», нередко – по зову сердца и в патриотическом порыве. Но какой именно люди хотят видеть национальную историю своей страны – чем они стремятся гордиться, что выставить напоказ, по поводу чего проливать слезы, из-за чего сокрушаться, о чем хотели бы навсегда забыть? – Это зависит от их текущих жизненных ориентиров и приоритетов, которые могут быть различными.

Например, официальная историография государства в дореволюционной России, потом в России советской и, наконец, постсоветской (при всех отличиях терминологии и концептуального аппарата, использовавшихся историками в разные периоды) не должна была доказывать всему миру, что такой феномен, как российская государственность, действительно существовал. Непрерывное историческое бытование этого хронологически длительного феномена (в разных обличьях и модификациях) имелось налицо. Но это не означало, что национальным апологетам от исторической науки заняться было нечем. Можно сказать, что Н.М. Карамзин стремился обосновать ту самую линию отечественной истории, которую он наблюдал как объективированный факт в период собственной жизни и которую пытался проследить в своем многотомном опусе: историю России как (закономерную!/?) эволюцию самодержавной власти. Модель официальной историографии, предложенная Карамзиным, должна была устраивать имперски ориентированную власть и в XIX, и в XX, и в первые десятилетия XXI в. Карамзин закончил свои изыскания Смутным временем, но основное направление работы для историков Нового и Новейшего времени, желавших последовать за мэтром, легко угадывалось.

Формирование великодержавного абсолютизма, московского, потом петербургского, могло быть преподнесено в оптике имперски-этистического сознания как магистраль русской истории. Возвышение Москвы, прекращение княжеских междоусобиц, образование централизованного государства, снятие ига и победа над Ордой, медленное, планомерное расширение территорий, в т.ч. освоение Сибири, отражение польской интервенции, выход к западным и южным морям в петровские и екатерининские времена, превращение страны в сильного субъекта европейской и мировой политики... и т.д. и т.п. – если этому дается позитивная оценка, то российская история выглядит очень логично, а на многочисленные развилки-бифуркации и потенциальные исходы событий прошлого (не реализованные возможности, далеко идущие последствия шагов и деяний разных исторических личностей...) не стоит обращать особого внимания.

Если бы фактическое, эмпирическое прошлое России на каком-либо из его этапов сложилось несколько иначе (вероятность чего невозможно отрицать), потребовалось бы, соответственно, построение иной историографии. Если бы в противостоянии русских земель победил Новгород (с его вечевой традицией и ганзейскими контактами), или Тверь, если бы исход Смутного времени оказался иным..., поколениям историков пришлось бы иначе расставлять акценты в собственных штудиях. Если бы несколько иначе складывались отношения с Ордой, Польшей и Литвой, Крымским ханством, Османской империей, Швецией, если бы церковь и государство взаимодействовали чуть по-другому¹, вспоминали бы сегодня – в каком-то альтернативном векторе отечественной истории, – скажем,

¹ Если бы, например, митрополиты и патриархи научились эффективно ограничивать княжескую и царскую власть; если бы им удалось устроить с кем-нибудь из российских самодержцев нечто похожее на «хождение в Каноссу».

не Ивана Калиту, Дмитрия Донского, Ивана III, Ивана Грозного..., а, допустим, Михаила Тверского, Олега Рязанского, Марфу-посадницу, Филиппа Колычева, патриарха Никона, царевну Софью...

И, например, никакого универсально правильного ответа на вопрос: что лучше – феодальная раздробленность или централизованное государство? – на самом деле не существует (говорим ли мы об истории русского Средневековья, ренессансной Италии времен Макиавелли или прошлом других регионов и стран). Все зависит от того, в свете каких исторически реализовавшихся или не реализовавшихся перспектив развития общества мы данную дилемму рассматриваем: Карамзин ответил бы не так, как Александр Янов. Поэтому в моделях конструирования истории всегда хорошо просвечивает современность с ее практическими задачами и ценностными предпочтениями. При особом желании в истории любого народа можно найти почти все что угодно, главное – определиться с целевой установкой: что искать?

Гораздо более трудоемкой и нетривиальной задачей является форсированное выплавление наций и народов в новых условиях – так сказать, в новых плавильных котлах, габариты которых могли быть самыми разными. Знаменитая фраза Массимо д'Адзельо «Мы создали Италию, теперь нам нужно создать итальянцев» условно применима (разумеется, каждый раз с особыми оговорками) к множеству случаев «нациостроительства»². Новые народы и нации являлись миру в разных, хотя и типических ситуациях: в результате войн, деятельности сепаратистских движений, после распада империй со смешанным поликультурным населением, освобождения колоний и т.п. Опыт перешивания этно-политико-культурного полотна на бывших территориях Австро-Венгерской, Османской и Российской империй был разным (хотя конкретные сравнения все равно остаются уместными и возможными).

Советская национальная политика, стремившаяся переоборудовать «тюрьму народов» в светлый терем-общешитие строителей коммунизма, имела ряд особенностей. Высокоцентрализованное государство с мощной властной вертикалью *de jure* считалось федеративным и формально декларировало право этнических общностей на самоопределение. Многоуровневый советский федерализм сам по себе был грандиозной моделью и экспериментом национального строительства. Хотя общую рамочную конструкцию («новую историческую общность – советский народ») в итоге сохранить не удалось, именно внутренняя структурная организация Советской федерации определила волею судеб швы и линии разлома, затрепавшие в процессе распада Союза. В свою очередь структура новейшего российского федерализма выступает прямой наследницей национально-федеративной организации РСФСР. Но советский федерализм, формировавшийся на руинах Российской империи, произвел на свет и юридически закрепил право на существование огромного количества этнических общностей, многие из которых в «дружной семье освобожденных народов» узнали о себе впервые. И теперь эти народы полноценно существуют, притягивая к себе сердца и души людей, считающих себя их представителями по праву рождения и/или происхождения.

Этнокультурный ландшафт Средней Азии одновременно проще и сложнее его пятичленного политического деления на Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Таджикистан и Туркмению (смотря как смотреть). Где заканчиваются казахи и начинаются киргизы, куда дели уйгуров, можно ли разложить сложный тюрко-персо-язычный калейдоскоп оседлого населения бывшего Туркестана на узбеков и таджиков, где каракалпаки, памирцы...? Как и почему сформировалась этнополитическая карта Северного Кавказа в том виде, какой мы знаем сейчас? Этническая самоидентификация горцев эпохи Шамиля была совсем другой, иначе на них смотрели и те, кто их покорял. Гораздо важнее для жителей Северного Кавказа была

² Так, Украина находится сейчас на активной стадии нациостроительства, носящего в сложившихся обстоятельствах форсированный характер. Внешние конфликты вообще обычно подстегивают рост национального самосознания, вполне закономерным образом способствуют выплавлению и укреплению национальной идентичности «по скоростному сценарию».

принадлежность к локальным, первоначально родоплеменным, сообществам (клановым (тейпы у вайнахов), расширенным родовым структурам, родовым селам, т.н. «обществам» с их сложными ритуалами и праздниками (например, у осетин), с привязкой к родовым землям и пастбищам в конкретных ущельях и долинах). Почему утвердилось тройственное деление восточнославянских народов – на русских, украинцев и белорусов? Куда дели подкарпатских русинов, которые продолжают считать себя четвертыми в этой компании? (Им как бы просто не повезло, потому что они были вечной фронтальной периферией, которую прибирали к рукам все подряд.) Как конструировалась субэтническая идентичность казаков, поморов, сибиряков, челдонов, потомков староверов? Как создавался Советской властью концепт коренных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока? Как обретали себя и свое этническое самосознание финно-угорские и тюркские народности Поволжья и Урала?

Подобных вопросов множество – и притом про любую область планеты, населенную людьми. Если существует где-то на карте такая-то республика, национальная автономия, регион, провинция, специально выделенная территория с особым статусом, то должны быть и те, кто будет считать себя «стопроцентными» и «чистокровными», настоящими, исконными, несмотря на возможные «но» скептиков.

Националистические идеологии и движения демонстрируют мастерство манипулирования фактами прошлого и производства «задним числом» разного рода исторических традиций и реанимирования как бы утраченных (по существу, создания новых) идентичностей, получающих второе, третье... очередное рождение в принципиально изменившихся обстоятельствах. Они научились все это довольно хорошо делать. Но динамика политической жизни накладывала на старания, стремления и козни националистов свой отпечаток. Войны то и дело проигрывались или выигрывались, альянсы заключались и расторгались, государства распадались, делились или укрупнялись за счет присоединения новых территорий. Когда, например, границы чертились по линейке в кабинетах колониальных, оккупационных или имперских властей, население с весьма сходными культурными признаками (иногда и вовсе кочевое) просто-напросто оказывалось по разные стороны новообразовавшегося фронта. Такой вот нехитрый способ строительства наций. Или, наоборот, нередко случаи, когда весьма дифференцированное, мозаичное население, проживавшее на конкретной территории, по чьему-то волевому решению оказывалось записанным в один народ.

Деятели национального возрождения многих стран отлично понимали, что «дух народа» живет в мифах, обычаях, традициях и, возможно, в первую очередь в языке. Средствами языковой политики можно не только создать народ, но и постоянно поддерживать его идентичность. Пестование исторических мифологий, изучение литературных памятников древности (если таковые были), эпоса и их популяризация, поддержание культа народных героев, предков и праотцев, эксплуатация в повседневной жизни символики, обыгрывающей традицию, обращение к корням, мода на старину, собирание былин и сказаний, письменная фиксация и обработка народных легенд и преданий, интерес к национальному костюму, ремеслам и декоративно-прикладному искусству, народной музыке, танцам и песенной культуре, роль фольклористики и филологии, создание образцов изящной словесности на родном языке и перевод ключевых священных текстов на язык, понятный широкому слою населения³ (особенно в регионах, где надо было выстраивать, воссоздавать язык из народных диалектов и делать его «высоким», письменным, литературным, где у народного языка были слабые позиции, где он считался вульгарным, грубым наречием черни, а аристократия и духовенство использовали другие языки, порой заимствованные...), – все это имело место, делалось и приносило свои плоды.

На этой почве возник национальный романтизм. Благодаря национальным просветителям и литераторам выяснилось, что родного языка – того, на котором поются колыбельные и рассказываются сказки, – можно не стесняться, что он может быть красивым. В странах

³ Например, для современных финнов значение деятельности Микаэля Агриколы (переводчика частей Библии и создателя письменного финского языка) невозможно переоценить.

Центральной и Юго-Восточной Европы, получивших независимость сравнительно поздно или с трудом восстановивших ее после многовековой борьбы, к творцам литературных шедевров относятся как к спасителям языка (а значит в некотором роде хранителям «народного духа»), особенно если они сочувствовали или прямо участвовали в национально-освободительных движениях. Франце Прешерн – в Словении, Людовит Штур – в Словакии, Шандор Петёфи – в Венгрии⁴, Адам Мицкевич – в Польше⁵, Тарас Шевченко и Иван Франко – на Украине (список может быть продолжен) – являются по-настоящему культовыми фигурами.

Очевидно, в конституировании национального подъема свою роль могли играть и действительно играли воспоминания о «былом величии». Например, тем же полякам об их величии было забыть трудно. Но и в целом постоянное публичное муссирование интеллектуалами ярких страниц истории могло серьезно подогревать чувство национальной гордости народов, предпринимавших отчаянные попытки встать с колен и выпрямить грудь. Так, для самосознания тюркских народов Поволжья очень важен факт исторического существования Волжской Булгарии, как для крымских татар – могущественного Крымского ханства. Осетинам очень нравится выделять себя из кавказских народов, подчеркивая свое сармато-аланское происхождение, восхищаться нартским эпосом и почитать Уастырджи. Души жителей сегодняшней Венгрии все еще согреваются от осознания того, какими были в прошлом их страны и грозный Арпад, и креститель Иштван, и блестящий покровитель искусств Матьяш Корвин. Современные мексиканцы и перуанцы гордятся тем, что жили когда-то на свете ацтеки и инки, Монтесума I и Пачакутек Юпанки (другие латиноамериканские народы таким наследием похвастаться не могут).

Как уже отмечалось, процессы конструирования этнонациональных общностей являются «реляционными» и совершаются не в социальном вакууме, не в изолированном пространстве, но всегда по отношению, в сравнении и в связи с параллельно реконструируемыми образами и позициями других этнических групп и народов. Конструируя себя, мы обязательно, так или иначе, конструируем другого – как друга, врага, партнера, конкурента, соседа. «Братский народ» может достаточно быстро при изменении ситуации (например, социального и политического фона взаимодействия сторон) перестать быть «братским». И тогда происходит оперативная или стратегическая реконструкция чужого образа, символический перевод его из одной категории в другую.

* * *

Что мы подразумеваем, говоря, что народ или гендер реальны? Их реальность более похожа на реальность зданий, чем на реальность вулканов и морей. Их эмпирическая действительность наглядна, принудительна и несомненна, но эта действительность – собранная. В то же время мы не говорим, что представители двух полов, возрастных или этнических групп ничем не отличаются друг от друга физически. Это было бы абсурдом. Однако большинство их отличий, которыми интересуются социальные науки, имеют общественно-историческое происхождение и не вырастают или не вытекают из «природы» самих этих категорий индивидов.

Гендер и этнос, как и прочие продукты культурной жизни человека, являются его верными спутниками. Прогнать их насовсем человек не может, они все время возвращаются к нему в разных обличьях. Но и приручить, сделать идеально послушными и покладистыми своих вечных попутчиков у него тоже не получается. Поэтому сбежавшие от людей и ушедшие в отрыв конструкторы постоянно докучают «хозяевам», то радуют, то огорчают их, никогда не позволяя им забывать, что они – эти самые «хозяева» – являются в дополнение к прочим своим ролям галантными кавалерами и милыми дамами, головой и шеей в доме, подкаблучниками и кухонными рабынями, невозмутимыми скандинавами и горячими корсиканцами, любителями корриды и ценителями мюнхенского «Hefeweizen»...

⁴ Притом что Петёфи не был «этническим венгром».

⁵ Хотя польский язык, несмотря на утрату Польшей политической независимости на сто с лишним лет, и не находился в ситуации, близкой к вымиранию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
- Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Дело, 2018.
- Нации и национализм [Сб.]. М.: Праксис, 2002.

Статья поступила: 19.09.22. Принята к публикации: 16.03.23.

MEN, WOMEN, ... TRIBES, PEOPLES: WHAT DOES A PERSON'S LIFE LOOK LIKE AMONG HIS/HER CONSTRUCTS?

PODVOYSKIY D.G.

Lomonosov Moscow State University, Russia; RUDN University, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Denis G. PODVOYSKIY, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University; Assoc. Prof., RUDN University; Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (dpodvoiski@yandex.ru).

Abstract. The article is the second (final) part of the essay devoted to the analysis of social constructivist explanations of gender and ethno-national phenomena. In particular, the author refers to the ideas of the classics of ethno-sociological constructivism – B. Anderson, E. Gellner and E. Hobsbawm, including the argumentation presented in the concept of “imagined communities”. A general description of the mechanisms and technologies of practical (including symbolic and discursive) “production” of ethnic identities, construction and “invention” of nations and peoples is given as procedures carried out by intellectuals and politicians in different regions of the world. A specifically «modern» (rooted in the nature of modern societies) context for the formation of nation-states and nationalism as a special political movement and ideological doctrine is revealed.

Keywords: social constructivism, ethnicity, nation, nationalism, “imagined communities”, historical memory, primordialism, identity, stereotype, sociology of ethnic and national relations.

REFERENCES

- Anderson B. (2016). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Durkheim E. (2018). *The Elementary Forms of Religious Life*. Moscow: Delo. (In Russ.)
- Mapping the Nation (2002). Moscow: Praxis. (In Russ.)

Received: 19.09.22. Accepted: 16.03.23.

© 2023 г.

КАЧЕСТВО ЗАНЯТОСТИ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ И САМОЗАНЯТЫХ В РОССИИ

Всероссийская научно-практическая конференция с одноименным названием, организованная Лабораторией региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН (Уфа) совместно с Научной лабораторией социальных и демографических исследований Уфимского университета науки и технологий (УУНТ), состоялась 14 декабря 2022 г. при поддержке ИК РОС «Социология труда» и Башкортостанского отделения РОС. Модераторами конференции выступили **Г.Р. Баймурзина** (ИС ФНИСЦ РАН) и **Р.М. Валиахметов** (УУНТ).

Мероприятие стало тематической площадкой для обмена взглядами на современную сферу труда и качественные характеристики занятости работающего населения, обмена исследовательским опытом и междисциплинарного взаимообогащения. В докладах рассматривались методологические основы изучения качества занятости и актуальные проблемы наемных работников и самозанятых в России, обсуждались специфические социально-демографические, территориальные, профессиональные и другие аспекты труда и занятости.

При открытии конференции **О.В. Аксенова** (ИС ФНИСЦ РАН) подчеркнула, что ключевыми вопросами современного развития российских регионов являются неустойчивость и специфика занятости, которые во многом определяют современные парадоксы регионального развития. Чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** (РГГУ, ИС ФНИСЦ РАН), приветствуя участников, отметил особенность конференции в слиянии двух направлений – экономического, которое традиционно занималось занятостью, и социологического, которое занималось трудом. «Это органическое единство говорит о том, что мы не только не ограничиваемся призывом к междисциплинарному подходу, а реально демонстрируем его использование», – подчеркнул он. Важным, по мнению Ж.Т. Тощенко, является и то, что на обсуждение выносятся проблемы взаимосвязи труда и других аспектов жизни человека – здоровья, семьи, личной жизни, миграции и др.

В.Ю. Бочаров (Самарский ун-т, СИ ФНИСЦ РАН) подчеркнул особую актуальность заявленной темы в условиях глобальных процессов трансформации занятости. Она, по его мнению, характеризуется множеством рисков и возможностей для общественного развития, требует оперативного реагирования на возникающие угрозы и поиск фундаментальных основ для качественных изменений в сфере труда и занятости в России.

Основные доклады начались с обсуждения теоретико-методологических основ исследования качества занятости. **Г.Г. Татарова** (ИС ФНИСЦ РАН) в своем выступлении заострила внимание на основных «методических ловушках» анализа социально-трудовой сферы и обосновала эвристический потенциал использования типологического подхода (выявления латентных качественно однородных групп) в социологических исследованиях труда и занятости. Идея о необходимости типологизации объектов исследования была продолжена в выступлении **В.Ю. Бочарова** (Самарский ун-т, СИ ФНИСЦ РАН). На основании факторного и кластерного анализа параметров баланса работы и личной жизни им выделены социальные типы рабочей молодежи («зарабатывающие», «выживающие», «адаптированные») и соответствующие стратегии трудового поведения в условиях precarious занятости.

Поиску теоретико-методологических основ изучения профессиональных рисков и управления качеством рабочих мест был посвящен доклад **Е.И. Пашиной** (Саратовский ГТУ). На основе обширного анализа научной литературы и разработок по измерению профессиональных рисков она существенно расширила дискурсивные рамки понятия «профессиональные риски», выделив административно-правовой, организационный, медицинский, социально-экономический, образовательный и социокультурный исследовательские дискурсы. **Т.С. Чуйкова** (Башкирский ГПУ) представила теоретический поиск факторов и механизмов, позволяющих смягчить или нивелировать последствия психологического переживания негарантированности работы. Докладчиком были выявлены причинно-следственные связи и механизмы взаимодействия различных процессов, определяющих благополучие и результативность на работе.

В выступлениях участников конференции отразился широкий спектр подходов к анализу актуальных проблем труда и занятости россиян, различных аспектов занятости и комплекса взаимосвязей с социальными явлениями. **Г.В. Леонидова** (ВолНЦ РАН) представила результаты расчетов интегрального индекса качества трудовой жизни населения Вологодской области в допандемийный и пандемийный годы (2018 и 2020 гг.). Она отметила, что интегральный индекс качества трудовой жизни вырос, вместе с тем снизился индекс устойчивости занятости, что обусловлено ростом безработицы, увольнениями, сокращениями и т.д. **А.К. Соловьев** (Финансовый ун-т, НИЦ РПС РФ) охарактеризовал риски трансформации форм занятости для социального обеспечения пенсионеров. Он призвал научную общественность обратить внимание на исследования о влиянии на пенсионное обеспечение страны увеличения численности самозанятых и специфики характера их труда. **Е.Н. Лузгина** (ПетГУ, Петрозаводск) на примере исследования в Калевальском районе Республики Карелия осветила проблему дефицита возможностей для профессиональной самореализации молодежи на территориях, характеризующихся низким уровнем социального и экономического развития. **Н.В. Дорохова** (ВГУ, Воронеж) провела сравнительный анализ ключевых индикаторов рынков труда России и стран ЕАЭС, обозначив основные тенденции в изменении численности и структуры рабочей силы, среднемесячной номинальной заработной платы работников организаций.

Восприятие качества занятости, безусловно, связано с трудовыми ценностями и мотивацией, которые в свою очередь подвержены изменениям как в связи с жизненными циклами человека, так и с уровнем жизни (индивидуальным и общественным). О специфике трудовых ценностей и мотиваций у представителей различных возрастов и поколений рассказала в своем выступлении **Е.С. Дашкова** (ВГУ, Воронеж).

Т.А. Нигматуллина (БашИСТ – филиал АТиСО) обозначила основные задачи деятельности профсоюзов в России и проблемы рынка труда, которые требуют первоочередных решений в рамках реализации концепции гуманизации сферы труда. Правовым основам гуманизации труда были посвящены доклады **А.В. Рушевой** (ННГУ) и **Л.Н. Нургалиевой** (БашИСТ – филиал АТиСО). В частности, А.В. Рушева отметила значение коллективных договоров в формировании и развитии человеческого капитала организации и указала на противоречия между их содержанием и реальным исполнением. В свою очередь, Л.Н. Нургалиева обратила внимание на проблему использования ненормированного рабочего дня как форму эксплуатации наемного труда и ограничения права на личную жизнь.

Проведенная конференция показала, что оптимальное сочетание трудовой и частной жизни является одним из базовых индикаторов качества занятости, соблюдение которого становится актуальной проблемой современной сферы труда. Очень четко этот процесс проиллюстрирован в докладе **О.А. Мирясовой** (ИС ФНИСЦ РАН) на примере положения женщин-преподавателей вузов в условиях реформирования и оптимизации системы образования. Влияние показателей качества трудовой деятельности на баланс семьи и работы рассмотрено в докладе **А.Б. Алешиной** и **М.А. Серпуховой** (МГУ им. М.В. Ломоносова).

В рамках проблематики качества занятости уделено внимание и взаимосвязи между условиями труда и здоровьем работающих. **Ю.Е. Островская** (ИС ФНИСЦ РАН)

рассмотрела проблемы и перспективы совершенствования трудового законодательства МОТ в сфере безопасности и здоровья. **Г.Р. Баймурзиной** (ИС ФНИСЦ РАН) в соавторстве с **Р.М. Валиахметовым** (УУНТ) и **М.С. Туракаевым** (УУНТ, ИС ФНИСЦ РАН) выявлено, что такие социально-трудовые факторы, как режим работы, характер труда, а также уровень удовлетворенности различными аспектами работы, влияют на самооценки состояния здоровья наемными работниками и самозанятыми в России. **А.В. Ермилова** (ННГУ) охарактеризовала специфические условия труда в спорте высших достижений и их влияние на длительность профессиональной карьеры.

Особое внимание исследователей-трудовиков было обращено на проблематику самозанятости на российском рынке труда. **Т.О. Разумова** и **Н.М. Кирсанова** (МГУ им. М.В. Ломоносова) показали специфику занятости, социально-демографические и другие особенные черты (личностные характеристики, навыки) самозанятых, фрилансеров, предпринимателей и наемных работников. Сравнительный анализ этих групп по критериям precariousности труда был представлен в работе **И.В. Воробьевой** (РГГУ). В отличие от доклада Т.О. Разумовой и Н.М. Кирсановой, самозанятые, фрилансеры и предприниматели рассматривались И.В. Воробьевой как группа «работающих на себя». Выявлено, что «работа на себя» не исключает, а иногда даже углубляет прекаризацию труда, которая, наряду с отсутствием социальных гарантий и стабильности, часто характеризуется самоэксплуатацией. **Р.А. Ахметьянова** (ЦСР РБ) обратила внимание на появление возможностей использования «больших данных» в исследовании самозанятости в условиях легализации такой деятельности (оформлении самозанятых в качестве плательщиков налога на профессиональный доход). В частности, данные сотовых операторов и «СберАналитики» позволяют построить набор аналитических инструментов для анализа профиля самозанятых граждан и формировать более эффективные меры их поддержки.

Ряд выступлений был посвящен проблемам развития человеческого капитала в организациях. На основе собственного опыта включенного наблюдения **Е.В. Сайгиной** (ННГУ) выявлены основные проблемы совершенствования системы управления кадровым резервом в крупной организации оборонно-промышленного комплекса. Кадровый резерв рассматривается автором как основной инструмент развития социального капитала организации. **И.П. Попова** (ИС ФНИСЦ РАН) отметила проблемы поддержки образовательных инициатив наемных работников в организациях, сравнила результаты обучения работников непосредственно на рабочем месте и в дистанционном формате. Оказалось, что обучение работников больше связано с компетентностным, нежели с квалификационно-должностным ростом, сделано предположение о недостаточности материальной и инфраструктурной поддержки на предприятиях активных усилий работников, практикующих обучение, прежде всего дистанционное. **Г.В. Ниорадзе** (РГГУ) на основании анализа документов и глубинных интервью определил основные проблемы организации производственной практики студентов архитекторов и дизайнеров.

Таким образом, тематика докладов представленных на конференции, отражает широкий спектр проблем обеспечения качества занятости в России и ее регионах, а также разнообразие подходов к изучению и анализу качества занятости, среди которых можно отметить методы теоретического конструирования и концептуализации, экономико-статистического анализа, анализа количественных и качественных данных, правовых норм и документов, включенного наблюдения и другие.

Конференция стала площадкой для обмена исследовательским опытом и дискуссий для представителей разных научных школ и дисциплин (социологов, экономистов, психологов, юристов и политологов), образовательных и научных организаций из разных регионов и городов России (Москва, Санкт-Петербург, Уфа, Вологда, Самара, Нижний Новгород, Воронеж, Саратов, Петрозаводск и др.), что свидетельствует о значимости и актуальности обсуждаемых проблем как для социологии труда, так и для смежных дисциплин, изучающих социальные проблемы занятости и трудовых отношений.

Г.Р. БАЙМУРЗИНА, Р.М. ВАЛИАХМЕТОВ, В.Ю. БОЧАРОВ

Баймурзина Гузель Римовна, к. экон. н., зав. Лабораторией региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН (guzrim@mail.ru); ВАЛИАХМЕТОВ Рим Марсович, к. социол. н., декан факультета философии и социологии Уфимского университета науки и технологий (rim_m_sifat@inbox.ru). Оба – Уфа, Россия; БОЧАРОВ Владислав Юрьевич, к. социол. н., доц. кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва; ассоц. науч. сотр., Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Самара, Россия (vlad.bocharov@gmail.com).

THE QUALITY OF EMPLOYMENT OF HIRED AND SELF-EMPLOYED WORKERS IN RUSSIA

DOI: 10.31857/S013216250024459-7

Guzel R. BAIMURZINA, *Cand. Sci. (Econ.)*, Head of the Laboratory for Regional Studies of Quality of Life of the Centre of Russian Regions Research of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (guzrim@mail.ru); Rim M. VALIAKHMETOV, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology of Ufa University of Science and Technology (rim_m_sifat@inbox.ru). Both – Ufa, Russia; Vladislav Yu. BOCHAROV, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Assoc. Prof., Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev; Assoc. Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, Samara, Russia (vlad.bocharov@gmail.com).

© 2023 г.

XIV ГРУШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ В МГУ

Традиционные «Грушинские чтения на Моховой», посвященные научному наследию отечественного философа и социолога Бориса Андреевича Грушина (1929–2007), прошли на факультете журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова 3 февраля 2023 г. Впервые после двухлетнего перерыва исследователи собрались в очном формате, а для гостей из других городов и стран была организована онлайн-трансляция.

Сотрудники ведущих научно-исследовательских центров, преподаватели вузов и социологи из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Перми и других городов на этот раз сфокусировались на двух важных проблемах в контексте идей Грушина. Первой стало моделирование некоторых форм массового сознания на основе методик проекта «Общественное мнение» (более известного как «Таганрогский проект»), второй – «информационные пузыри» («filter bubbles») как феномен массовой коммуникации.

В своём докладе по первой проблеме **А.В. Жаворонков** (ИС ФНИСЦ РАН), опираясь на материалы «Таганрогского проекта», которые были переизданы на факультете журналистики МГУ, показал эвристическую ценность его методик в более поздних исследованиях. Он подчеркнул, что изучение семиотической подготовки аудитории СМИ и информированности населения (руководители – М.С. Айвазян и Б.А. Грушин, авторы программ и полевых документов В.С. Комаровский и Т.М. Дридзе) не были выполнены в полном объёме в конце 1960-х гг. Тем не менее, по мнению докладчика, обнаружение устойчивости найденных семиотических групп с различной степенью адекватности восприятия текста, подтвержденное затем на протяжении десятков лет многими исследователями, выявило ряд трудностей. Обнаруженная стабильность ряда показателей общественного мнения, которые можно назвать «константами массового сознания», нуждается в дальнейших эмпирических уточнениях.

«Выявилась необходимость изучения, с одной стороны, проекций мистически-религиозного, образно-чувственного и абстрактно-логического способов освоения мира (их симбиозов и циклов доминирования в обществе и у индивидов), а с другой – мировоззренческих форм массового сознания (индивидуалистических или общественно ориентированных) в процессе целевого обращения к тексту массовой коммуникации», – отметил А.В. Жаворонков. Он обратил внимание на принципиальную недостаточность анализа интенций через изучение опубликованной информации, поскольку цель сообщения довольно часто лежит вне его текста, автор может намеренно скрывать от реципиента то, что ему не надлежит знать по причинам, находящимся вне текста и как раз порождающим его содержание. По мнению докладчика, проблема требует специального инструментария для анализа содержания сообщений массовой коммуникации, который обращается к процессу присвоения предметных структур текста, интериоризации различных его элементов теми или иными элементами массового сознания.

Поэтому, подчеркнул А.В. Жаворонков, единицей статистического анализа должен стать акт поведения, выражения согласия, использования информации, что позволит реконструировать всё суммарное поле информационного приёма. «Эти процедуры уже были предложены и апробированы в проекте “Общественное мнение” и более поздних исследованиях, использующих его методики. Они готовы к применению в практике широких и эффективных исследований массовой коммуникации по различным аспектам общественной жизни», – завершил своё выступление докладчик.

Второй фундаментальный доклад Чтений был посвящён проблеме «информационных пузырей» и возможным подходам к их изучению. **В.Л. Римский** (СИ ФНИСЦ РАН) напомнил собравшимся, что современные средства персонализации информационного контента – поиска в Интернете, коммуникации в мессенджерах, социальных сетях, на форумах и других тематических сообществах – послужили катализатором для формирования «информационных пузырей». Разумеется, они существовали и раньше, но в современном мире с ними связанные проблемы обострились, отметил докладчик. По его мнению, персонализация стала одним из важнейших факторов развития экономики, ибо она выгодна сфере бизнеса, в частности – владельцам и управляющим СМИ и социальными сетями, чтобы расширять свои аудитории и поддерживать их интерес к своей деятельности. С другой стороны, находиться в своих информационных пузырях выгодно, полезно и комфортно для подавляющего большинства общества, отметил В.Л. Римский. Он добавил, что в условиях ограничения информационного контента у большинства индивидов создаются представления о том, что они имеют все возможности получения необходимой им информации, у них не возникает мотивации выйти за границы зоны комфорта в своём знании информации, потому что это требует усилий и нарушает привычные стереотипы информационного поведения.

Описав основные персональные информационные фильтры (настройки, файлы cookies в браузерах Интернета, сортировку результатов поиска в соответствии с прошлыми запросами пользователей, подписку на каналы и аккаунты в социальных сетях и мессенджерах, формирование круга друзей и др.), В.Л. Римский напомнил, что они задаются и на уровне традиционных СМИ (отбор новостей журналистами и редакторами, определение смыслов новостей редакторами через использование выбранных ими единиц контента, коннотаций и метафор, привлечение экспертов для комментирования новостей и др.) и влияют на формирование персональных фильтров.

Помимо современных традиционных СМИ, формированию и поддержанию информационных пузырей, по мнению докладчика, отчасти способствует сфера образования, направляющая школьников, особенно старшеклассников, на использование фрагментированного знания по школьным дисциплинам и тем самым противодействует формированию у школьников и студентов критического мышления, что ограничивает их возможности в получении новых идей и инноваций.

Схожесть и даже изоморфность информационных пузырей пользователей, близких по социальному статусу, стилям жизни, интересам, профессиям, позволяет говорить о социальных группах, объединённых по этому признаку. Они преимущественно формируются и поддерживаются аккаунтами и каналами социальных сетей, на которые подписаны пользователи, СМИ, в аудитории которых они постоянно включены, сайтами Интернета, которые представители этих социальных групп преимущественно посещают.

Оба проблемных доклада вызвали ряд вопросов и оживленную дискуссию собравшихся. В частности, обсуждались возможные подходы к изучению «констант массового сознания», сопоставимость результатов «Таганрогского проекта» и более поздних исследований, уровень критического мышления современной аудитории СМИ и феномен «информационной войны».

Ежегодные «Грушинские чтения на Моховой» стали площадкой для актуализации идей Грушина, обсуждения современного видения его концепций и их эмпирической оценки в исследовательской практике начала XXI в. Традиционно доклады посвящены одной из семи главных тем чтений: «Пятая жизнь России» (опыт вторичного анализа данных и осмысления социальных процессов последнего десятилетия – по аналогии с названием последнего фундаментального труда Б.А. Грушина «Четыре жизни России»); «48-я пятница» (развитие методологии социологических исследований – в воспоминание об известном методологическом сборнике «47 пятниц»); «Фабрика нового типа» (проблемы и перспективы развития социологических служб и центров в России: именно Грушин был одним из основателей первой такой фабрики – ВЦИОМа).

М.Е. АНИКИНА, В.М. ХРУЛЬ

АНИКИНА Мария Евгеньевна, к.филол.н., доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (maria-anikina@yandex.ru); ХРУЛЬ Виктор Михайлович, д.филол.н., приглашённый исследователь, Католический университет, Ружомберок, Словакия (amen@mail.ru).

XVI GRUSHIN READINGS AT LOMONOSOV UNIVERSITY

DOI: 10.31857/S013216250025454-2

Maria E. ANIKINA, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (maria-anikina@yandex.ru); Victor M. KHROUL, Dr. Sci. (Philol.), Visiting Researcher, Catholic University, Ružomberok, Slovakia (amen@mail.ru).

© 2023 г.

МУЖЧИНЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

17 февраля 2023 г. в Институте демографических исследований ФНИСЦ РАН состоялся Всероссийский симпозиум «Роль мужчины в современном российском обществе». Организаторами мероприятия стали ФНИСЦ РАН, ИДИ ФНИСЦ РАН, Научный совет ООН РАН «Демографические и миграционные проблемы России», Вологодский научный центр РАН, Общественная палата РФ, Российский университет дружбы народов (РУДН), Ивановский государственный университет (ИвГУ, Иваново).

Симпозиум открыл директор ФНИСЦ РАН, чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш**, обозначивший важную роль российского мужчины в современном обществе, которую необходимо обсуждать так же, как и роль женщины. В нынешней ситуации мужчина становится одним из ключевых акторов в жизни российского социума. С приветственными словами к участникам также обратились ректор РУДН, проф. **О.А. Ястребов**, ректор ИвГУ **А.А. Малыгин**.

Проф. **Т.К. Ростовская** (ИДИ ФНИСЦ РАН), открывая пленарную часть, отметила, что положение мужчины в современном российском обществе рассматривается в контексте мировых вызовов и нового российского курса в защиту традиционных ценностей. В связи с этим расширяются социальные роли мужчин и конкретизируются их функции: обеспечение национальной безопасности и демографического воспроизводства, поддержка устойчивого развития общества, воспитание детей, привитие им традиционных семейных ценностей и нравственных ориентиров с опорой на гражданственность и патриотизм, духовное, культурное и физическое развитие. Ключевой задачей на государственном уровне является воспитание патриотично настроенной молодежи, преданной своему народу, любящей свое Отечество, желающей жить и работать, создавать семьи и рожать детей в России. Широкий спектр поставленных задач обуславливает ответственность государства и общества, прежде всего, за сохранение российских мужчин, их здоровьесбережение. Решение этих задач невозможно без актуализации научного подхода к изучаемой проблематике и консолидации усилий ученых при разработке программ, направленных в т.ч. на помощь и поддержку участникам СВО и их реабилитацию.

Чл.-корр. РАН **О.И. Аполихин** (НИИ урологии и интервенционной радиологии им. Н.А. Лопаткина) сфокусировался на необходимости решения проблем мужского здоровья, обратив особое внимание на создание солидарной системы ответственности индивидуума, общества и государства за здоровье мальчиков, юношей, мужчин. Докладчик подчеркнул, что данная система должна включать не только пропаганду и возможность вести здоровый образ жизни, но в то же время спрашивать с тех, кто несет сознательный вред своему здоровью. В этой связи особую актуальность приобретают вопросы изучения особенностей формирования и популяризации самосохранительного поведения мужского населения всех возрастов. Также важно понимание разницы в подходах между медициной общества потребления и медициной социального традиционного общества. Первый подход характерен для общества потребления и подразумевает схему: здравоохранение – бизнес, пациент – клиент, а основная задача медицинских организаций – получение прибыли. Второй – основан на профилактическом подходе, более «человекоориентированный», основной его задачей является предотвращение развития заболеваний. Что касается России, то сейчас во многом реализуется куративная система здравоохранения, с примесью превентивных подходов, связанных прежде всего с диспансеризацией. В этой системе врач является продавцом высокотехнологичных медицинских услуг, приложением к современному оборудованию и лекарствам. Необходима переориентация всей сферы здравоохранения на переход от куративной системы к превентивной системе, при которой благополучателями являются граждане страны.

Проф. **С.А. Панкратов** (ВолГУ) в своем выступлении анализировал данные ВЦИОМ о «настоящих мужчинах» в представлениях опрошенных. Так, «в мужчинах ценят

честность и прямоту» – 19%, сами мужчины – 22%; «мужчина должен быть кормильцем в семье» (59%, чаще так считают сами мужчины – 65%); «надежность, уверенность и постоянство» – ценят 14%, (причем у женщин этот показатель выше, чем у мужчин, – 18 и 8% соответственно); «порядочность и справедливость» – 9%; «отец не хуже матери способен ухаживать за ребенком и вести домашнее хозяйство» – 70%, «сегодня отношения между детьми и отцами стали более доверительными, чем 50 лет назад» – 47%; «у ребенка в ходе отцовского воспитания формируются: уважение к женщине» – 33%; ответственность (27%), мужество и отвага (24%). Докладчик отметил, что, с одной стороны, сохраняется патриархальность отношения к мужчине как к защитнику и главе семьи, обеспечивающему ее безопасность и благополучие, с другой – есть современные тенденции, когда современный мужчина не считает, что бытовые вопросы, связанные с ведением хозяйства и заботой о детях, являются исключительно женским занятием.

Проф. **А.И. Антонов** (МГУ им. М.В. Ломоносова) выступил с докладом в поддержку семейного пронатализма, отметив особую роль многодетной семьи в укреплении и развитии традиционных семейных ценностей. Докладчик подчеркнул, что сегодня российское общество должно быть вовлечено в повышение престижа и пропаганду многодетной семьи с тремя и более детьми. При этом видится важной особая социальная роль мужчины, связанная не только с обеспечением национальной безопасности, но и с вовлеченностью в процесс создания семьи, ориентированной на рождение и воспитание детей, заботу о всех членах многопоколенной семьи. То есть положение мужчины в современном российском обществе рассматривается в контексте противостояния мировым вызовам и нового российского курса в защиту традиционных духовно-нравственных и семейных ценностей. Между тем наблюдается высокий разрыв между социальными ожиданиями относительно роли мужчин в современном обществе и возможностями их удовлетворения: мужчин становится все меньше (сейчас на 1000 мужчин приходится 1151 женщина; ожидаемая продолжительность жизни мужчин на 9 лет ниже женщин; показатели здоровья хуже у мужчин, нежели у женщин). Все эти проблемы и задачи обуславливают необходимость выработки новых государственных подходов к защите институтов брака, семьи, ответственного отцовства, а также их популяризации, особенно в молодежной среде, где нет такой ценности, как ответственное отцовство, поскольку большая часть молодежи выросла без отцов (т.н. феномен «безотцовщины», который необходимо изучать, а его социальные последствия – преодолевать всеми имеющимися силами).

Подводя итоги пленарного заседания Симпозиума, можно отметить, что роль мужчины в современной России требует особого внимания в новых социальных реалиях и поиску актуальных подходов к выработке государственных механизмов сбережения мужчин, самосохранительного поведения мужского населения и поддержки института отцовства.

Т.К. РОСТОВСКАЯ

РОСТОВСКАЯ Тамара Керимовна, д. социол. н., проф., зам. директора Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (rostovskaya.tamara@mail.ru).

MEN IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

DOI: 10.31857/S013216250025455-3

Tamara K. ROSTOVSKAYA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Deputy Director, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia (rostovskaya.tamara@mail.ru).

© 2023 г.

О ЧЕМ ГОВОРИЛИ СОЦИОЛОГИ НА XXIII УРАЛЬСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ЧТЕНИЯХ

Почти полвека прошло с того времени, как состоялись I Уральские социологические чтения в далеком 1976 г. в столице Удмуртии г. Ижевске, – 600 социологов Советского Союза из разных его городов приняли участие в их работе. Руководил организацией и проведением Чтений глава незадолго до этого возникшей Уральской социологической школы, одной из первых в стране, профессор Лев Наумович Коган.

17–18 марта 2023 г. в Екатеринбурге в Уральском федеральном университете состоялись XXIII Уральские социологические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения Л.Н. Когана – выдающегося отечественного социолога второй половины XX в. Центральная проблема Чтений была обозначена как «Личность. Культура. Общество: Наследие Л.Н. Когана и современность» и продемонстрировала верность российских социологов идеям отечественной социологической науки. В работе Чтений участвовали более 500 социологов, среди которых более 300 из Екатеринбурга. Остальные участники представляли разные города – от Новочеркасска до Владивостока, что лишний раз подтвердило понимание в социологическом сообществе роли Когана в развитии отечественной науки.

После приветствий участников Чтений (ректора УрФУ **В.А. Кокшарова**, президента РОС **В.А. Мансурова**, директора ФНИСЦ, чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныша**) были заслушаны доклады «Исследование на промышленных предприятиях Урала в 1950-е гг.: так начиналось возрождение современной отечественной социологии» (чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко**), «Л.Н. Коган и отечественная социология» (проф. **Г.Е. Зборовский**), «Л.Н. Коган о субъектности молодого поколения и развитие российской социологии молодежи» (проф. **Ю.Р. Вишневский**), «Развитие научных идей Л.Н. Когана в Институте экономики УрО РАН» (**Ю.Г. Лаврикова**), «Профессионализм и современная профессиональная культура» (**В.А. Мансуров**). В пленарных докладах были сделаны акценты, с одной стороны, на роль и значение теоретических идей Л.Н. Когана и его практической деятельности для возрождения, становления, развития отечественной, в особенности уральской, социологии во второй половине XX в., с другой – на реализацию этих идей в XXI в.

В пленарных докладах были затронуты различные проблемы и этапы творчества Л.Н. Когана, начиная с самого раннего – его участия в подготовке и проведении Всесоюзной конференции по проблемам подъема культурно-технического уровня советских рабочих (1959) и издании первой крупной социологической монографии по этой проблеме (1961). Рассматривались основные направления развития теоретической социологии в творчестве Л.Н. Когана – проблемы сущностных сил человека, его социальной деятельности, духовной жизни общества, культуры и ее видов. Подробно освещалось участие Когана и его учеников в эмпирических исследованиях, руководство им многими проектами по социальному планированию, разработке комплексных программ социального и культурного развития областей, городов, предприятий. Подробно говорилось об исследованиях под руководством ученого в области образования, культуры, досуга, кино, театра, зрителя. Большое внимание было уделено анализу молодежи, ее многочисленных современных проблем, использованию методологии этого анализа, во многом подсказанного Коганом. Были отражены отдельные аспекты рассмотрения в творчестве исследователя вопросов профессиональной культуры.

Нельзя не сказать и о большом интересе к человеческим качествам и аспектам жизни Льва Наумовича, его простоте, отзывчивости, готовности помочь молодым авторам, о чем на Чтениях много говорилось, в том числе и среди тем, посвященных проблемам создания и развития Уральской социологической школы и Уральских социологических чтений. И школа, и Чтения были его детищем. Важно отметить, что на XXIII Чтениях были представители всех областей, республик и автономных округов, входящих в регион Большого Урала.

В рамках Чтений работало десять секций, два круглых стола. На одном из них встретились редакторы журналов, освещающих на своих страницах вопросы проведения социологических исследований, их материалы и результаты. Также обсуждались актуальные направления профессиональной деятельности социологического сообщества – политика социологических журналов и публикационная активность исследователей.

Особенность секционной работы на Чтениях заключалась в разработке проблем культуры, личности, общества в рамках конкретизации идей Л.Н. Когана. Об этом свидетельствуют и названия многих секций (профессиональной культуры, политической культуры, городской культуры, культуры российского образования, культуры участия в общественной активности, культуры семьи, молодежи как субъекта социокультурного развития, культуры межнационального общения, развития теоретических идей Л.Н. Когана и др.). Так, в рамках секции «Развитие теоретических идей и наследие Л.Н. Когана» были представлены доклады: «Современное значение социологической эпистемологии профессора Льва Наумовича Когана» (М.Б. Перфильева, Н.Л. Захаров, СПб.), «Наследие Л.Н. Когана в антинудологическом измерении» (Р.Р. Ильясов, Р.А. Иксанов, Уфа), «Л.Н. Коган об актуальности политической культуры в современном обществе» (Б.Ю. Берзин, Екатеринбург), «Сохранение наследия региональной социологической школы Н.А. Аитова» (Р.М. Валиахметов, Е.Н. Икингрин, Г.Р. Баймурина, Уфа).

После пленарного заседания также состоялись отдельные (внесекционные) выступления участников Чтений. Так, директор музея Л.Н. Когана в УрФУ Н.Н. Маликова рассказала о работе музея, открывшегося в 2016 г. во время проведения V Всероссийского социологического конгресса. Не забыли отметить и 85-летний юбилей проф. Ю.Р. Вишневого, тем более что ряд социологов приехали на Чтения с поздравлениями в адрес юбиляра.

Состоялся круглый стол, посвященный встрече главного редактора журнала «Социологические исследования», проф. Г.А. Ключарева (ИС ФНИСЦ РАН) с авторами и читателями журнала (модератор проф. Г.Е. Зборовский). Участие приняло свыше 60 человек – постоянные и потенциальные авторы; опытные и начинающие исследователи; преподаватели, аспиранты и студенты, только знакомящиеся с журналом. Атмосфера и содержание встречи показали взаимное стремление узнать и понять друг друга. Очевидно, что журнал стремится не только сохранить и развивать традиции, но и открыт новым вызовам и запросам, старается быть раздатчиком умонастроений российской социологии.

В центре внимания многих выступавших были наиболее значимые и острые проблемы жизни российского общества в новых условиях. Предметом обсуждения стали результаты социологических исследований социальных процессов последних лет, включая такие как пандемия коронавируса, специальная военная операция, переход системы образования на новые технологии, новые направления реформы образования, отказ России от участия в Болонском процессе, усиливающаяся бедность населения, отъезд отдельных групп людей, прежде всего молодежи, за границу и взаимоотношения России с рядом стран, особенно Азии, Африки, Латинской Америки. В заключение работы Чтений было принято решение провести в 2024 г. XXIV, а в 2026 г. – юбилейные XXV Уральские социологические чтения.

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ, П.А. АМБАРОВА

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович, д. филос. н., проф., профессор-исследователь (garoldzborovsky@gmail.com); АМБАРОВА Полина Анатольевна, д. социол. н., проф. (borges75@mail.ru). Оба – кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия.

WHAT SOCIOLOGISTS TALKED AT THE XXIII URAL SOCIOLOGICAL READINGS

DOI: 10.31857/S013216250025456-4

Garold E. ZBOROVSKY, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Research Professor (garoldzborovsky@gmail.com); Polina A. AMBAROVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (borges75@mail.ru). Both – Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Размышления над новой книгой

© 2023 г.

И.В. КАТЕРНЫЙ

РЕАЛИЗМ И «ФОРМАЛЬНАЯ» СОЦИОЛОГИЯ: НОВАЯ ПЕРЕСБОРКА СОЦИАЛЬНОГО (о книге И.А. Шмерлиной)

КАТЕРНЫЙ Илья Владимирович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России; старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (yarkus@mail.ru).

Аннотация. Проводится теоретический анализ идей, предложенных И.А. Шмерлиной в ее новой книге «Социология социальных форм: пересборка теории» (2022). Автором книги ставится задача реконструировать теоретический каркас социологической традиции, основанной на концептуализации категории «социальной формы». Эта традиция не имеет парадигматического статуса, но, связывая воедино идеи таких авторов, как Г. Зиммель, Ф. Теннис, Х. Фрайер, Г. Гурвич, Р. Бхаскар и др., И.А. Шмерлина раскрывает большой эвристический потенциал формальной социологии в объяснении природы социальности. На основе методологии критического реализма и данных социобиологии представлена целостная картина структурной организации социальной жизни с использованием классических социологических антиномий «общество-индивид», «структура-участие», «макро-микро».

Ключевые слова: социальная форма • реализм • формальная социология • социальная теория • социальность

DOI: 10.31857/S013216250025457-5

Со времен Демокрита с его идеей атомов как материальных (прото)форм бытия стремление человеческого гения к поиску универсальных и примордиальных концептов, объясняющих происхождение всех вещей, видимых и невидимых, на протяжении тысячелетий неумолимо воспроизводит дискурс эссенциализма, требующий обоснования неизменных первородных сущностей или их качеств. Уже Аристотель, переворачивая материальный эссенциализм Демокрита, противопоставляет материю форме, сделав последнюю имманентным источником «чтойности» (субстанции) бытия и подлинным предметом метафизики и каузального анализа. Но и в демокритовской, и в аристотелевской версиях эссенциализм закрепляется в последующем развитии науки как главная цель познания – либо через идею первоэлементов, либо через поиск причинных законов, «природы», «подлинной реальности», «чистых типов» или даже конечных причин. Однако если в естественных науках и даже в теологии такая ориентация познавательного интереса вполне закономерна ввиду признаваемой нетранзитивности (онтологической автохтонности) объекта познания, то в контексте социальности эссенциалистская научность сразу сталкивается с проблемой субъекта, а значит, и гносеологическим проклятием транзитивности (релятивности) познаваемого.

Новая книга И.А. Шмерлиной является еще одним свидетельством того, что проблема научности знания в области социологической теории до сих пор остается напряженной

эпистемической дилеммой, т.к. вопрос онтологии *explanandum*'а здесь каждый раз упирается в герменевтические апории. Как с самого начала утверждает автор, имеющиеся в социологии и субъективистские, и объективистские парадигмы, решая главный онтологический вопрос, дают неудовлетворительные ответы на то, что считать реальным объектом познания – человека или общество. Имея в названии скрытую аллюзию на работу Б. Латура «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию» (2005) [2020], автор ставит столь же амбициозную задачу реконцептуализировать эпистемологические основания социологического мышления, но в отличие от Латура не трансформировать их в радикально иную теоретическую плоскость, а скорее воссоздать утраченную целостность социологической теории как дискурса о *реализме* социального.

Неудовлетворенность неизбывным антиномическим характером базового для социологии нарратива, противопоставляющим структуру участию, разрешается автором, возможно, излишне лапидарной констатацией «психологического вырождения» субъект-ориентированных стратегий, не вовлекающих внесубъектные категории анализа. Какие именно теории и подходы здесь имеются в виду, специально не оговаривается, но с учетом текста подготовленной автором докторской диссертации именно они провозглашаются сегодня господствующими в социологии. Однако сам этот тезис, если за ним скрывается спектр конструктивистских и прагматистских идей, так или иначе подчеркивающих рефлексивный или автономный характер акторного и корпорального участия, может быть оспорен ввиду большой разнородности таких концепций (см.: [Лок, Стронг, 2021]). Так или иначе, выбор в пользу социологии социальных форм видится Шмерлиной как оправданный и эпистемологически единственно возможный горизонт имплементации проекта каузального объяснения социального с учетом того, что данное направление «в целом не реализовало свой теоретический потенциал и осталось на периферии социально-научной мысли» (с. 7)¹. Последующие главы и разделы книги разворачивают перед нами широкую картину эвристически богатых и одновременно метонимически ускользающих интерпретаций социальных форм и попытку реконструкции формальной социологии в истории науки на основе собственных авторских обобщений и выводов, несомненно заслуживающих пристального внимания специалистов в области социальной и социологической теории.

Как известно, предшествующим понятию социальной формы в социологии следует считать термин «жизненная форма» (*forma vivendi*), который активно применялся еще в Средневековье для описания образа жизни людей (см.: [Ионин, 2004: 222–224]), а позднее в XIX в. разрабатывался в немецкой неокантианской философии и психологии (Г. Риккерт, Э. Шпранглер). При этом один из основателей философии жизни Г. Риккерт указывал на Г. Зиммеля как наиболее точного выразителя идеи «формы жизни» в его понятиях «более-жизнь» и «более-чем-жизнь» [Риккерт, 1998: 328]. Все, что делали и до сих пор делают социологи в области теории, можно обозначить как движение в сторону экспликации «оформленных» сторон жизни. По сути, «формальность» в социологии как ориентация на поиск реляционных или самотождественных социальных сущностей отражает ее уникальный специфический статус в ряду других социальных наук.

Но изучение социальных форм в рамках формального подхода грозит столкнуться либо с проблемой эпистемологической тавтологии, когда анализ оборачивается максимальной «формализацией» в худшем смысле этого слова, либо с (дескриптивным) выходом за пределы самого понятия, имплицитно стремящегося охватить любые внесубъектные референты. Поэтому методологическая позиция Шмерлиной неизбежно потребовала переопределения границ самой формальной социологии. Семантическое напряжение в самом слове «форма», на которое указывает автор (с. 70–71), где можно выделить внутренне-содержательное и формально-логическое значения, сказывается и на структуре книги, призванной удержать рамки не слишком узкого («содержательного») и не слишком широкого («формального») понимания самого формального подхода в социологии.

¹ Ссылки на рецензируемую книгу приводятся далее в круглых скобках.

Как указывает в заключении автор, изложенные ею идеи и подходы «эксплицируют интуиции, присутствующие в социологии Г. Зиммеля и Н. Элиаса, АСТ и “культурфилософии” Х. Фрайера, “типологической социологии” Г. Гурвича, критическом реализме Р. Бхаскара и М. Арчер» (с. 115). Несомненно, такой подход ближе к содержательному выбору, иначе не объяснить отсутствия некоторых классических идей, имеющих отношение к теме исследования. Фрейм-анализ Бэйтсона-Гофмана, теория полей (от П. Бурдьё до Н. Флигстина и Д. Макадама), теории социального обмена и социальной сети (от Дж. Хоманса до К. Кук), объективирующие элементарные и структурные формы социального поведения – первое, что приходит в голову здесь. Также отметим, что в работе почти не упоминается К. Маркс, который еще до теории общественно-экономических формаций концептуализировал понятие формы, став, на наш взгляд, его научным пионером. Так, еще в рукописной «Немецкой идеологии» (середина 1840-х гг.) речь шла о формах собственности – племенной, античной и феодальной – как прообразах будущих «формаций», а также о «формах общения» (Verkehrsformen) – то, что впоследствии стало называться «производственными отношениями». Этот термин включал в себя и материальное, и духовное общение индивидов, социальных групп и целых стран. Как подчеркивали комментаторы, Маркс и Энгельс в этой работе показывают, что материальное общение, и прежде всего общение людей в процессе производства, является основой всякого иного общения [Маркс, Энгельс, 1955: 590]. В работе же Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», которая является частью «Экономических рукописей 1857–1861 гг.» (Grundrisse), выделялись различные формы общества (общины) на основе соответствующих отношений собственности (античный, азиатский, германский типы) [Маркс, Энгельс, 1968: 461–508]. В итоге поздний марксов концепт формации можно трактовать как историко-материалистическую социальную форму, которая структурируется как институциональный тип и одновременно стадия общественного развития. Однако если предположить, что Маркс не входит в круг интересов автора в рамках формальной социологии, то активное привлечение концептуального аппарата акторно-сетевой теории должно было бы обратить внимание читателей на теоретическое наследие Г. Тарда, к которому в своих поздних работах обращается и сам Б. Латур. Речь идет о малоизвестной, но уже изданной на русском языке работе Тарда «Монадология и социология» (1893), где представлена оригинальная и, по сути своей, трансцендентальная версия социологии социальных форм, построенная на других концептуальных основаниях, нежели известная нам теория подражания этого французского классика. В качестве элементов изотропной социальности здесь выступают особые взаимопроникающие силы или «сферы действия», обозначенные Тардом как монады, которые, в отличие от лейбницеvских, не герметичны, не атомизированы, а открыты друг другу, образуя среду вселенского масштаба. В итоге любые объекты, включая людей, планеты, молекулы, организмы, можно представить здесь как ассоциацию монад, где нет привычного деления на макро- и микромир, а есть только внутренние отношения взаимного владения «каждого всеми, принимающие самые разнообразные формы» [Тард, 2016: 60]. Социология предстает как самая универсальная наука о мире как об обществе монад. Это та же самая идея социальной формы как «особого рода субъектности», к которой стремится И.А. Шмерлина, но обоснованная другими концептуальными средствами.

В этом смысле, наибольший интерес для развития социологической мысли представляет именно авторская разработка формального подхода с позиции критического реализма, развернутая во второй главе книги. Социальная форма понимается И.А. Шмерлиной как «реализуемый во взаимодействиях инвариантный комплекс позициональных и смысловых (семиотических) отношений» (с. 63). Структурно-социальные формы занимают промежуточное, связующее положение между внешним ресурсным контекстом (возможными диспозициями) и конкретной человеческой деятельностью. Форма «смешивает» реляционные статусные позиции и семиотические значения, выраженные «через соответствующий рисунок поведения и через вещи, несущие агентную или символическую нагрузку» (с. 68). В этом отношении формы существуют в четырех общественных сферах, которые конституируют социальный порядок, – в области

отношений по поводу (материальных) ресурсов, отношений по поводу воспроизводства структуры, отношений по поводу распределения социальных ролей (иерархии) и отношений, направленных на поддержание социального единства, что, как признается автор, воспроизводит классический системный анализ Т. Парсонса. При этом социальная форма трактуется как дискретное внесубъектное образование, каж-дое в отдельности имеющее свои границы и свою собственную телеологию. Чтобы легитимировать специфический подход, автор еще раз прописывает, что понятие «формы» не тождественно понятию «структуры». Если структуру можно разломать на другие (микро)структуры, то сама «форма» определяет целостность и качественную определенность конкретного реляционно-семиотического комплекса, сближаясь с психологическим процессом образования гештальта в восприятии объекта (с. 71–72).

Тем не менее здесь опять возникает вопрос, чем «формы» онтологически отличаются от «фреймов», «полей» и «сетей», где также в той или иной степени задействуются статусно-реляционные и смысловые связи. Очевидно, что проблема в определении онтологического статуса социальной формы возникает из-за нерешенности вопроса о стратификационных уровнях самой изучаемой реальности. Парсонс, в частности, решая этот вопрос, намеренно отказался от понимания теории действия как инструмента открытия содержательных эмпирических закономерностей и занял позицию максимально абстрактного наблюдателя, трансцендирующего изучение конкретных явлений в область сугубо «аналитического реализма» культур-детерминистского типа. Если в своей предыдущей книге «Биологические грани социальности» Шмерлина помещала каузальные комплексы человеческого поведения в «первый» мир природы [Шмерлина, 2013], то в рецензируемой – склоняется к трансцендентальному пониманию человеческих социальных форм, помещая их в «третий мир» К. Поппера, где автономно самоорганизуются реифицированные символические системы (с. 101). Таким образом, классическая проблема типологизации изящно решается автором с точки зрения видовых различий: этологические «природные» формы универсальны для всех социальных животных на контактном эмпирическом уровне (семья, дружба, иерархия и др.), институциональные – специфичны только для человека как надсубъектные «реальные» сущности «третьего мира», обладающие своей собственной феноменологической и каузальной субъектностью. Институты закономерно рассматриваются как сложные идеально-материальные комплексы, включающие идеи, нормы, правила, процедуры, организации, но конкретных примеров, отличных от этологических форм, автор не приводит. Однако, как известно, сам Поппер признавал наличие третьего мира и у животных, в том числе наличие у них языка и институтов (в виде существования паттернов строительства гнезд, нор, плотин, паутин, троп) [Поппер, 2008: 130]. Существуют ли, действительно, институты у животных, требует отдельного рассмотрения, но то, что некоторые виды более социальны (т.е. более сплоченны, иерархичны и альтруистичны), чем человек, уже вполне доказано десятилетиями исследований в области социобиологии [Hölldobler, Wilson, 2008], а значит и социальные формы у них более развиты. Но здесь важнее указать, что попперовская концепция третьего мира редукционистски сказывается на понимании именно человеческих социальных форм. Между первым бессубъектным природным миром и третьим надсубъектным институциональным миром образуется ригидная связь, либо инструментализирующая субъекта действия, либо вовсе элиминирующая субъективно-интенциональное измерение из замкнутого круга семиотического автопойезиса. Выводя субъекта из мира институтов и социальных форм в целом (во внешнюю среду), автор, на наш взгляд, упирается в типичную функционалистскую проблему – как объяснять аффективные и креативные действия, девиации, риски, травмы и устойчивое существование бастардных (немодалных) [Хьюз, 2009] и неформальных институтов. Неспроста И.А. Шмерлина подчеркивает, что, например, коррупция – это не совсем институт, т.к. она нелегитимна с точки зрения доминирующих ценностей [Шмерлина, 2016], а дружба и любовь вообще не институты, поскольку «не сопряжены с ресурсами» (с. 97). Однако что касается дружбы, то известно, что в античности дружеские отношения устанавливались в ритуально-обрядовой форме, были связаны

реципрокными обязательствами и даже имели правовые последствия для самих друзей и третьих лиц (например, рабов), а позднее нашли организационное воплощение в институте «*amici Augustini*» (друзья принцепса) – прообразе императорского двора (см.: [Дождев, 1996: 135–159]). В рамках структурного подхода дружба в социологии также может анализироваться как социальная организация, имеющая социальную форму (*shape*) т.н. промежуточного (интерстициального) института со своими особыми связями (зависимостями), внутренней структурой (аффективной, лидерской, коммуникационной) и собственной культурой (от норм взаимности до дружеских неологизмов) (см.: [McCall et al., 2010]). Любовь же как сфера интимных отношений также исторически эволюционирует с институциональной точки зрения. Э. Гидденс, в частности, напрямую трактует модернизированную интимность как разновидность демократии на основе институционализации принципа автономии в сфере сексуальных, дружеских и родственных отношений [Гидденс, 2004]. С другой стороны, история России (как и ее современность) наглядно показывают, как целые институты (государство и др.) могут оказываться *во власти* персоналистских режимов, наделяющих индивидуальных субъектов институциональными чертами.

Для обоснования рационально-умеренной позиции в рамках реалистской программы исследования более релевантным по сравнению с попперовским подходом была бы, на наш взгляд, актуализация именно концепции трех миров Р. Бхаскара, на которого также опирается И.А. Шмерлина, но, скорее, в трактовке М. Арчер. В оригинальном виде сама сфера постигаемой действительности у Бхаскара предполагает три онтологических уровня – «реальное», «актуальное» и эмпирическое» [Bhaskar, 2008: 2]. Последний включает в себя индивидуальный переживаемый опыт, второй – независимые от сознания события, объекты, вещи, а первый – каузальные механизмы (законы), выявляемые наукой. Институты, как и общество в целом, здесь не принадлежат сугубо трансцендентальной сфере «реального», но, скорее, пронизывают все уровни. Как писал сам Бхаскар, «общество не существует независимо от человеческой деятельности (ошибка реификации). Но оно и не продукт ее (ошибка волюнтаризма)» [Бхаскар, 1991: 229]. Предсуществующие социальные формы реализуются не сами по себе, а в практике их *производства* людьми, сознательно преобразующими социальные условия своего существования внутри, а не снаружи институтов, хотя сами институты не сводятся к людям. Другими словами, идеи и представления людей о сути своей деятельности неотделимы от институциональных социальных форм. И эта позиция не является конструктивистской, так как разделяется «критическим натуралистом» Бхаскаром, как он себя называл. Не случайно сам английский философ постоянно обращался к наследию Маркса, в котором видел первый образчик социологии социальных форм как исторически и практически фундированной науки.

Идея о том, что общество на уровне социальности не состоит из людей, а, скорее, люди состоят из общества (социальных и социобиологических структур), является важным достижением социологической реалистской мысли, но будущее реализма, на наш взгляд, не в новом движении в сторону парсонсианского эссенциализма, неизбежно ведущего к подмене онтологии эпистемологией, но в учете ситуативных, когнитивных и корпоральных аспектов социальности. Примером этому является теория полей Н. Флигстина и Д. Макадама, в которой анализируется связь социальных навыков индивидов к стратегическому (квалифицированному) действию на микроуровне с их встроенностью в различные социальные поля на макроуровне, выступающие как система взаимосвязанных институтов [Флигстин, Макадам, 2022].

В свое время Р. Мертон, критикуя Парсонса, писал, что время для создания гранд-теорий в социологии еще не пришло, но с тех пор было представлено достаточно макро-социологических идей, общим местом которых является стремление к обоснованию интегральных концепций социального на стыке герменевтического и нормативного, культурцентристского и биологического подходов. Свой вклад в этом направлении делает и И.А. Шмерлина, что особенно отрадно в ситуации поколенческого разрыва в российской теоретической социологии. Новую монографию И.А. Шмерлиной отличает не только

глубина и систематичность проработанного материала, как и все ее работы, но и интеллектуальная смелость, направленная на разгребание тяжелых концептуальных завалов в социологии и воодушевляющая не только автора, но и читателя бросать вызов идеям классиков и современников теории, тем самым не давая забывать, что социология – еще молодая наука, требующая не благоговейного признания заслуг и теоретического успокоения, а, наоборот, постоянных усилий по ее перенастройке, пересборке и движению вперед.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бхаскар Р. Общества // Социо-Логос / Пер. с англ., нем., франц. М.: Прогресс, 1991. С. 219–240.
- Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004.
- Дождев Д.В. Основание защиты владения в римском праве. М.: ИГП РАН, 1996.
- Ионин Л.Г. Социология культуры: уч. пос. для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. М.: ВШЭ, 2014.
- Лок Э., Стронг Т. Как устроена матрица? Социальное конструирование реальности: теория и практика / Пер. с англ. М.: ВЦИОМ, 2021.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.
- Маркс К., Энгельс Ф. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1968. Т. 46. Ч. 1. С. 461–508.
- Поппер К. Знание и психофизическая проблема: в защиту взаимодействия / Пер. с англ. М.: ЛКИ, 2008.
- Риккерт Г. Философия жизни / Пер. с нем. Киев: «Ника-Центр», «Вист-С», 1998.
- Тард Г. Монадология и социология / Пер. с фр. М.: Гиле Пресс, 2016.
- Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей / Пер. с англ. М.: ВШЭ, 2022.
- Хьюз Э.Ч. Незаконнорожденные институты // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. Вып. 3 (№ 50–51). С. 55–62.
- Шмерлина И.А. Социология социальных форм: пересборка теории. М.: ФНИСЦ РАН, 2022.
- Шмерлина И.А. Corruption as a diffuse institute // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 11(67). С. 248–277. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-11-248-277.
- Шмерлина И.А. Биологические грани социальности: Очерки о природных предпосылках социального поведения человека. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
- Bhaskar R. A Realist Theory of Science. London, New York: Routledge, 2008.
- Hölldobler B.E., Wilson O. The Superorganism: The Beauty, Elegance, and Strangeness of Insect Societies. New York: W.W. Norton & Co., 2008.
- McCall George J., McCall M.M., Denzin N.K. et al. Friendship as a Social Institution. London, New York: Routledge, 2010 (1970).

REALISM AND “FORMAL” SOCIOLOGY: A NEW REASSEMBLY OF THE SOCIAL (reflecting on a book of I.A. Shmerlina)

KATERNYI I.V.

MGIMO University, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Ilya V. KATERNYI, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of the Department of Sociology, MGIMO University; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (yarkus@mail.ru).

Abstract. A theoretical inquiry into the ideas proposed by Irina A. Shmerlina in her new book “The Sociology of Social Forms: Reassembling the Theory” (2022) is provided. The author of the book pursues theoretical reframing the sociological tradition based on elaborating the category of “social form”. This perspective has no accredited paradigmatic status as a whole, but by reviving and reassembling theoretical contribution by G. Simmel, F. Tönnies, H. Freyer, G. Gurvitch, R. Bhaskar and others, Irina A. Shmerlina reveals the promising heuristic potential of “formal” sociology in explaining the nature of the social. Grounded on the methodology of critical realism and research in the field of sociobiology, the book develops a comprehensive view on the structural organization of social life, thus attempting at resolving the classical sociological antinomies “society-individual”, “structure-agency”, “macro-micro”.

Keywords: social form, realism, formal sociology, social theory, the social.

REFERENCES

- Bhaskar R. (1991) *Societies* (from Bhaskar R. (1979) *The Possibility of Naturalism* (ch. 2). Brighton: Harvester Press). *Sotsio-Logos*. Moscow: Progress: 219–240. (In Russ.)
- Bhaskar R. (2008) *A Realist Theory of Science*. London, New York: Routledge.
- Dojdev D.V. (1996) *Basis for the Protection of Possession in Roman Law*. Moscow: IGP RAN. (In Russ.)
- Fligstein N., McAdam D. (2022) *A Theory of Fields*. Moscow: GU VSHE. (In Russ.)
- Giddens A. (2004) *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Hölldobler B.E., Wilson O. (2008) *The Superorganism: The Beauty, Elegance, and Strangeness of Insect Societies*. New York: W.W. Norton & Co.
- Hughes E.C. (2009) *Bastard Institutions* (from Hughes E.C. (1971) *The Sociological Eye: Selected Papers*. N.Y.: Routledge. P. 98–105). *Lichnost. Kultura. Obschestvo* [Personality. Culture. Society]. Vol. XI. Iss. 3. No. 50–51: 55–62. (In Russ.)
- Ionin L.G. (2004) *Sociology of Culture*. 4th ed. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Latour B. (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Lock A., Strong T. (2021) *Social Constructionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice*. Moscow: VCIOM. (In Russ.)
- Marx K. (1968) *Forms which Precede Capitalist Production*. In: Marx K., Engels F. *Works*. Moscow: Politizdat. Vol. 46. P. 1: 461–508. (In Russ.)
- Marx K., Engels F. (1955) *The German Ideology*. In: Marx K., Engels F. *Works*. Moscow: Politizdat. Vol. 3: 7–544. (In Russ.)
- McCall G.J., McCall M.M., Denzin N.K. et al. (2010 (1970)) *Friendship as a Social Institution*. London, New York: Routledge.
- Popper K.R. (2008) *Knowledge and the Body-Mind Problem*. Moscow: LKI. (In Russ.)
- Rickert H. (1998) *Die Philosophie des Lebens*. Kyiv: Nika-Centr, Vist-S. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2013) *Biological Facets of Sociality: Essays on the Natural Prerequisites of Human Social Behavior*. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2016) *Corruption as a Diffuse Institute. Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem* [Modern studies of social problems (e-journal)]. No. 11(67): 248–277. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-11-248-277. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2022) *Sociology of Social Forms: Reassembling the Theory*. Moscow: FNISTS RAN. (In Russ.)
- Tarde G. (2016) *Monadologie et sociologie*. Moscow: Gile Press. (In Russ.)

Коротко о книгах

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В СОЦИОЛОГИИ КАК ДИАГНОСТИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА / Отв. ред. Г.Г. Татарова, А.В. Кученкова. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 358 с.

В монографии рассматривается эволюция представлений о типологическом методе в социологии, место типологического анализа как метаметодики в структуре социологической методологии, направления развития этой области исследований, «методологические ловушки», возникающие в исследовательских практиках. Предлагается технология типологического анализа для диагностики производственной ситуации на промышленных предприятиях. Анализируется эвристический потенциал логико-комбинаторных методов в типологическом анализе, предлагаются методические решения для использования их на практике.

Монография адресована исследователям, интерес которых к сфере теоретико-методологической рефлексии в эмпирической социологии повышен.

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В РОССИИ: ВЫЗОВЫ, РЕАЛИИ, ИНДИКАТОРЫ / Отв. ред. В.И. Мукомель, К.С. Григорьева. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 400 с.

В монографии представлены результаты исследования процессов адаптации и интеграции иностранных мигрантов в контексте взаимоотношений с принимающим населением и консолидации локальных социумов в Российской Федерации. Рассматриваются различные подходы к измерению результатов интеграции, взаимоотношения принимающего населения и мигрантов, правовое регулирование интеграционных процессов и приоритеты органов государственной власти и местного самоуправления. Центральное внимание уделяется доступу мигрантов к рынку труда, доступности здравоохранения, образования, долгосрочного пребывания и гражданства, а также проблемам интеграции отдельных контингентов иностранных граждан и перспективам интеграции. Предлагается набор индикаторов для оценки процессов интеграции в различных сферах.

Книга будет интересна специалистам в области миграционной политики и межэтнических отношений, преподавателям, студентам, аспирантам, а также всем интересующимся вопросами адаптации и интеграции иностранцев в России.

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. ПУБЛИЧНЫЙ ДИСКУРС И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА / Отв. ред. И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 434 с.

В книге представлены результаты исследования консолидационного потенциала российской идентичности в контексте межнациональных отношений. В разделах монографии рассматриваются динамика распространенности и текущее состояние общероссийской идентичности на общероссийском и региональном уровне, процесс обновления ценностных маркеров общероссийской идентичности, роль языковой политики, взаимосвязь межэтнических установок, обобщенного и межэтнического доверия, воспринимаемого этнического неравенства.

Книга будет интересна специалистам, работающим в сфере регулирования межэтнических отношений, преподавателям школ и вузов, студентам и аспирантам, а также всем интересующимся вопросами российской идентичности и межэтнических отношений.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВЕТСКОГО МОДЕРНА / Отв. ред. О.В. Аксенова. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 300 с.

В монографии представлены результаты исследования социокультурной специфики советского модерна. Авторы, прослеживая трансформацию российской социокультурной традиции в советском обществе, ее сочетание с масштабными инновациями, приходят к выводу, что советский проект был органичной частью российской цивилизации. Также анализируются особенности социального действия в советском обществе на примере событий Великой Отечественной войны. Выявлены особенности централизованного управления в СССР посредством анализа развития удаленных территорий. Рассматриваются цивилизационная миссия Советского Союза, социокультурные факторы его

распада, институциональный и социокультурный «след» советской цивилизации в современной России и некоторых государствах постсоветского пространства.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей России, ученым-обществоведам, студентам социологических и политологических факультетов.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ / Отв. ред. Т.А. Сеньюшкина; науч. ред. Е.А. Сеньюшкин. Симферополь: Н. Орианда, 2022. 320 с.

В коллективной монографии публикуются результаты исследований, посвященные взаимосвязи национальной идентичности и коллективной памяти. Показывается роль национальной идентичности как стратегического ресурса политического развития России, анализируются новейшие вызовы, связанные с политической памяти в современных условиях идеологического противоборства на мировой арене, рассматриваются информационные технологии конструирования идентичности в условиях виртуализации жизненного мира.

Ильдарханова Ч.И. ГЕНЕРАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ МУЖЧИН В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА. Казань: АН РТ, 2021. 244 с.

В социально-демографическом дискурсе впервые определены теоретико-методологические подходы (социодемографический, гендерный, социализационный, акторно-сетевой, тезаурусный) к пониманию сущности социального феномена генеративного поведения, что вносит определенный вклад в ликвидацию данной лакуны в отечественной и зарубежной науке. Проанализирован тезаурус российских мужчин с целью выявления значимых ценностных ориентаций, предпосылок их формирования, степени развитости и направленности той или иной ценностной компоненты, степень их влияния на процессы брачного, семейного, репродуктивного и генеративного поведения, а также социально-экономических реакций и изменения в семейных статусах.

Сухарев О.С. МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: НЕРАВЕНСТВО, БЕДНОСТЬ И РОСТ. М.: ЛЕНАНД, 2023. 240 с.

В монографии раскрываются проблемы макроэкономической политики роста в России с акцентом на преодоление бедности, неравенства и проведения соответствующей социальной политики. В книгу вошли свежие исследования автора 2021 и 2022 гг. Также уделено внимание инвестиционной и денежно-кредитной политике, позволяющим стимулировать экономический рост в России.

Книга будет полезна всем интересующимся вопросами экономической политики, исследователям, аспирантам и докторантам, студентам старших курсов, правительственным чиновникам, отвечающим за разработку макроэкономической политики, широкому кругу читателей, интересующихся решением проблем бедности, неравенства и экономического роста.

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РАДИКАЛИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА: сб. статей / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2023. 384 с.

Сборник статей содержит разработку теоретических, правовых, социально-антропологических подходов к проблемам экстремизма и радикализма, которые проявляются в России и в мире в разных формах – от идеологических концепций до насильственных форм, включая терроризм. Освещены итоги исследований в этой области в рамках научного сотрудничества Российской академии наук и Национальной академии наук США, правовые нормы и правоприменительная практика в отношении экстремизма в странах Европы и в международно-правовых документах. Социологический анализ на предмет рисков радикализации среди российской молодежи выполнен на примере Московского и других регионов РФ, риски радикализации и возможного рекрутирования в экстремистские идеологии и сообщества рассмотрены на примере мигрантских сообществ. Научный интерес представляют социально-психологические подходы в анализе личностей и групп, вовлеченных в экстремистские идеи и практические действия. Рассмотрены проявления насильственного экстремизма в форме молодежных субкультурных группировок типа АУЕ в России и т.н. Колумбайна (школьных расстрелов), проявившиеся масштабно в США. Оба явления рассмотрены с точки зрения общественного восприятия и судебно-правовой практики под углом феномена «моральной паники» (неадекватной квалификации явления без его должного обоснования и под влиянием общественных настроений и политических

установок). Сборник имеет не только научное, но и практическое значение для понимания и противодействия экстремизму и радикализму в российском обществе и в мире в целом.

Ильина И.Н., Коно М. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К РАЗВИТИЮ «УМНОГО ГОРОДА». М.: ВШЭ, 2023. 248 с.

В монографии представлены результаты исследования проблем развития «умных городов» в контексте социально-экономических процессов в российских и зарубежных городах. Рассмотрены предпосылки возникновения и развития «умных городов», их роль в технологической революции, этапы «умной» трансформации городов, связь с устойчивым развитием и новыми стандартами качества жизни. Отдельный раздел посвящен созданию «умных городов» с нуля. Рассмотрены международные и российские показатели оценки «умных городов».

Для научных работников, специалистов в области экономики городов, преподавателей и студентов вузов, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами «умного» устойчивого развития городов.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ / Отв. ред. Е.А. Авдеев. Ставрополь: Бюро новостей, 2022. 164 с.

Книга раскрывает исторические особенности и современную специфику этнокультурного взаимодействия народов Северного Кавказа, социокультурные основания идентичности полиэтнической молодежи региона и роль массовых коммуникаций в формировании идентичности молодых людей. На основе результатов социологического исследования определены ценностные основания российской, этнической, конфессиональной и региональной идентичности молодежи, оценки и представления молодых людей в сфере межнациональных отношений. Монография носит междисциплинарный характер, обобщает опыт социокультурного взаимодействия на Северном Кавказе, результаты социологического исследования полиэтнической молодежи и знакомит читателя с исследованиями молодых ученых.

Зиганшин Р.М. МЯГКАЯ СИЛА КИТАЯ: ИСТОКИ, АНАЛОГИИ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА / Отв. ред. А.М. Хазанов. М.: ИВ РАН, 2022. 316 с.

Включаясь в сложный и противоречивый процесс исследования феномена и понятия «мягкая сила», автор поставил задачу не только раскрыть это понятие и сам феномен, но и проследить его происхождение, культурно-исторические истоки, показать проявление на практике на примерах культуры и политики стран Запада и Китая. Сделать это через конкретные философско-идеологические построения, конструкции и исторические примеры. Провести анализ, сравнение, аналогии, обосновывая одновременно и актуальность темы для сегодняшнего времени.

Марков Б.В. НЕЗАВЕРШЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ. СПб.: Береста, 2022. 468 с.

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена анализу политической философии представителей Франкфуртской школы. В центре внимания автора – проект негативной диалектики, на основе которой возможна эмансипация людей, охваченных мощными пропагандистскими машинами современности. В книге предпринята попытка осмысления критико-идеологического проекта в условиях современности. Автор отмечает, что положительным достижением Франкфуртской школы является открытие новых неревolutionционных, неполитических форм протеста, которые выражаются в акциях представителей культурного авангарда, следовательно, сегодня не классовая борьба, а изменение форм жизни становится главной стратегией социальных преобразований.

Книга адресована специалистам, размышляющим о путях трансформации общества, и широкому кругу читателей, обеспокоенных рисками модернизации.

Подготовила Э. БИЙЖАНОВА

ПАМЯТИ КУСЕИНА ИСАЕВИЧА ИСАЕВА

(07.09.1937–31.03.2023)

Ушел из жизни известный кыргызский и советский социолог, истинный патриот и сын кыргызского народа профессор Кусеин Исаевич Исаев.

Кусеин Исаевич родился в селе Бостери Иссык-Кульской области Киргизской ССР в семье потомственных кочевников, начавших вести оседлый образ жизни только в начале 1930-х гг. Отец, Жанузаков Иса, 1906 г.р., в годы Великой Отечественной войны был командиром отделения пехоты, погиб 21 января 1943 г. под городом Старая Русса Новгородской области. Мать, Жанузакова Болду (1911–1961), работала в колхозе. В семье было 16 детей.

В начальных классах Кусеин Исаев учился в школе родного села Бостери (1945–1952), в старших – в школе № 5 г. Фрунзе (ныне Национальная компьютерная гимназия № 5, Бишкек). В 1961 г. с отличием окончил экономический факультет Кыргызского государственного университета. В 1964–1967 гг. – аспирант Института экономики АН СССР, где и защитил кандидатскую диссертацию. В 1984 г. защитил докторскую диссертацию по социальным проблемам кыргызского села в Институте философии АН СССР. В 1985 г. присвоено ученое звание профессор.

Его профессиональный путь начался в альма-матер. Затем он работал во Фрунзенском политехническом институте доцентом, профессором и зав. кафедрой. Там же в 1983 г. К. Исаев организовал социологическую лабораторию, а в 1988 г. – кафедру социологии и инженерной психологии. В 1993–1998 гг. – профессор, зав. кафедрой социологии и политологии Бишкекского гуманитарного университета, где в 1994 г. он организовал и возглавил факультет управления и социологии и социологическую лабораторию. В 1999–2002 гг. Исаев работал профессором кафедры социологии в Американском университете Кыргызстана. С 2005 по 2017 г. возглавлял кафедру социологии в Кыргызско-турецком университете «Манас», являлся директором Международного центра социологических, политических и социально-психологических исследований.

Профессор Исаев стоял у истоков основания и развития социологии как научной дисциплины и самостоятельной профессии в Кыргызской Республике. Им было подготовлено 5 докторов и 25 кандидатов наук. Являлся членом ряда специализированных диссертационных советов: по социологии в Алматы (1989–1993) и Туркестане (с 1999), по социальной философии (1994–1998) и социологии, политологии и социальной философии (с 2001 г.). Опубликовал 20 книг и более 250 статей.

В 1960–1980 гг. научные интересы Исаева были связаны с изучением села как особой социально-территориальной общности людей, анализом тенденций и противоречий социального развития деревни, стратификационных и классовых изменений. Предложил использование понятий «аграрный сектор», «сельская местность», «сельское поселение», «сельскохозяйственное поселение». Считал, что будущее Кыргызстана как аграрной страны связано с комплексным развитием деревни как среды жизнедеятельности людей, с индустриализацией производства, электрификацией быта, повышением уровня образования и культуры. Он также работал над проблемами миграции сельского населения,

сценариями социальной адаптации сельских мигрантов к условиям урбанизированной жизни и промышленного труда.

По итогам этих исследований были опубликованы такие работы, как «Деревня Киргизии: вчера, сегодня, завтра» (Фрунзе, 1976); «Диалектика социальной структуры населения Киргизии» (Фрунзе, 1979); «Взаимоотношения города и деревни» (Фрунзе, 1980); «Население Киргизии» (Фрунзе, 1982); «Политическая культура колхозного крестьянства» (Фрунзе, 1984); «Формирование нового типа расселения в условиях урбанизации и агро-промышленной интеграции» (Москва, 1985 (в соавт.)); «Ориентация молодежи на рабочие специальности и их адаптация на промышленных предприятиях: материалы социологических исследований» (Бишкек, 1996 (в соавт.)); «Уроки демократии» (Бишкек, 2001); «Кыргызстан на стыке веков» (Бишкек, 2002) и ряд других.

В 1990-х гг. научные интересы К. Исаева сфокусировались на проблемах модернизации Кыргызстана, анализе социальных изменений, тенденций и противоречий трансформации общества. В эти годы под его руководством были проведены исследования, связанные с изучением и анализом социальных изменений и качества жизни, среди которых можно выделить: исследование проблем приватизации и ее воздействия на малообеспеченные слои населения (1994); «Анализ рынка труда и изучение доступа бедных слоев населения на рынок труда в Кыргызстане» (1998–1999); мониторинг оценки рейтинга политической элиты Кыргызстана (1999–2005); «Жилищные условия, образ жизни и здоровье» (2000–2003); «Улучшение питания для малообеспеченных матерей и детей в странах Азии в условиях переходного периода» (2003); «Ключевые индикаторы для измерения социальных и политических изменений в странах СНГ» (2004–2007); «Соотечественники в странах бывшего СССР» (2006) и другие.

Кузеин Исаевич являлся членом советских и зарубежных социологических организаций: Советской и Международной социологических ассоциаций, вице-президентом Ассоциации социологов СНГ; сопresidentом Евразийской социологической ассоциации; действительным членом Академии гуманитарных наук РФ; Международного исследовательского комитета «Якобо» (Варшава – Сеул, с 1997); организационного комитета Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (с 2002). Многие годы Исаев являлся представителем кыргызской социологии в Международном редакционном совете журнала РАН «Социологические исследования».

За свой профессионализм и неустанный поиск научной истины Кузеин Исаевич имел множество наград и поощрений: Заслуженный работник образования КР (2006), Народный Учитель КР (2010), лауреат премии союза молодежи Кыргызстана за работу «Комплексное социологическое исследование проблем подготовки квалифицированных кадров из числа кыргызской молодежи и их адаптация на промышленных предприятиях» (1994), медаль «За доблестный труд» (1970), орден «Знак Почета» (1976), почетные грамоты Верховного Совета Киргизии (1980, 1985), знак «Отличник народного образования» (1974).

Память о многообразии общественной, образовательной и научно-организаторской деятельности Исаева продолжит жить в его научном наследии, делах коллег и учеников. Он прожил яркую жизнь, не изменяя себе и своей родине, был истинным сыном кыргызского народа, и особенно своего маленького горного села Бостери на берегу голубого озера Иссык-Куль, такого же горячего и незамерзающего, как и его сердце.

Светлая память о замечательном человеке и ученом, друге и соратнике, жизнелюбивом, открытом и отзывчивом человеке навсегда останется в наших сердцах.

Президент Социологической ассоциации Кыргызстана,
д. социол. н., проф. Н.А. Омуралиев

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2023 No. 4

CONTENTS

THEORY. METHODOLOGY

- 3 GOFMAN A.B. Domination of Domination Idea: "The Will to Power" in Contemporary Social Theory. Part I.
15 TURNER S. Epistemic Justice for the Dead (transl. by N.V. Romanovsky)

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL STUDIES

- 28 MYAGKOV A.Yu. Nonrandomized Techniques for Sensitive Surveys: Comparative Analyses

SOCIOLOGY OF SCIENCE

- 39 SMIRNOV A.V. Russian Sociology in the Context of Society Digitalization: Results of a Corpus Analysis of Scientific Texts

DEMOGRAPHY. MIGRATION

- 51 SHUSTOV A.V. Contours of the Migration Crisis of 2020–2022 in Russia
65 OSADCHAYA G.I. Migrants from Uzbekistan in the Moscow Agglomeration: Assessment of Migration Experience
75 SINELNIKOV A.B. Social Acceptability of Objective and Subjective Reasons for Divorce in Modern Russia

SOCIOLOGY OF EDUCATION

- 84 KLYUCHAREV G.A., TYURINA I.O. Bologna Experience: Successes and Doubts
94 VARSHAVSKAYA E. Ya. Work-Related Learning Practices of University Graduates: Scope and Determinants

SOCIOLOGY OF CULTURE

- 106 ABRAMOV R.N. Russian science fiction in the Genre of Alternative History as a Reflection of Mass Consciousness: Sociological Approaches
117 LATOV Yu.V. Paradoxes of the Russian *Popadanets*' Science Fiction

SOCIOLOGY OF INTERNATIONAL STATION

- 129 LI QIN, BABICH N.S. Attitudes Towards Russia and the USA in the Public Opinion of Modern China

SOCIOLOGICAL JOURNALISM

- 141 PODVOYSKIY D.G. Men, Women, ... Tribes, Peoples: What Does a Person's Life Look Like Among His/Her Constructs?

ACADEMIC EVENTS

- 153 BAIMURZINA G.R., VALIAKHMETOV R.M., BOCHAROV V.Yu. The Quality of Employment of Hired and Self-Employed Workers in Russia
156 ANIKINA M.E., KHROUL V.M. XVI Grushin Readings at Lomonosov University
159 ROSTOVSKAYA T.K. Men in Modern Russian Society
161 ZBOROVSKY G.E., AMBAROVA P.A. What Sociologists Talked at the XXIII Ural Sociological Readings

REFLECTING ON A NEW BOOK

- 163 KATERNYI I.V. Realism and "Formal" Sociology: a New Reassembly of the Social
(reflecting on a book of I.A. Shmerlina)

170 BOOKS IN BRIEF

IN MEMORIAM

- 173 K.I. Isaev

175 CONTENTS

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)